

Е. В. ТАРЛЕ

РУССКИЙ
ФЛОТ
и внешняя политика
ПЕТРА I

Петр I. 1697 г.

Санкт-Петербург
1994

68.66
Т20

Печатется по: Военное изд-во Мин-ва воор. сил Союза ССР, М., 1949.

К изданию 1994 года

Евгений Викторович Тарле (1874-1985), советский историк, академик, лауреат государственных премий СССР 1942, 1943 и 1946 годов, на базе богатейшего фактического материала написал ряд блестящих трудов по военной истории России, отличающихся глубиной и оригинальностью мысли, а также прекрасным литературным стилем.

Книга "Русский флот и внешняя политика Петра I" впервые увидела свет в 1949 году. Позднее, уже после смерти Евгения Викторовича Тарле, отдельные ее главы были включены в монографию "Северная война и шведское нашествие на Россию", подготовленную к печати историками Б. Б. Кофенгаузом и Н. И. Павленко.

По замыслу автора задачей книги было показать как изменилась внешняя политика России и отношение к ней западно-европейских дипломатов с появлением нового мощного фактора русского военного и государственного могущества — созданного Петром I военноморского флота.

Мы надеемся, что книга, выход которой приурочен к трехсотлетию российского регулярного военного флота, будет хорошим подарком для историков и для всех, кто интересуется историей России.

Редакция

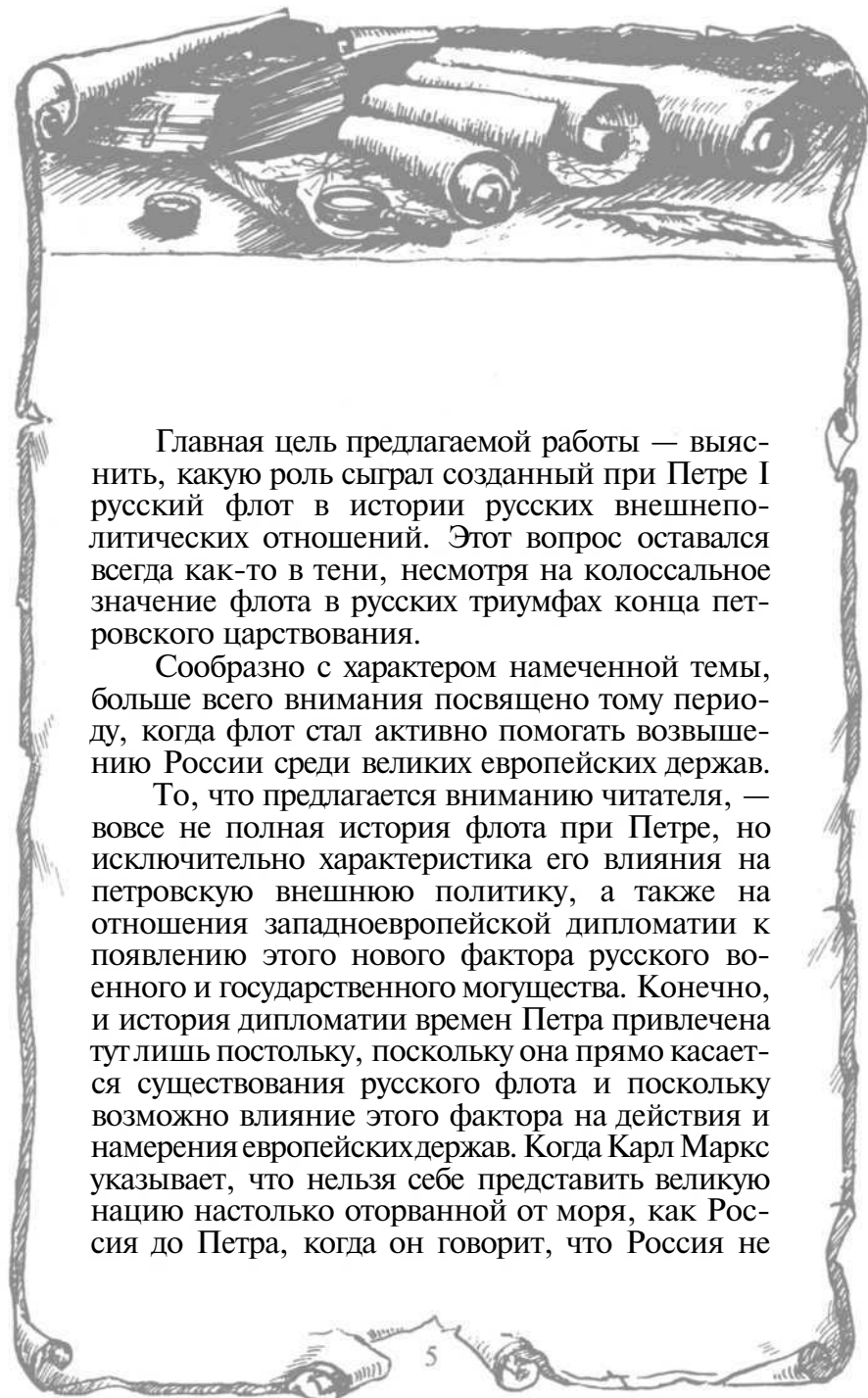
Т 1304040500-05- без о&мм.

© Морской исторический сборник, 1994

© Фирма «БРАСК», оформление, оригинал-макет, 1994

ISBN 5-85089-029-7

могла оставить в руках шведов устье Невы, а также Керченский пролив — в руках кочующих и разбойничающих татар, то он со свойственной ему глубиной исторического реализма формирует и объясняет то упорство, ту последовательность и ту готовность ко всяким жертвам и опасностям, которые проявил Петр в стремлении к морю. И наряду с этим Маркс дает объяснение тому, что Россия, оставаясь великой нацией, в результате, правда, тяжелой борьбы, не могла не достигнуть этой абсолютно для нее необходимой цели. "Никогда ни одна великая нация не существовала и не была способна существовать в таком внутриматериковом положении, как первоначально государство Петра Великого; никакая нация не подчинялась бы подобным образом тому, чтобы видеть, как ее берега и устья ее рек отторгнуты прочь от нее. Россия не могла оставить устье Невы, единственный путь для сбыта продуктов русского Севера, в руках шведов", — говорит Маркс. В борьбе за возвращение своих стародавних земель при Балтике русскому народу, конечно, мешала его отсталость, которая не была им полностью изжита не только при Петре, но и в течение всего существования монархии в России. Читатель не должен забывать о тех страшных трудностях, которые России пришлось преозмочь, и о тех жертвах и страданиях, которые пришлось ей пережить, создавая флот и превращаясь в великую морскую державу. Социально-экономичес-

кая структура феодально-абсолютистского государства оставались и при Петре, и участь закрепощенной народной массы стала еще тяжелее; большие народные восстания были последствием этого положения. Но, несмотря на все тяготы, России удалось успешно начать делопреодоления своей технической и общекультурной отсталости и в конце разгромить напавшего на нее врага.

Могучие, повелительные, неустрашимые экономические потребности дальнейшего исторического развития русского народа и задача расширения и стратегического укрепления государственных границ диктовали программу действий. Голос истории был услышан — ценою тяжчайших жертв русский народ создал флот и пробился к морю.

В гигантской, длившейся двадцать один год борьбе Петр проявил во всем блеске свои разнообразнейшие гениальные способности. Он оказался и первоклассным стратегом (полководцем и флотоводцем), и проницательным высокоталантливым дипломатом, которого не могли обмануть ни англичане, ни французы, ни шведы, ни Австрия, ни Пруссия. Он проявил себя и как замечательный законодатель и администратор, который хотел помочь России "выскачуть из рамок отсталости" (Сталин) в опасный момент грозной борьбы. Но здесь он нас будет интересовать как флотоводец и как создатель военного флота, могущественно способство-

вавшего окончательной победе. Полтава нанесла непоправимый, сокрушительный удар шведскому могуществу, а флот помог побороть все усилия шведов отдалить подписание мира и все интриги англичан и французов, направленные к тому, чтобы подбодрить шведов к продолжению борьбы. Избегая всяких преувеличений, должно признать, что роль юного русского флота в последние годы войны была громадна. Тяжкие жертвы и колоссальные усилия русского народа, создавшего могучую морскую силу, оказались не напрасными.

1

Как известно, Петр I никаких мемуаров не оставил, да и вообще совсем несвойственно было ему предаваться воспоминаниям. Как будто предчувствуя, что жизнь его будет довольно короткой, он брался за одно дело вслед за другим, а чаще всего приходилось выполнять несколько дел за раз. Настоящее и будущее имели для Петра всегда несравненно больше интереса, чем прошлое. Может быть, единственный раз в жизни Петр предался воспоминаниям, не имевшим прямого и непосредственного отношения к вопросам момента. Мы находим любопытные в этом отношении строки, явно проникнутые эмоцией, в собственноручной записке Петра "О начале кораблестроения в России". Сначала Петр рассказывает, как он заинтересовался случайно найденной астролэбией и как "сыскал голландца, именем Франца, прозванием Тиммермана", который умел с астролэбией обращаться. Обо всем этом (т. е. о том, кто и как "сыскал" Тиммермана), царь спустя тридцать два года вспоминает с такими деталями, с такой отрадой, с какой люди говорят лишь о важных и счастливейших событиях своей жизни. Но почему же столь существенно, что "такое сей Франц, чрез сей случай, стал при дворе быть беспрестанно и в компаниях с нами"? Потому,

что появление "сего Франца" тесно связано с другой, несравненно более важной находкой: "Несколько времени спустя случилось нам быть в Измайлове на Лыняном дворе и, гуляя по амбарах, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышереченного Франца, что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где его употребляют? Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветру, которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно. Потом я его паки спросил: естьли такой человек, который бы его починил и сей ход показал? Он сказал, что есть. То я с великою радостью сие услыша, велел его сыскать. И вышереченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта, который призван при отце моем в компании морских людей, для делания морских судов на Каспийском море; который оный бот починил и сделал машт и парусы, и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил: для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу более. Того для я стал проводывать, где более воды; то мне объявили Переславское озеро (яко

наибольшее), куды я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился¹.

Мать Петра, Наталья Кирилловна, отпустила шестнадцатилетнего юношу, отпросившегося будто бы на богомолье, а тот превратил Переяславское озеро в первое по времени место постройки (или, точнее, опытов постройки) судов своего будущего флота.

"И тако вышереченный Карштен Брант сделал два малые фрегаты, да три яхты, на которых его величество несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало: и изволил ездить на Кубинское озеро, там пространство большее, но ради мелкости не угодное. Того ради уже положил свое намерение видеть воду охоте своей равную, то есть прямое море"².

Следующим этапом в ознакомлении Петра с корабельным делом была предпринятая им поездка на Север, к Белому морю.

4 июля 1693 г. Петр выехал в Архангельск, куда и прибыл утром 30 июля. Первый раз в жизни он увидел море и настоящие морские суда. Как раз голландские и английские торговые

1 Записка Петра I о начале кораблестроения в России в несколько измененном виде, сделанном Феофаном Прокоповичем, называлась: "Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытность флота на море. Предисловие к доброхотному читателю". СПб., 1720, стр. 1 — 9. В первоначальном виде эта записка опубликована Н. Устряловым в его труде "История царствования Петра Великого", т. II. СПб., 1858, стр. 397 - 401.

²"Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытность флота на море. Предисловие к доброхотному читателю", стр. 7.

суда собирались идти из Архангельска домой, и Петр немедленно решает принять участие в их плавании. На русской 12-пушечной яхте "Святой Петр" он присоединяется к этому небольшому торговому каравану и довольно далеко провожает его в море. Целых шесть дней заняло это неожиданное путешествие, но Петра совсем не удовлетворили его результаты. Что осмотришь за короткое время на уходящих кораблях? Царь решил задержаться в Архангельске, пока не придет ожидавшаяся к началу осени новая торговая флотилия из Гамбурга. Дождавшись ее и осмотрев с большим вниманием суда, царь вернулся в Москву.

В Архангельске (на Соломбальской верфи) Петр заложил 24-пушечный корабль "Апостол Павел". Кроме того, им было приказано купить в Голландии 44-пушечный фрегат, названный "Святое Пророчество".

Первое знакомство с морем окончательно выявило настоящую страсть Петра к морской стихии — иначе трудно определить всю интенсивность и глубину того влечения к морю, к морскому делу, к морскому обиходу, которое не оставляло царя до смерти. Истинно государственная широкая мысль о настоятельной необходимости и для экономики и для политики России обладать сильным и дееспособным флотом встретила в душевной жизни Петра с самой пылкой готовностью — как можно скорее, не считаясь ни с какими жертвами и препятствиями, сделать абсолютно все, что в человеческих силах, для создания военного и торгового флота.

Однако путешествие в Архангельск мало удовлетворило Петра. Он вернулся в Москву 1 октября, а спустя без малого четыре месяца, 25 января 1694 г., умерла Наталья Кирилловна. Смерть матери поразила молодого царя, но долго предаваться печали он не умел. Смерть царицы могла лишь ускорить задуманное Петром второе путешествие к Белому морю: Наталья Кирилловна страшно тревожилась за сына во время первого путешествия, она пред отъездом брала с него обещание не покидать берега (которое Петр нарушил немедленно по прибытии в Архангельск), и раньше можно было ждать с ее стороны решительных протестов против нового путешествия. Но теперь препятствие отпало, и 1 мая 1694 г. царь выехал из Москвы на Белое море к началу летней навигации.

Почти немедленно по прибытии в Архангельск Петр предпринял на яхте "Святой Петр" путешествие в Соловецкий монастырь. По пути к Соловкам яхта испытала настолько жестокую бурю, что люди экипажа уже не чаяли себе спасения, а духовные лица, бывшие на судах, убедили Петра исповедаться и приобщиться перед близкой смертью. Однако опасность миновала. Петр после непродолжительного пребывания в Соловках вернулся в Архангельск.

Находясь в Архангельске, царь почти ежедневно бывал у голландцев и англичан, часами наблюдая, выспрашивая, учась, принимая непосредственное участие в разного рода ремонтных корабельных работах. С 14 по 21 августа Петр был

в море, в том первом большом плавании, которое было им намечено еще в первое посещение Белого моря. У него было три корабля: два построенные в Архангельске и один — построенный, наконец, в Голландии и пришедший оттуда. Царь включил свои корабли в очередной караван, состоявший из возвращавшихся четырех голландских и четырех английских торговых судов. Проводив иностранцев до выхода из Белого моря, три русских корабля вернулись в Архангельск.

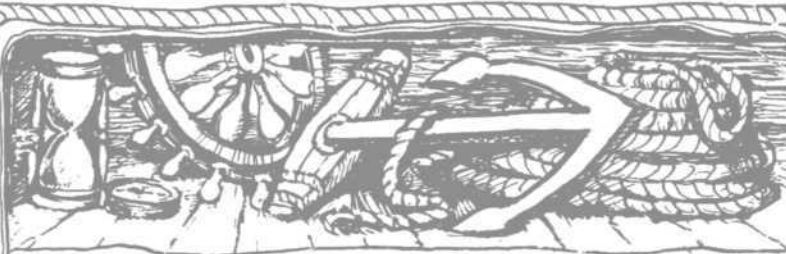
Уже этот скромный опыт показал Петру, что у него не только нет флота, но нет и в помине людей, сколько-нибудь похожих на моряков. Ни "вице-адмирал" Бутурлин, командир корабля "Апостол Павел", ни "адмирал" князь Федор Ромодановский, командовавший фрегатом "Святое Пророчество", ни "контр-адмирал" Гордон морского дела не знали. Гордон чуть не потопил свою яхту "Святой Петр" и сам сознавался, что "только божественное провидение" спасло его, когда он по ошибке чуть не посадил свой корабль на скалы. А ведь Гордон был все-таки более похож на командира корабля, чем Бутурлин или князь Федор Юрьевич. Сам "шхипер Питер" командующей роли на себя не брал, не считая себя подготовленным. Своих "адмиралов" он также считал неподготовленными, но выбирать было не из кого. Матросы из северян-поморов, выросших у моря и кормившихся морем, были еще не так плохи, но командный состав весьма слаб.

2

Из второго путешествия к Белому морю Петр вернулся в Москву с твердой мыслью о необходимости создания флота. Если для шестнадцатилетнего юноши Яуза уже оказалась недостаточной, если для двадцатилетнего Петра ока-зались слишком "узкие воды" в Переяславском озере, то двадцатидвухлетний царь, побывав на море, навсегда бросил свой "игрушечный" переяславский флот и с той поры ни о чем, кроме моря, не мог думать, мечтая о кораблестроении.

Когда Петр пришел к власти, его царство располагало в сущности всего двумя морскими побережьями: на Белом море и на севере Каспия. Каспийское море пока не приходилось принимать в расчет: во-первых, кроме узкого краешка северного берега по обе стороны астраханской дельты, русские никакими другими берегами там не располагали ни к востоку, ни к западу, ни к югу. Этими берегами владели либо непосредственно Персия, либо подчинявшиеся Персии туркменские и кавказские племена; во-вторых, закрытое Каспийское море не сулило никаких перспектив в смысле общения с европейской наукой и техникой. Не пришло еще и время, когда у Петра вполне освободились руки для предприятий на Каспийском море.

Следовательно, оставалось одно: использовать Беломорье. Две поездки царя к Белому морю были лишь первоначальными разведками. Они убедили Петра, что только через Белое море, находившееся слишком далеко от основных центров страны и замерзающее на большую часть года, нельзя наладить необходимые хозяйственные и культурные связи России со странами Европы.

Странно и даже как-то дико показалось придворной Москве неожиданное влечение царя к предполярным океанским ширям. От царских спутников узнали, что Петр там не только пировал с голландцами и англичанами (к этому уже привыкли и это никого не удивило), а и не раз подвергался на море смертельной опасности. Узнали о плотничьем и слесарском труде, который нес царь при починке кораблей. Узнали о закладке судов, об указаниях, которые даны для развития активной торговли с Западом, т. е. о необходимости вывозить русские товары на русских судах.

Все это говорило, что дело касается чего-то несравненно более серьезного, чем потехи на Переяславском озере. Приближалось время, когда царь разрешил все недоумения и ясно дал понять, что в создании флота он видит одно из насущнейших дел своей государственной деятельности.

Прорваться к морю — такова была цель Петра. Начать все же приходилось не с Балтийского моря, где царила первоклассная держава —

Швеция, а с Азовского и Черного, так как с турками было легче справиться. К тому же между Россией, Польшей, Австрией и Венецией существовал военный союз, направленный против Турции. В 1695 г. Петр двинул войска под Азов.

Неудача первого азовского похода показала, что без помощи флота Азова не взять. Два приступа были отбиты, а крепость не только удержалась, но и ее обороноспособность ни чуть не уменьшилась к тому моменту, когда Петр принужден был снять осаду. Крепость, получавшую регулярную помощь со стороны моря, трудно было понудить к сдаче, а у турок был и на Черном и на Азовском морях флот, правда, плохой, — но ведь у русских и вовсе никакого флота не было.

Нужны были Петру не только военные, но и транспортные суда для перевозки военных грузов по Дону, потому что легче было везти грузы из Москвы к Воронежу и там перегружать на суда и отправлять под Азов по реке, чем перебрасывать их сухим путем из центра государства к Азову.

Началась работа по постройке судов. Уже зимой 1695—1696 гг. работали вовсю и в Преображенском, на сооруженной там верфи, и в Воронеже. Больше строили галеры и струги. Выписаны были корабельные мастера. Плотники, слесари, кузнецы брались отовсюду, где только можно было их найти. В Воронеже делом своза материалов, а потом и постройки заведовал Титов, не имевший до той поры никакого понятия о кораблестроении, а всем этим флотом ко-

мандовал Лефорт, который, как истый швейцарец, гражданин самого "сухопутного" государства в Европе, очень мало смыслил в морском деле вообще и в кораблестроении — в частности. Но Лефорту очень помогали все новые и новые работники, прибывавшие из-за границы. Выстроенные в Преображенском галеры перевозились в Воронеж в разобранном виде, здесь собирались и отправлялись к устьям Дона. Весной 1696 г. в Воронеже были спущены на воду 2 корабля, 23 галеры, 4 брандера. Непрерывно строились в большом количестве струги. Гребцами были отчасти "вольные", отчасти "каторжники".

Импровизированный флот принес существеннейшую пользу делу предпринятой вновь осады Азова. Начать с того, что уже 20 мая, т. е. очень скоро после прибытия первых судов в устья Дона, казаки напали на подошедший с моря и пробиравшийся к крепости караван турецких грузовых судов, сожгли девять из них, одно судно взяли в плен, отбили часть боеприпасов (пороха и бомб) и других предметов и обратили этим нападением в бегство турок, которые так и не добрались до Азова. Когда затем подошли к Азову в полном составе выстроенные галеры и брандеры и расположились в устье Дона, то они не пропускали уже в осажденную крепость ни войск, ни боеприпасов, ни провианта. Даже большая флотилия, шедшая из Константинополя (6 кораблей и 17 галер, на которых было до 4000

чел. войска), не решилась пробиться и ушла обратно. Артиллерийский обстрел с суши и абсолютная невозможность выдержать осаду без подкреплений из Крыма или из Турции принудили азовский гарнизон к сдаче (19 июля 1696 г.). Роль флота в этой победе была так очевидна, что вопрос об обширной судостроительной программе сам собой стал бы на очередь, даже если бы Петр до азовских походов и не думал об этом очень упорно. Но ведь самая мысль о взятии у турок Азова была мотивирована желанием выйти на морские просторы, проникнуть поскорее к берегам Черного моря.

После взятия Азова были предприняты поиски удобной гавани и намечено устройство ее на мысе "Таганый рог" (нынешний Таганрогский порт).

Заметим, что под Азовом впервые обнаружили организаторские и стратегические способности Петра. Бесспорно, что в истории военноморского искусства этот удачный опыт взаимодействия сухопутных и морских сил при осаде и взятии приморской крепости занимает свое почетное место. Неудачи англичан при подобных же попытках взять в 1691 г. Квебек (в Канаде) или в 1693 г. Сен-Пьер (на Мартинике) справедливо противопоставляются успешным действиям Петра под Азовом! .

¹ К. Федоров. Взятие русскими войсками и флотом Азова в 1696г. "Морской сборник", 1946, № 7, стр. 87 — 104. См. также К. Никольченков. Создание Азовского военного флота. "Морской сборник", 1939, № 6, стр. 64 - 76.

Петр, конечно, понимал, что главная роль азовского флота заключалась в блокировании крепости с моря и в транспортировании людей и припасов с верховьев Дона и его притоков к Азову.

И когда Азов сдался, наконец, русским 19 июля 1696 г., то вся, так сказать, стратегическая и политическая недоконченность предприятия предстала воочию. Без овладения Крымом (или, по крайней мере, Керчью) завоевание Азова очень мало приближало Россию к свободному выходу к Черному морю.

Для того чтобы продолжать войну с Турцией за черноморские берега, нужно было создать сильный флот, ибо, как писал Петр I в октябре 1696 г. Боярской Думе, "ничто же лутче мню быть, еже воевать морем, понеже зело блиско есть и удобно многократ паче, нежели сухим путем, о чем пространно писати оставляю многих ради чесных искуснейших лиц, иже сами свидетели есть оному. К сему же потребен есть флот или караван морской, в 40 или вяще судов состоящий, о чем надобно положить не испустя времени: сколько каких судов, и со много ли дворов и торгов, и где делать"*.

В октябре 1696 г. в Москве собралась Боярская Дума, этот высший совещательный орган государства. Начав с обсуждения частного вопроса об укреплении Азова и о заселении новопри-

*Предложение Боярской Думы, касающееся завоеванной крепости Азова (1696, октября 20). Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I. СПб., 1887, стр. 113.

обретенной местности, Дума перешла к принципиально новой проблеме.

20 октября 1696 г. Боярской Думой были приняты "Статьи удобные, которые принадлежат к взятой крепости или фортеции от турок Азова". Под этим скромным названием записано и постановление, имеющее большое историческое значение: "Морским судам быть, а скольким, о том справитца о числе крестьянских дворов, что за духовными и за всяких чинов людьми, о том выписать и доложить, не замотчав (не замолчав. — Е.Т.)"*.

Таково было прямое законодательное последствие азовских походов.

"Морским судам быть" Это принятое Думой предложение Петра Алексеевича и сделало дату 20 октября 1696 г. днем рождения русского регулярного военно-морского флота, покрывшего себя славой от первых же лет своего существования.

4 ноября 1696 г. Дума ввела новую (и, надо отметить, очень тяжелую) повинность для скорейшего осуществления своего принципиального постановления.

Программа судостроения, принятая Думой, сначала предусматривала постройку 52 судов, а потом была расширена: потребовалось 77 судов. Строить их должны были "кумпанства", т. е. группы землевладельцев и торговых людей, спе-

*Предложение Боярской Думы, касающееся завоеванной крепости Азова (1696, октября 20). Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I. СПб., 1887, стр. 111.

циально для этой цели создаваемые. Участие в "кумпанствах" было, конечно, обязательным.

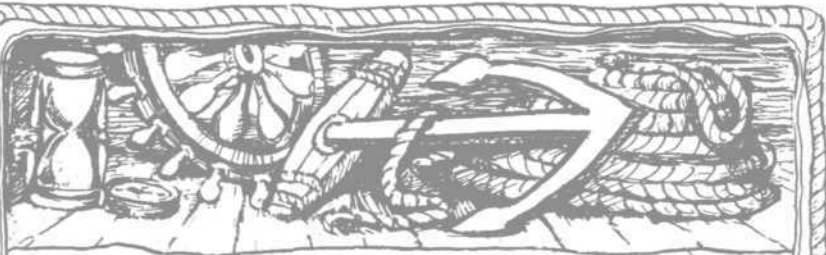
Все землевладельцы, имевшие более 100 крестьянских дворов, должны были соединяться таким способом, чтобы в каждом "кумпанстве" состояли землевладельцы, владевшие в общей сложности 10000 крестьянских дворов. Каждое такое "кумпанство" обязано было выстроить один корабль, а монастыри и церкви (тоже соединяясь в "кумпанства") — один корабль на каждые 8000 принадлежавших им крестьянских дворов. Купечество, как особое сословие, должно было выстроить 20 кораблей. Мелкие землевладельцы (имевшие менее 100 крестьянских дворов) платили особую подать — по полтине со двора.

Постройка судов "кумпанствами" была очень тягостна, ответственность денежная и личная всех причастных к делу очень суровая. Результаты, правда, были налицо, корабли строились, однако становилось ясно, что непосредственная постройка судов государством гораздо целесообразнее и позволит быстрее выполнить задачу создания флота. Поэтому постепенно "кумпанства" уступили свое место адмиралтейству.

При первых, часто не очень умелых, попытках большого военного судостроения, когда в ближайшем окружении Петра было еще так мало настоящих моряков, приходилось использовать воронежский опыт. Но этого было мало. Повелительно предстала перед Петром необходимость скорейшего ознакомления с кораблестроительной техникой Запада. И он едет за границу.

Мы теперь очень хорошо знаем, что вовсе не одно только кораблестроение интересовало Петра в его большом заграничном путешествии. Война Австрии с Турцией, отношения между Людовиком XIV и Вильгельмом английским, ближайшие намерения "галанских статов" (Генеральных Штатов Голландии), даже начинавшиеся сношения с сербами и валахами и т. п. — все это поглощало много его внимания. И все-таки при всех своих передвижениях — из Саардама в Амстердам, из Голландии в Лондон, из Лондона в Дептфорд, из Дептфорда в Вулич, в Портсмут, в Спитхэд, опять в Амстердам — Петр всегда руководствовался либо всецело, либо в самой значительной степени интересами кораблестроительной техники, вопросами морской артиллерии, навигационного дела в широком смысле слова. Когда стрелецкий бунт 1698 г. так круто видоизменил и испортил все планы царя и нужно было в Вене скомкать весь конец путешествия и спешить в Москву, то и здесь досаднее всего для Петра была невозможность съездить из Вены в Венецию и ознакомиться с венецианскими судами, не вполне похожими на голландские и английские. Но до той минуты, когда внезапно пришли вести о стрелецком бунте, Петру удалось поработать всласть на верфях, полазить по мачтам, поплавать на чужих судах, при случае — командовать, при случае — конопатить и смолить, и при всех случаях — учиться и осматривать, вникая и в главное, и во все детали.

Изумлялась и Европа. Одно только "инкогнито" ничего тут не объясняло: царствующие особы, путешествуя инкогнито, принимали обыкновенно титулованную фамилию и жили знатными барами, а не нанимались плотниками и не лазили по мачтам.

Но Петр поставил себе твердой целью: овладеть лично наукой кораблестроения настолько, чтобы ни одна часть этой сложной техники не оставалась для него тайной. И, по общим отзывам компетентных лиц, он успешно справился с этой задачей. А что при этом он скандализировал всех своих современников не только "на Москве", но и в Европе, и топтал ногами все условности и общепринятые понятия, — это его не в малейшей степени не смущало. Конечно, благочестивейший, благоверный царь русский и самодержец божией милостью, истовый и "тишайший" Алексей Михайлович на амстердамскую верфь наниматься в плотники не пошел бы; он не подрядился бы строгать дерево и строить корабли и не приглашал бы явившегося к нему в Лондон на аудиенцию английского адмирала полезть немедленно вместе с ним на мачту, чтобы там пристроиться и обстоятельно поговорить (адмирал отказался, указав на свою толщину, никак не позволявшую принять любезное царское приглашение).

Все это было до дикости странным, абсолютным ни на что общепринятое не похожим, почти в такой же мере не свойственным обиходу уже покойного тогда Алексея Михайловича, как и

здоровствовавших современников Петра — Людовика XIV французского, Вильгельма III — английского короля или Леопольда, "цесаря" австрийского, или дожа венецианского. Герцен, назвавший Петра "одним из ранних деятелей великого XVIII века", говорил о нем: "Его революционный реализм берет верх над его царским достоинством".

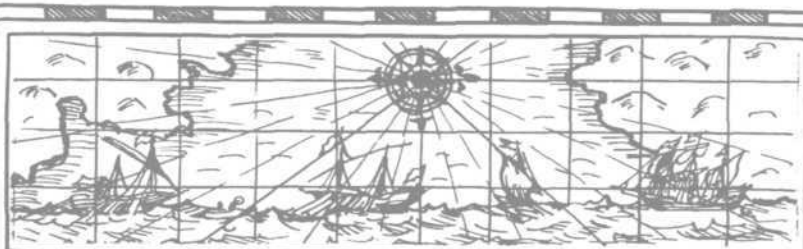
Так было в течение всей короткой и переполненной трудами жизни этого человека. Он безоглядно рушил все традиции и условности, если они затрудняли хоть сколько-нибудь работу, признанную им необходимой.

Петр сам рассказывает, что в Англию он поехал из Голландии только потому, что убедился в недостаточном теоретическом совершенстве "архитектуры и управления корабельного". Узнав, что голландцы больше берут долговременной практикой, Петр очень разочаровался: "Но понеже в Голландии нет на сие мастерство совершенства геометрическим (sic!) образом, но точию некоторые принципы, прочее же с долговременной практики и что всего на чертеже показать не умеют, тогда зело ему (Петру I — Е.Т.) стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольким дням прилучилось быть его величеству на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел гораздо невесел, ради вышеписанной причины. Но когда между разговором спрошен был, для чего так печален, тогда оную причину объявил. В той компании был един

англичанин, который слыша сие, сказал, что у них в Англии сия архитектура, так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться мочно. Сие слово его величество зело обрадовало: по которому немедленно в Англию поехал, и там через четыре месяца оную науку окончал"¹.

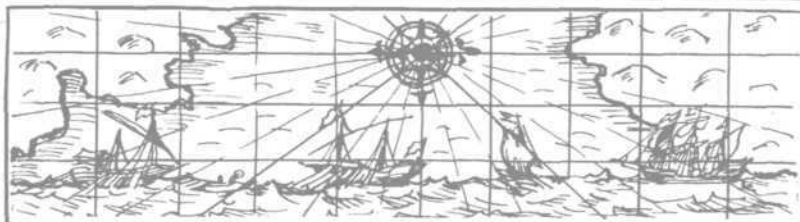
¹"Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытность флота на море. Предисловие к доброхотному читателю", стр. 8.

Вернувшись из-за границы с громадным запасом новых и ярких впечатлений, с разнообразными и обильными сведениями (и особенно в корабельном деле), Петр был сначала поглощен страшным стрелецким "розыском", занят долгими и нелегкими дипломатическими переговорами в 1699 и 1700 гг. Напрасно впоследствии Карл XII велел колесовать, а затем четвертовать ливонского дворянина Паткуля, обвиняя его в организации русского участия в антишведском союзе 1700 г. Петр ни в каких Паткулях не нуждался, чтобы воспользоваться удобным случаем для выступления против шведов. Вопрос ставился так: или останется в силе Столбовский договор 1617 г., навязанный шведским королем Густавом Адольфом Михаилу Федоровичу, и Россия признает нормальной свою полную отрезанность от Балтийского моря, или должна быть предпринята попытка вернуть в русское обладание древние русские земли, когда-то насильственно от России отторгнутые.

И Петр вступил в союз с Данией и с Речью Посполитой, поставив себе целью утвердить русское владичество на побережье Балтийского моря, чего бы это ни стоило.

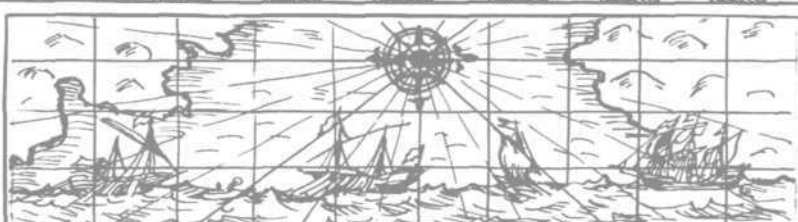
Думный дьяк Емельян Украинцев, ведший в Константинополе мирные переговоры с турками

в 1699 г., и Дмитрий Голицын, его преемник, в 1700 г. шли на отказ от самого серьезного русского требования: отказывались от права плавления русских судов по Черному морю, лишь бы поскорее обеспечить за царем свободу рук в начинавшемся великом состязании на севере.

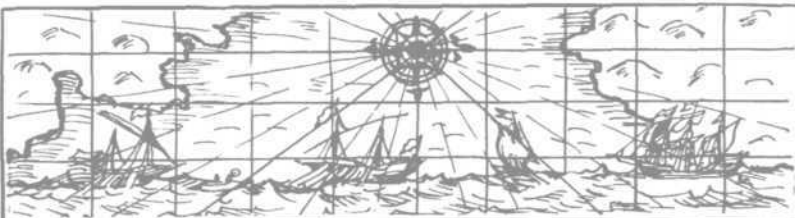
Мир с Турцией был подписан.

В 1700 г. началась Великая Северная война. В Европе почти одновременно возникла разорительная, долго ничем окончательно не решавшаяся война двух коалиций, из которых в центре одной были Франция и Испания, в центре другой — Габсбургская монархия и Англия. Вождь первой коалиции Людовик XIV и вождь второй коалиции английский король Вильгельм III (он же штатгальтер Голландии), конечно, не прочь были получить (каждый для своей группы) нового союзника в лице далекой России. Петр мог, воюя, например, против Австрии или Бранденбурга, этим самым помочь Людовику XIV; он мог, с другой стороны, воюя против Швеции, подорвать значение и силу шведского союзника Франции и этим помочь Англии и Голландии. Военная мощь России в тот момент расценивалась, правда, не очень высоко, но все-таки о возможности использовать московскую державу явственно продолжали думать о обоих лагерях. Но вот пошли по Европе слухи о тяжелом поражении русских под Нарвой 18 ноября 1700 г. Шведы не пожалели труда на то, чтобы расписать с самыми живописными подробностями, в ярчайших красках, эту победу своего короля. В Европе говори-

ли не только о полном разгроме русских сил, но и об отсутствии всякой дисциплины в их среде. Подвиг "молодого шведского героя" — Карла XII, которого очень торопившиеся льстецы поспешили произвести в Александры Македонские, восхвалялся на все лады.

Впечатление от Нарвы держалось долго. Можно сказать, что в течение восьми лет и семи месяцев, отделявших "первую Нарву" от Полтавы, дипломатия руководящих европейских держав оставалась под властью этих воспоминаний. И замечательно, до какой степени туго и трудно эти воспоминания уступали место новым, казалось бы, капитально-важным фактам, имевшим отнюдь не меньшее значение, чем Нарвская битва. Во-первых, войну за Балтику русские продолжали с неслыханным упорством. Во-вторых, в 1704 г. после шестинедельной бомбардировки русская армия штурмом взяла эту же Нарву и истребила или взяла в плен почти весь шведский гарнизон, после чего вся Ингерманландия попала в руки Петра. В-третьих, — разгром 28 сентября 1708 г. лучшего из шведских генералов Левенгаупта под Лесной, причем Левенгаупт, потерявший всю артиллерию и все с громадными трудностями и затратами собранные запасы, поставил этим Карла XII в явно критическое положение. Мы называем те блестящие русские победы, из которых битва 1704 г. ("вторая Нарва") не уступала по своим размерам и результатам нарвской победе шведов в 1700 г. ("первой Нарве"), а битва под Лесной решительно пре-

восходила шведский успех 1700 г. Об этих сражениях в Европе знали и все-таки их глубоко-го смысла и последствий еще не хотели учесть по достоинству, все продолжали толковать о шведском Александре Македонском. Легкие победы Карла над поляками и саксонцами еще более ослепляли его хвалителей. "Мой брат Карл хочет быть Александром, но не найдет во мне Дария", — отозвался Петр на этот доходивший до него гул европейского "общественного мнения" и хвастливые шведские уверения в близком завоевании Москвы.

С первых же лет Великой Северной войны постройка флота, проходившая в неимоверно трудных условиях, не переставала оставаться в центре внимания правительства. Создавая армию, вводя первые необходимейшие государственные преобразования, Петр, прекрасно понимавший, что без морской силы и шагу не ступить на Балтике, взвалил всю тяжесть успешного сооружения флота на плечи народа. "Морским судам быть!" Эти памятные слова постановления 20 октября 1696 г. ярким маяком стояли всю жизнь перед Петром и его сподвижниками.

Каждую копейку Петр экономил для флота. То есть экономил то, что возможно было урвать от армии, от укреплений на о. Котлин, от построек в Петербурге. Мало было у него тогда серебра, и царь грозно напоминал строителям судов и организаторам флотских экипажей, что сурово будет расплачиваться за упущения: "...Когда спросил о экзеркиции, на что он ответил, что она ни единожды не была (которое зело мне неприятно и не знаю для чего то главное дело ради молодых матросов забвению предано) и отговаривался будто для того, что все корабли и шнявы, кроме двух, негодны к ходу; но сие есть великой важности; ибо я буду оное свидетель-

ствовать, и еще не так найдется, то не легко плачено будет! (ибо не добро есть брать серебро, а дела делать свинцовые)"². Так грозил "нелегкой" расплатой царь в письме к вице-адмиралу Корнелию Ивановичу Крюксу 11 октября 1705 г. Он сидел в городе Гродно, был занят военной тревогой, следил за намерениями и передвижениями Карла XII, но не забывал о далекой Неве, Финском заливе и недостаточной выучке "младых матросов". Подчеркнутые мной слова очень характерны для служебного стиля Петра: много тратя на флот, Россия вправе была за свое "серебро" требовать от морских командиров дел "несвинцовых".

Правда, с трудом, но быстро строился флот, и хоть много лет прошло, пока он начал, наконец, играть заметную роль в войне, но уже с 1703 — 1705 гг. его существование никак нельзя было игнорировать.

Конечно, одно дело только "не игнорировать" новое явление, а совсем другое дело — оценить по достоинству его роль в настоящем и учесть его возможное значение в будущем. Ни такой оценки русского флота, ни подобного предвидения в эти годы между Нарвой и Полтавой мы в Западной Европе еще не встречаем.

Если даже крупные сухопутные победы 1704 и 1708 гг. не в состоянии были изгладить отрицательное для России впечатление от 18 нояб-

² Подчеркнуто мною. — Е. Т.

Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные, ч. I. СПб., 1829, стр. 8.

ря 1700 г., то подавно не могли этого сделать первые выступления молодого русского флота, упорно, с невероятной затратой людских жертв и с проявлением неслыханной, истинно фантастической энергии создаваемого Петром в устье Невы. А ведь уже и эти выступления представляли собой нечто в самом деле удивительное и небывалое. Русские овладевают с помощью флота устьем Невы, забирают о. Котлин, укрепляются в основанном поселке, который они именуют городом Петербургом, и, несмотря ни на какие усилия, шведы ровно ничего не могут с ними поделать. На Ладожском и Чудском озерах происходят мелкие стычки небольших шведских озерных эскадр с русскими плохо выстроенными мелкими судами, и в большинстве случаев успех остается на стороне русских. Сам Петр после взятия Нотебурга выходит к устью Невы и овладевает двумя шведскими судами. Эти первые успехи открывают (так казалось Петру и его сподвижникам) счастливые перспективы. Но для дипломатов Европы ясно пока было одно: настоящего флота у русских нет; правда, их верфи (например, Олонецкая и другие) работают неустанно, но о результатах их работы много говорить пока еще не приходится.

В европейские столицы приходят новые и новые вести: русские войска берут шведские крепости, победоносно отбивают одно за другим нападения шведов на о. Котлин. Карл XII в раздражении приказывает направить на Котлин и к берегам Невы эскадру Анкерштерна и большой

отряд генерала Майделя. Русский флот, уступавший и численностью, и техникой, и артиллерийским вооружением шведскому, прогоняет шведского адмирала прочь, а высаженный на Котлине десант почти полностью уничтожается. И все-таки ни во Франции, ни в Англии, ни в Голландии никакого заметного действия эти победы не производят. Еще об армии иногда вспоминают, к ней присматриваются, австрийский двор даже досадует, что русские воюют на Балтийском берегу, а не на юге, против шведов, а не против турок, но о возникающем русском флоте нет и речи. Его игнорируют почти вовсе, пробавляясь больше устарелыми анекдотами о саардамском и амстердамском плотничестве и об участии Петра в морских смотрах в Англии.

Стоит ли вообще придавать много значения русским победам на Балтике? Ведь ясно, что если эти победы, в самом деле, имели политическое будущее, то разве стал бы шведский король целые годы воевать в Польше и Саксонии, гоняться там за ничтожным Августом III, углубляться дальше и дальше к югу? Шведский "Александр" явится на Север, когда найдет нужным, и снова сметет прочь русские войска, как сделал это в начале войны под Нарвой 18 ноября 1700 г. Таково было мнение большинства дипломатических канцелярий в описываемый "предполтавский" период.

На самом деле ложно было представление, будто Карл и его генералы так-таки нисколько не

тревожились по поводу русских успехов на Неве, на Ладоге, у Копорья. Карл приказал дать серьезнейшую острастку русским в 1708 г. Шведы решили напасть на захваченные русскими территории с двух сторон: с юго-запада — из Эстляндии и с северо-запада — из Финляндии. Первым двинулся из Эстляндии отряд генерала Штромберга, но его два полка потерпели от Апраксина тяжкое поражение.

И тогда-то была совершена попытка нанести очень серьезный удар на устье Невы из Финляндии и со стороны моря. Из Финляндии шел генерал Любекер, в распоряжении которого было около 13 000 чел.; со стороны моря наступал флот в числе 22 шведских судов.

8 августа войска Любекера, перейдя реку Сестру, подошли к Неве выше Тосны. Одновременно на виду у Кроншлота показалось 22 шведских корабля. 29 августа Любекер после очень оживленной артиллерийской перестрелки, продолжавшейся почти три часа, переправился через Неву и пошел искать запасы, собранные в Ингерманландии. Около двух с половиной недель продолжались эти тщетные поиски: русские уничтожили все запасы (кроме тех, которые забрали в Петербург). У Апраксина не было достаточно сил, чтобы напасть на Любекера, а у Любекера не хватало сил, чтобы взять Петербург. Шведы занимали берег (ораниенбаумский, как он позже стал называться) и очень долго не знали, что им делать дальше.

У Любекера была сильно потрепанная походом и самым настоящим образом голодавшая армия, перед ним стоял пришедший уже в конце августа шведский флот, под командованием Анкерштерна, который так же точно был бессилен взять Кроншлотское укрепление и о. Котлин, как сам Любекер был бессилен взять Петербург. Колебания Любекера и Анкерштерна окончились довольно неожиданно. Случилось это так. У Апраксина не было сил покончить с Любекером, но была возможность беспокоить его, нападая малыми отрядами на отделившиеся от главного шведского лагеря части, при одной из таких стычек у Копорья, где шведам удалось одержать верх, они на беду свою нашли среди попавшей в их руки русской добычи письмо графа Апраксина к начальнику этого небольшого русского отряда генералу Фризеру. Апраксин сообщал Фризеру, что он спешит к нему с большой армией на помощь. Это письмо именно затем и было написано Апраксиным, чтобы каким-нибудь путем оно попало к Любекеру и сбило его с толка, потому что никакой большой армии у Апраксина не было и в помине, никаких подкреплений он сам не получал и другим послать их не мог. Затея Апраксина увенчалась самым блестящим успехом. Любекер и Анкерштерн поверили в реальное значение попавшей в их руки записки. Все колебания кончились, шведам представилось, что им грозит неминуемая катастрофа, если они замешкаются. Решено было поскорее посадить

армию на суда Анкерштерна и отплыть подброду, не теряя золотого времени. Но это решение и привело к катастрофе. Любекер покинул свой прежний лагерь и перевел свое войско к самому берегу моря. Сюда, в Копорский залив, к деревне Кривые Ручьи, подошли суда Анкерштерна. Началась трудная посадка войск. Чем больше войск оказывалось на судах и чем малочисленнее становился шведский лагерь у Кривых Ручьев, тем смелее русские, находившиеся все время в некотором отдалении, производили свои внезапные нападения. Наконец, когда у неприятеля осталось не берегу лишь около пяти батальонов, Апраксин напал на шведский лагерь и перебил 900, а в плен взял 209 чел. Последние часы посадки имели вид и характер панического бегства. Любекер велел перебить почти всех лошадей, еще оставшихся у шведов после тяжелых потерь в этом голодном ингерманландском походе. Шведы впоследствии признавали, что Любекер потерял в провалившейся экспедиции от 4000 до 5000 чел.

Позорный по существу дела провал наступления шведов на Петербург в 1708 г. стал известен Европе и по логике вещей должен был произвести серьезное впечатление. Большая (по тем временам), прекрасно вооруженная шведская армия с обильной кавалерией, поддерживавшаяся большим флотом, полтора месяца воевала против слабых русских сухопутных сил и едва лишь начавшего строиться флота, потерпела без малейших компенсаций тяжелый урон и убралась прочь, боязливо убегая от русских. Однако гипноз старой победы Карла XII над русскими и новой его же победы над поляками и саксонцами был все еще слишком силен. Только в Англии начали понимать, что какие-то существенные перемены произошли в России со времен Нарвы. И только в Англии внимательно отнеслись к поражению Любекера. Посол Витворт (Whitworth) писал в своем донесении в Лондон: "Шведы с боем перешли через реку Нарву (had forced a passage) и остановились в Ингрии вблизи Ямбурга, откуда они установили ежедневные сообщения со своим флотом и после почти шестинедельной остановки, не предприняв ничего, решились переправиться обратно на кораблях, но при этом случае их арьергард был разбит адмиралом Апраксиным". Дальше, со

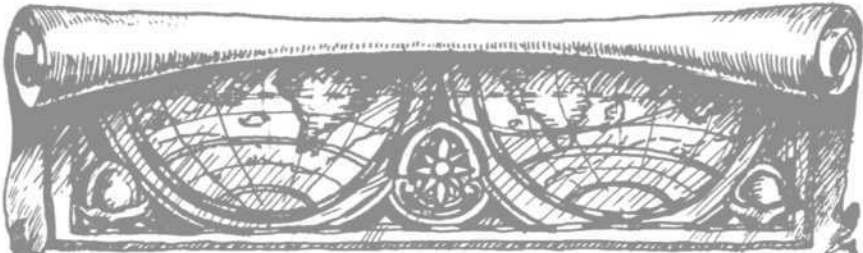
ссылкой на донесение Апраксина, посланное адмиралом из Ямбурга 22 октября, Витворт сообщает, что, кроме 900 чел. шведов, перебитых при последнем нападении, и кроме взятых в плен, оставшиеся разбежались по лесам и были там тоже перебиты или взяты в плен¹. Витворт узнал и об истории с дезориентирующим письмом от Апраксина Фризеру. Но Витворт дает другую версию: "очень странное письмо" (very odd letter), сбившее с толку Любекера, было писано будто бы не Апраксиным, а вице-адмиралом Крюйсом, причем Крюйс извещал, что в Нарве у русских 6000 чел., в Новгороде — 5000 чел. пехоты и 12 000 драгун, в Ладоге — 3000 или 4000 чел. и что все эти войска вполне снабжены провиантом. Об этом якобы сам Крюйс рассказывал Витворту².

Англичанин очень заинтересовался русским флотом и поспешил отправить в Англию "Список судов царского флота в мае 1708 г., стоявших на якоре в тридцати верстах от Петербурга между островом Ричарда (Ritzard) и Кроншлотом под начальством генерал-адмирала Апраксина и вице-адмирала Корнелия Крюйса"³. Вот цифры, которые он дает: 12 линейных кораблей с 372 орудиями и 1540 чел. экипажа; 8 галер с 64 ору-

¹ Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary Boyle. Moscow, 3/14 November 1708. Сборник Русского Исторического общества, т. L, СПб., 1886, стр. 105.

² Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary Boyle. Moscow, 10/21 November 1708. Сборник Русского Исторического общества, т. L, стр. 109-110.

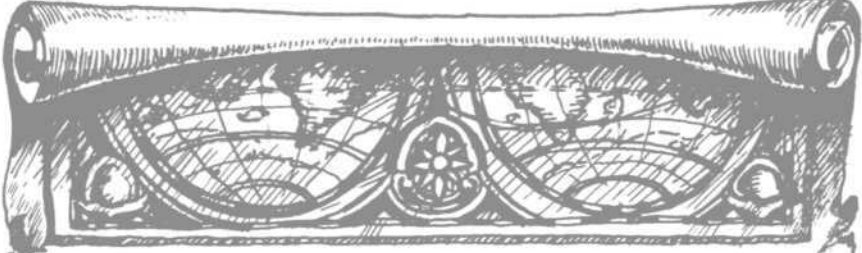
³ Там же, стр. 80 - 83.

днями и 4000 чел. экипажа; 6 брандеров и 2 бомбардирских корабля; мелких судов — около 305.

Все это представляло собой силу, и силу немалую, но только лишь одни англичане сколько-нибудь серьезно начинали ее учитывать. И все-таки обстоятельства так сложились, что и для англичан значение этих морских сил затмевалось решающими грандиозными событиями, готовившимися на главном театре смертельной схватки. Близилась встреча, от которой зависело политическое будущее и Швеции, и России. Правда, шведская армия самого Карла XII, по слухам, голодает в Польше и на севере Украины не меньше, чем голодала армия Любекера в Ингрии и у Копорья, но "московские известия должны быть принимаемы со значительными смягчениями" (the muscovite relations are to be understood with considerable abatements). Это — с одной стороны. А с другой стороны — гетман Мазепа перешел внезапно на сторону шведов, и это точный факт. Что же это значит? Семидесятилетний, осыпанный почестями и богатствами человек, глава и хозяин богатой Украины, должен быть уж очень крепко убежден в конечной победе шведов, чтобы решиться на такой шаг. "Этот случай может дать совсем новый оборот здешним делам", — многозначительно доносит Витворт в Лондон¹. Конечно, новые и новые сведения, собираемые всякими путями, утверждают

¹ Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary Boyle. Moscow, 10/21 November 1708. Сборник Русского Исторического общества, т. L, стр.108.

британского посла в громадном значении поражения, понесенного Любекером: отныне Ингрия совершенно обеспечена от шведских нападений, позорное бегство шведов выясняется ил шведских показаний в еще более ярком виде, чем из русских реляций (не 6, а 7 тысяч лошадей своей кавалерии уничтожили шведы перед бегством), и т. д. I. Все это так, но все это может быть исправлено победой Карла XII и его нового, неожиданного союзника — гетмана Мазепы. Точно так же думали и говорили во Франции.

При Версальском дворе до Полтавы на Россию смотрели как на величину, правда, не совсем стоящую внимания (взятие упорно сопротивлявшегося Азова произвело впечатление), но все-таки не особенно значительную. Да и посольский приказ в эти годы не очень занимался вопросом об отношениях с Францией. Людовик XIV, союзник Карла XII, был определенным политическим противником. Горемычный Петр Васильевич Постников, без "верующих грамот" и с несколькими рублями в кармане, не пользовался во французских кругах никаким престижем. И не потому, что, как он жаловался, ему приходилось обходиться без своей кареты и довольствоваться наемной, хотя он убедительно доказывал посольскому приказу, что "своя корета честнее" (почетнее) для представителя царя. Не в "корете" было дело.

¹ Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary Boyle. Moscow, 10/21 November 1708. Сборник Русского Исторического общества, т. L, стр. 120.

Петром I из Архангельска в Лондон были отправлены два торговых судна с русскими товарами. В пути они были захвачены французскими каперами. Постникову пришлось долго хлопотать об этих судах, и хотя право было на русской стороне, он проиграл дело во всех инстанциях (а доходило оно до самого Людовика XIV). При этом обращение с Постниковым было довольно суровое, и пришлось ему выслушать "студеные словеса"¹. Союз Франции со Швецией был тогда еще крепок. "Изволите видеть, како открытым лицом здешний двор ласковую приклонность окажут шведам, а не нам, и действует бесстыдно противу народного права, яко юристы говорят"², — так жаловался Постников своему начальству на французское неправосудие. Пошла эта жалоба из Парижа 1 июля 1704 г., а получена была в Москве 6 сентября. Никаких непосредственных результатов она не имела, хотя дело об этом захвате впоследствии и было поднято вновь — уже при другом русском после.

Донося Людовику XIV о своей прощальной аудиенции у царя, французский посол, умный и наблюдательный де-Балюз, очень хлопотавший в это время (август 1704 г.) о скорейшем примирении Петра с Карлом XII, указывает королю прямой, так сказать, путь к сердцу Петра: "Так как наибольшая страсть царя состоит в постройке военных судов, то он усмотрел бы как

¹ К. Шмурло, П. В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894, стр. 64.

² Там же, стр. 137.

наибольшее доказательство дружеских чувств со стороны вашего величества, если бы ваше величество сочли полезным приказать прислать мне рисунки некоторых из (французских) судов, наиболее значительных, с указанием на их размеры, вместимость (сарасите), число орудий, экипажей и солдат. Об этом мне повторяли несколько раз письменно и устно, но я не мог ничего ответить — и тоже требовали возвращения московского корабля, вышедшего из Архангельска и взятого одним французским арматором"¹.

Петр хотел бы в это время расположить к себе Людовика XIV. Не мечтая, конечно, о том, чтобы французский король расторг те дипломатические узы, которые связывали его с Карлом XII, царь стремился по крайней мере, к тому, чтобы французы не препятствовали, насколько от них это зависело, русскому торговому мореплаванию. И Людовик XIV пошел отчасти навстречу. Министр Поншартрен 25 ноября 1705 г. довел до сведения русского правительства, что король "возобновит" свой приказ, чтобы французские каперы не трогали русских торговых судов, и что он хочет сделать все зависящее, чтобы установить "добрые сношения и взаимное мореплавание" (*une navigation mutuelle*, как вполне понятно по существу, хотя и несколько курьезно

¹ Audience de conge de monsieur de Baluze 29 Aout 1704 à Vaisovie. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV. СПб., 1881. стр. 35.

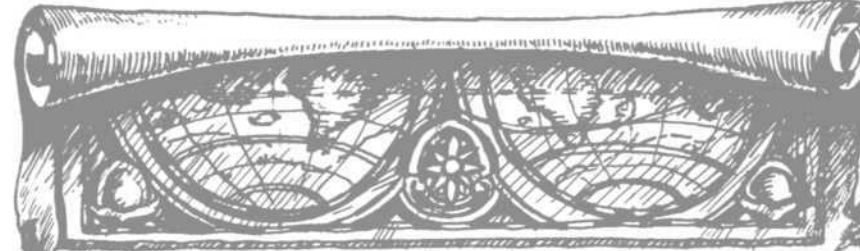
с чисто литературной стороны, изъяснялись тогда французские чиновники)¹.

Но вот вырастает внезапно на горизонте "вал Полтавы". Наступает вечно памятное 27 июня 1709 г., которое оказалось одной из вех мировой истории. Весть о полном разгроме "непобедимой" шведской армии, о бегстве Карла, о немногих утренних часах боя, которые ознаменовали конец шведского великодержавия, царившего на Севере полтора столетия, поразила европейскую дипломатию. Европа совсем не была подготовлена к подобному внезапному, грандиозному по своим политическим последствиям событию.

"Нежданное (unexpected) поражение всей шведской армии под Полтавой и разгром ее были так велики, что известия об этом, наверное, будут в ваших руках раньше этого письма", — так писал из Москвы в Лондон статс-секретарю Бойлю посол Витворт 6 (17) июля 1709 г.² Подробности в том виде, в каком они стали тотчас же после битвы распространяться по Европе, могущественно усиливали впечатление. Слова пленного фельдмаршала Реншильда, что со шведской стороны в сражении участвовало до 30000 чел., из которых регулярных (и отборных!)

¹ Copie de la lettre de M. de Ponchartrain a M. de Torcy. Veisailles, le 25 Novembre 1705. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 41 - 42.

² Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary Boyle. Moscow, 6/17 July 1709. Сборник Русского Исторического общества, т. I, стр. 194.

шведских воинов было 19 000 чел., облетели все европейские дворы.

Уничтожение или взятие в плен всей этой силы, сравнительно ничтожные потери русских, превращение вчерашнего "Александра Македонского", только что громко заявлявшего, что подпишет мир в Москве, в беглеца, которого из милости приютил стамбульский калиф, — все это не сразу могло улетучиться в голову среднего европейского дипломата.

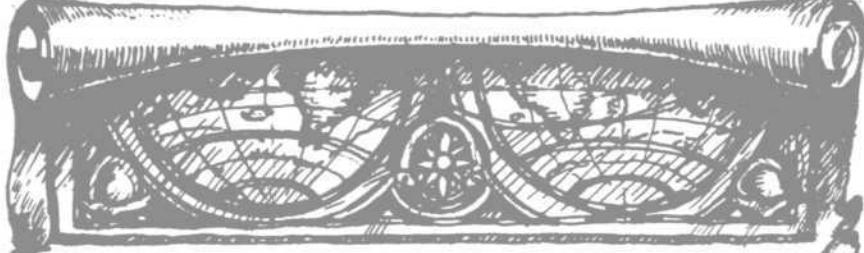
Ясно было одно. Молодой русский царь, плотничавший на глазах любопытных зевак на голландских верфях, а потом так "чудачивший" в Лондоне, фантазер, который возомнил, что с великой военной европейской державой можно будет справиться, как с азовскими эфендиями и пашами, и жестоко проученный за это в 1700 г. под Нарвой, — вдруг обнаружил себя перwokлассным государственным деятелем и полководцем и через девять лет после первой Нарвы низверг в пропасть своего бывшего победителя.

Начался новый, второй период в истории отношений европейской дипломатии к петровской России. И подобно тому, как о поражении под Нарвой 18 ноября 1700 г. в Европе никак не могли забыть вплоть до Полтавы и скептически относились ко всем успехам Петра, как бы очевидны и велики они ни были, так отныне о Полтавской победе уже никогда не могли забыть не только при жизни Петра, но и очень долго после его смерти.

После первой Нарвы не хотели верить в очень серьезное значение даже такой русской победы, как под той же Нарвой в 1704 г. или под деревней Лесной в 1708 г. А уж зато после Полтавы отказались поверить в серьезность, например, даже такой русской неудачи, как та, что постигла царя на реке Прут. Редко когда до такой степени ярко, кричаще громко выявились характерные для дипломатов этой бурной эпохи податливость впечатлениям и быстрота в смене убеждений, настроений и оценок. "Жрецы минутного, поклонники успеха!" Ни к кому эти укоризненные слова великого Пушкина нельзя было бы с большим основанием отнести, чем к европейским правителям, привыкшим к превратностям политических и военных судеб в годы двух бесконечно долгих, одновременно происходивших и захвативших всю Европу войн, на юге — борьба за испанское наследство, а на севере — борьба за овладение балтийскими берегами.

Только после Полтавы в Европе постепенно стали понимать всю авантюристичность политики Карла XII, который в погоне за Польшей и Украиной потерял Балтику, который отчасти игнорировал русскую армию и вовсе не признавал (даже и не скрывая того) русский флот. Вот как характеризует его английский аноним (a british officer), написавший и напечатавший в Лондоне в 1723 г. "Беспристрастную историю" (An impartial history) Петра I: "Король шведский воевал так, как никакой государь не воевал до него, а именно: стремился одерживать в чужих

землях победы — и терял свои земли у себя дома; завоевывал земли в пользу других — и подвергал опасности быть завоеванными свои собственные владения. Он воевал с целью совершить нашествие на Саксонию, которую уже он заведомо должен был покинуть, — и потерял в это время Ливонию, Эстонию, Ингрию и часть Финляндии, которые он уже никогда не возвратит"¹.

Чем больше подробностей узнавали в Европе о неслыханном разгроме шведов под Полтавой, тем удивительнее начинало казаться все событие. Это полное поражение шведов после двухчасовой битвы, эта сдача их целыми полками с генералами во главе во время боя, это бегство без оглядки короля Карла с остатками своей армии, эта потеря всей артиллерии и обоза, наконец, эта окончательная сдача под Переволочной 30 июня около 16 000 чел. шведских беглецов 9-тысячному отряду Меншикова — все это в Европе представлялось невообразимо постыдным концом долгих авантур шведского "Александра Македонского". Ведь не все проявляли великодушие полтавского победителя, пившего за здоровье Карла, своего "учителя" в ратном деле, как раз в те часы, когда сам учитель мчался с предельной быстротой к спасительному лично для него (но не для остатков его разгромленной армии) Днепру.

Когда затем в 1710 г. началось русское наступление и завоевание Ливонии, то ни в

¹ An impartial history of the life and actions of Peter Alexwitz, the present czar of Moscovy etc. London, 1723, p. 126 — 127.

Англии, ни в Голландии, ни в Пруссии, ни в Дании (а в этих четырех странах очень зорко следили за успехами русской политики) не обнаруживалось уже никакого удивления при вестях о покорении шведских владений. В апреле 1710 г. Шереметев осадил Ригу. Русские беспрепятственно установили батареи между Ригой и Дюнамюнде и мост на сваях, отрезавший город от моря. Флот стоял у берега и помешал шведам увести из Риги суда, которые там находились. 4 июля 1710 г. крепость сдалась, и все суда (24 вымпела) попали в русские руки. Через месяц с небольшим сдалась и Дюнамюнде (8 августа), а спустя несколько дней — Пернов, Аренсбург и весь о. Эзель. Завоевание Ливонии было завершено 29 сентября 1710 г., когда капитулировал Ревель.

Англичане и французы стали серьезно учитывать грозное полтавское предостережение.

Как почти вся свита бежавшего Карла, в плен к русским попал в день Полтавы также и Джеффрис, состоявший в тот момент не на весьма ясной должности "секретаря ее величества королевы (английской) при короле шведском Карле". Вероятно, Джеффрис был посажен британским правительством в шведский лагерь в качестве соглядатая, но наиболее зрело продуманный вывод своих наблюдений над Карлом и его армией ему пришлось сообщить уже из русского плена. "Таким образом, сэр, — писал Джеффрис Витворту 9 июля 1709 г., — вы видите, что победоносная и многочисленная армия была разгромлена мень-

ше чем в два года, больше всего вследствие пренебрежения (the little regard) к своему врагу"¹.

При французском дворе учли довольно правильно итоги управления Петром своей державой. Вот что говорилось в инструкции, которая по повелению Людовика XIV была дана в 1710 г. послу де-Балюзу: "Ничто не кажется более важным, чем повести переговоры о диверсии, которая побудила бы врагов заключить мир на разумных основаниях"². Людовик XIV, утомленный и обеспокоенный своими неудачами в войне за испанское наследство, очень хотел бы как-нибудь втянуть Россию в войну против империи Габсбургов. А в силе России Людовик уже не сомневался: "Царь совершил завоевания, которые делают его хозяином Балтийского моря. Оборона завоеванных земель вследствие их местоположения настолько легка для московского государства, что все соседние державы не могли бы принудить (Петра. — Е. Т.) возвратить эти земли Швеции. Этот государь (Петр. — Е. Т.) обнаруживает свои стремления заботами о подготовке к военному делу и о дисциплине своих войск, об обучении и просвещении своего народа, о привлечении иностранных офицеров и всякого рода способных людей. Этот образ действий и увеличение могущества, которое является самым

¹ Extract of a letter from m-r Jefferies to m-r Whitworth. The moscovite camp by Poltawa, July 9-th O. S. 1709. Сборник Русского Исторического общества, т. L, стр. 217.

² Me'moire sur une negotiation à faire pour le service du Roi, 1710. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 418.

большим в Европе (qui est la plus grande de l'Europe), делают его грозным для его соседей и возбуждают очень основательную зависть в императоре (австрийском. — Е. Т.) и в морских державах (Англии и Голландии. — Е. Т.). Его (царя. — Е. Т.) земли в изобилии доставляют все, что необходимо для мореплавания, его гавани могут вмещать бесконечное количество судов".

Людовик решил соблазнить Петра, предложив ему торговый договор России с Францией и Испанией. Французскому послу повелевается обратить внимание царя на опасность в будущем, грозящую ему со стороны Англии и Голландии, "интересы которых уже не могут согласовываться с его (царскими. — Е. Т.) интересами".

Зная, до какой степени царь поглощен мыслью о создании флота, французская дипломатия особенно обращает внимание Петра на следующее соображение: "Англия и Голландия только потому с ним обходились дружески, что они находились в войне с Францией и Испанией. Полагались на шведского короля, который стоял во главе многочисленной армии, и нельзя было предвидеть, что царь может в столь короткое время сделать такие значительные завоевания".

Французские министры и король уже хорошо понимают всю недалекость своего бывшего пренебрежительного отношения к России и довольно простодушно извиняются за свое высокомерие: "Если царь жалуется, что мы им пренебрегали и что с его послами плохо обходи-

лись во Франции, то ему можно ответить, что Московское государство хорошо узнали только с тех пор, как государь, который теперь там царствует, приобрел своими великими деяниями и своими личными качествами уважение других наций и что вследствие этой репутации его христианнейшее величество (король Людовик XIV. — Е. Т.) и предлагает ему искреннюю свою дружбу"¹.

Следует отметить в этом документе одну очень характерную черту. В Европе уже хорошо поняли, что царь желает (и страстно желает) создания не только военного, но и торгового русского флота, и вот Людовик XIV не преминул обратить внимание не монополистские стремления англичан и голландцев в этой области: "Царь должен желать, чтобы его подданные торговали во всей Европе, а это не может согласовываться с интересами Англии и Голландии, которые желают быть перевозчиками (les voituriers) для всех наций и желают одни производить всю мировую торговлю"². Тут характерно это слово "перевозчики". Еще точнее, пожалуй, было бы перевести его словом "извозчики", так как именно этим насмешливым термином называли тогда голландцев: "морские извозчики" (слово "voituriers" происходит от "la voiture", что значит карета).

¹ Memoire sur une negotiation a faire pour le service du Roi, 1710. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 418 — 420.

² Memoire sur une negociation a faire pour le service du Roi, 1710. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 418.

Франция экономически и дипломатически поддерживала шведов, поддерживала посаженного Карлом XII на польский престол Станислава Лещинского, поддержала бы и Мазепу, если бы Полтава не покончила и с Карлом XII (по крайней мере, в Польше и на Украине), и с Мазепой. Поддержки войсками Франция, однако, не дала и дать не могла, во всяком случае, пока длилась война за испанское наследство.

Русские дипломаты очень чутко именно в эту пору, когда русский флот еще не был в полной силе, следили за всеми переменами на верхах французского правительства. Умирает, например, весной 1711 г. наследник французского престола, вместо него дофином становится его брат, герцог Беррийский. И вот князь Борис Иванович Куракин, царский посол в Англии, уже интересуется настроениями, характером ("умором" — *humeur*) нового наследника; он очень доволен, узнав, что герцог — человек меланхоличного темперамента, суровый скопидом, не склонный к войне: "Сего дука описуют портрет, что он есть меру умору меленколичного (*sic!*), злодейственного, набожного-, несклонного к войне, скупого и доброго эконома". А самый главный вывод, — что России от нового меланхоличного дука никаких "печалей" на море нельзя ждать: "Из сего потенции морские на предбудущее время не есть печальными (*sic!*) по рассуждению помянутому"¹.

¹ Архив кн. Ф. А. Куракина, книга IV. Саратов, 1893, стр. 27 — 28.

"Союзные" отношения между Англией и Голландией были всегда весьма сомнительного свойства. Эти державы конкурировали в торговле — как европейской, так и колониальной. Соревновались они друг с другом, в частности, в области торговли с Россией. Морская торговля с Архангельском, а впоследствии с Петербургом, тоже обостряла эту стародавнюю конкуренцию. Общая, жизненно важная борьба против захватнических стремлений Людовика XIV сделала их временными союзниками, а так как Франция была в союзе со Швецией, то они тем самым оказались противниками Карла XII и союзниками Петра. Но едва только начал слабеть напор со стороны французов, как вся искусственность, случайность, "конъюнктурность", как тогда говорили, и союза с Голландией, и дружбы с Россией, и вражды со Швецией начинала сказываться: англичане, и особенно правившая в Англии с 1710 г. торийская партия, постепенно охладевали к своим союзникам — России и Дании, потому что обе эти державы были кровно заинтересованы в удачном исходе борьбы против Швеции и больше всего держались за укрепление "северного союза". А в будущем — обе эти державы могли всегда помочь Голландии, но никак не Англии, если бы со временем между Англией и Голландией возникла снова старая борьба.

Русский посол в Англии Куракин довольно хорошо во всем этом разбирался. Он докладывал Петру: "Они (англичане. — Е. Т.)... хотят видеть

шведа в силе, чтобы датский не был силен, который есть больше приятелем Голландии, нежели им, и для опасности впредь: ежели бы война между Англиею и Голландиею была, то, конечно, датскому с голландцы быть в алиансе (союзе. — Е. Т.); но ежели шведы не будут в силе от того (т. е. от союза с голландцами. — Е. Т.) датского предудержать, то англичане не могут кого сыскать в алианс себе против датского и голландцев. Франция будет радостно (sic!) на ту игру смотреть"!.

Куракин предварял, между прочим, царя, что посол английский Витворт — в душе враг России: "Особливо еще внутренним неприятелем был и есть, который к шведским интересам весьма склонен"².

Джон Черчилль, герцог Мальборо, предок по прямой линии недавнего английского премьера Уинстона Черчилля, недоброжелательно и неискренно относился к русским союзникам Англии, и не только в годы своего всемогущества при дворе королевы Анны, но и тогда, когда лорд Болингброк низверг (в 1710 г.) вигов и произошло политическое падение Черчилля: "...По ответу, учиненному вам по приезде туда от дука Мальбруга, усмотрел я, что сей дук при своем падении еще скорпионовым хвостом- не минул нас язвить", — с негодованием писал из Гааги русский посол А. А. Матвеев князю Борису Куракину в Лондон 5

¹ Архив кн. Ф. А. Куракина, книга IV, стр. 422.

² Там же, стр. 422 - 423.

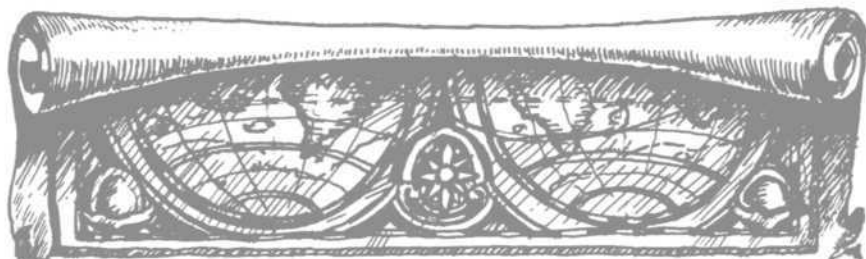
января 1711 г. об антирусских чувствах Черчилля, которые тот никак не мог скрыть даже после своей отставки¹. А ведь "уязвление" ядовитым "скорпионовым хвостом" со стороны герцога Мальборо было в тот момент особенно болезнетворно для России: Мальборо, еще сохранивший пока командование армией, противился оказанию в какой бы то ни было форме подмоги русским против турок, объявивших войну Петру по наущению французского двора и короля Карла XII, продолжавшего пребывать в Турции.

Турецкая война 1711 г. нешуточным бременем легла на Россию. Она очень задержала и кораблестроение и действия на Балтийском море русского флота. Все усилия посла Куракина вызвать поход англо-голландских вооруженных сил в Померанию, откуда грозил вторгнуться в Польшу шведский отряд генерала Крассау, остались безрезультатными².

Неудача под Прутом была так тяжела, что потеря Азова могла считаться еще сравнительно легкой жертвой. Карл XII был вне себя от ярости, узнав о поступке великого визиря, выпустившего царскую армию и Петра из губительнейшей западни, в которой они очутились. В Европе широко распространено было мнение, что если бы еще восемь дней продолжались военные действия, то Петр и его войско погибли бы безвозвратно, были бы истреблены или должны были бы пойти на безусловную сдачу.

¹ Архив кн. Ф. А. Куракина, книга IV, стр. 291.

² Там же, стр. 405 - 410.

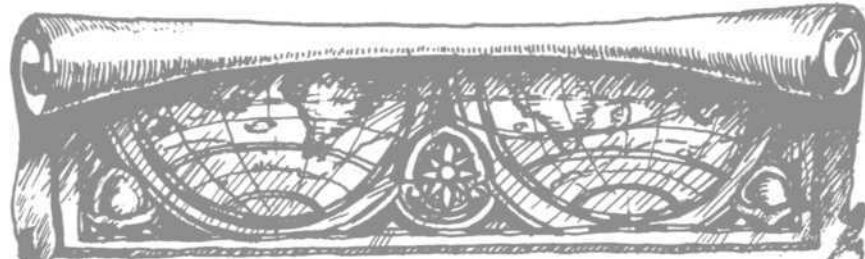

Конечно, Петр, как всегда с ним было при несчастьях, нисколько не потерял духа, но он вполне ясно сознавал, что отделался прискорбной уступкой Азова (по договору) от полной катастрофы. Когда, возвращаясь из прутского похода, он проезжал через Польшу, то жена краковского воеводы со свойственной полькам любезностью, желая сказать царю что-либо приятное, несколько пересластила, приведя (абсолютно некстати в данном случае) слова Юлия Цезаря: "Пришел, увидел, победил!" Петр прервал слишком уж любезную хозяйку замечанием: "Не так уж!" ("Pas tant"). Польша не унималась и заявила, что она в восторге от того, что царь вернулся в добром здравии. Петр ответил, что "его счастье заключается в том, что вместо ста ударов, которые он должен был получить, ему дали только пятьдесят ударов"¹.

После прутского похода в течение ближайших лет основной целью Петра на юге было всячески воспрепятствовать нарушению мира с турками и возобновлению войны, к чему так упорно подстрекал султана шведский король, по-прежнему пользовавшийся турецким гостеприимством. Но зато на севере русская политика стала гораздо активнее, чем была когда-либо ранее.

Роль Балтийского флота становилась с каждым годом все заметнее. Кораблестроение шло полным ходом. Конечно, плох тот историк,

¹ Rapport de Mr. Baluze au roi. Varsovie, 11 Septembre 1711. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 80.

который забудет при этом, какой неимоверной тяжестью оно обрушивалось на плечи "податного сословия", и прежде всего жестоко эксплуатируемой и помещиками и государством крепостной массы. Укрепление национального государства помещиков и торговцев во времена Петра происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры", как выразился товарищ Сталин в своей беседе с Эмилем Людвигом¹. И одной из очень многих иллюстраций этого бесспорного факта является вся история создания и усиления флота. Достаточно тут, когда мы говорим об ускоренном и усиленном судостроении на Балтике в годы после прутского похода, напомнить хотя бы об указе от 6 июня 1712 г. о приписке работ по требованиям адмиралтейства 24 000 крестьянских дворов (преимущественно северных областей — Олонецкой, Каргопольской и т. д.). И еще заметим, что этот указ не удовлетворил адмирала Апраксина, требовавшего для работ по постройке судов и для других потребностей адмиралтейства 30 000 крестьянских дворов. И в последующие годы эти требования не переставали расширяться и в той или иной степени удовлетворяться.

Для того чтобы уяснить себе в точности, почему и на Англию, и на Францию, и на Пруссию, и на Данию прутская неудача произвела в конце концов такое неожиданно слабое и доволь-

¹ И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. М., 1938, стр. 3.

но быстро изгладившееся впечатление, следует принять во внимание ряд фактов, из которых отметим лишь главнейшие — те, которые вызвали постепенно серьезное изменение в первоначальных впечатлениях западноевропейской дипломатии.

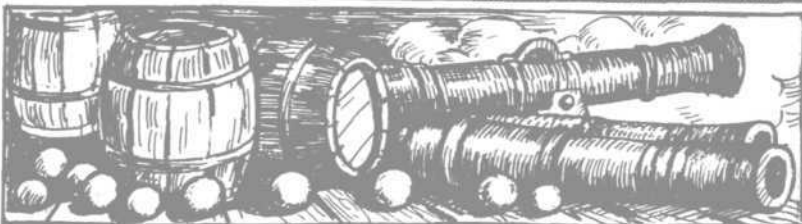
Во-первых, оказалось, что русские потери в походе составили самое большое 8000 чел., а вся остальная армия выбралась из опасных мест и, сохранив порядок и дисциплину, пошла в Польшу. Во-вторых, турки сами необычайно рады были концу войны и не скрывали, как они боялись разгрома. В-третьих, великий визирь не включил в договор ровно ничего в пользу "союзников" Турции — шведов; когда, узнав о переговорах между царем и визирем, Карл XII во весь дух примчался из Бендер в турецкий лагерь, то здесь не было обращено с турецкой стороны ни малейшего внимания на него, и турки даже склонны были считать наглостью такое своекорыстное вмешательство шведского короля в русско-турецкие дела¹. В-четвертых, прошло совсем немного времени и оказалось, что ничего не изменилось в Польше и русский ставленник Август III продолжает пребывать на престоле; обнаружилось, что царь в 1712 — 1713 гг. продолжает как ни в чем не бывало воевать

¹ "...all the swede's remonstrances on this occasion have hitherto served to disgust and provoke them". Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary S-t John. Vienna, 1/12 September 1711. Сборник Русского Исторического общества, т. L, стр. 497 — 498.

(очень, в общем, успешно) против шведов в Померании, Голштинии, берет города, например Штеттин, распоряжается в Гамбурге, мстит за сожженную шведами Альтону, укрепляет датчан в их поколебавшемся было намерении продолжать войну со шведами.

А главное — русский флот окончательно становится чуть ли не первенствующим фактором в возобновленной русскими упорной войне, направляющейся теперь все ближе, все явственнее, все непосредственнее против Западной Финляндии и против шведских берегов.

Еще в феврале 1710 г. Петр приказал Апраксину начать боевые действия против Выборга, чтобы обезопасить Петербург со стороны Финляндии. Сделав переход по льду, войска Апраксина 21 марта осадили Выборг. С собой Апраксин взял лишь самое необходимое для начала осады. Предполагалось, что как только позволит "ледовая обстановка", будут отправлены к Выборгу транспортные суда с артиллерией, боеприпасами и продовольствием.

В начале мая флот, лавируя между льдами, тронулся в путь. При экспедиции находился и шаутбенахт Петр Михайлов, строжайше запрещающий называть себя царем, пока он находится на корабле. 9 мая флот доставил Апраксину все необходимое для осады Выборга. 13 июля Выборг сдался русским. Роль флота в этой победе оказалась решающей: шведские корабли уже шли на выручку, но русский флот их опередил. Сухопутные русские войска проявили чудеса героизма и выносливости, но без прихода флота взять Выборгскую крепость было бы невозможно.

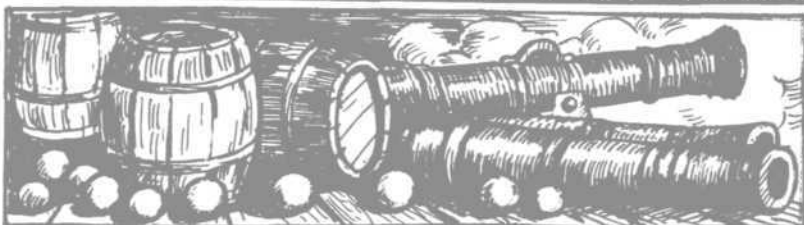
А вскоре после падения Выборга пришла в русскую столицу и еще одна радостная весть: 8 сентября 1710 г. сдался Кексгольм. Ревель, Нарва, Выборг, Кексгольм — все эти подступы к Петербургу были теперь в русских руках. Но нужно

сказать, что эти пункты являлись уже, так сказать, вторым поясом укрепленных позиций, преграждавших нападения на Петербург. А первоначальной и очень важной охраной был флот, который даже в эти буквально первые дни своего существования уже приносил громадную военную пользу. Вот что говорит об этом в своем дневнике близко присматривавшийся ко всему посланник датского короля Юст Юль: "Таким образом, с самого основания Петербурга, царь, при помощи (своего) небольшого флота и небольшого Кроншлотского замка (с успехом) оборонял от шведов доступ (к городу) с моря, а в то же время их самих вынуждал содержать в Финском заливе большую эскадру, обходившуюся им весьма дорого. И пока шведы плавали в море, русские преспокойно стояли в гавани, весело (проводя время) за ежедневными пирами и попойками и защищаясь от неприятеля без особого труда и расходов"¹.

Говоря о Петре, Юст Юль дает следующее, подкрепляемое рядом других показаний, свидетельство в своем ценнейшем дневнике (запись 28 марта 1710 г.): "Задавшись мыслью пройти все ступени военной и морской службы и (дослужившись) до (звания) шаутбенахта во флотском ариергарде, царь в нынешнем году ходатайствовал о предоставлении ему командования над бригантинами и малыми судами. (Но) так

¹ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. Перевод с датского Ю. Н. Щербачева. М., 1899, стр. 179.

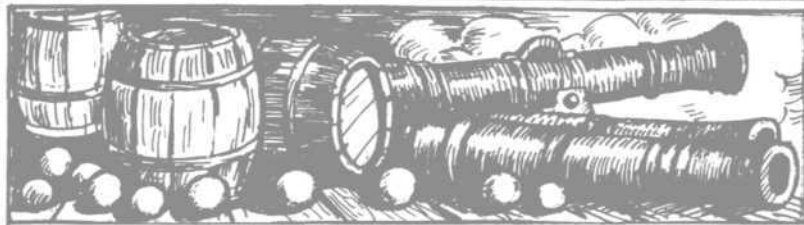

как царь, во всем подчиняясь старшим офицерам, являлся даже ежедневно за приказами и за паролем к вице-адмиралу Корнелиусу Крейцу (Крюйсу. — Е. Т.), ведавшему всеми распоряжениями по флоту в предстоящем походе под Выборг, (главным) начальником какового (похода) был генерал-адмирал, то (просьба царя) не могла быть удовлетворена до получения вице-адмиралом соизволения на нее от генерал-адмирала". Любопытен и текст этого "соизволения": "по получении сего господин вице-адмирал имеет предоставить командование малыми бригаantinaми и (малыми) судами ариер-адмиралу дворянину Михайлову"¹. Фактически, конечно, Петр полновластно командовал всем флотом.

В сентябре 1711 г. новый английский агент, заменивший уехавшего в Вену Витворта, — Л. Вейсброд передавал из Москвы такие слухи, а отчасти и такие факты, которые заставляли англичан и других тайных и явных противников России сильно призадуматься насчет последствий прутского похода и реального их значения.

Прежде всего, обнаружилось, что турецкие сановники, получившие обильные подарки еще тогда, когда царь и его армия были окружены, продолжали неумоимо брать взятки от русских, и теперь уже шли такие слухи: русские либо в самом деле отдадут Азов, как они согласились по прутскому договору, либо под разными предлогами, например, требуя высылки Карла XII из

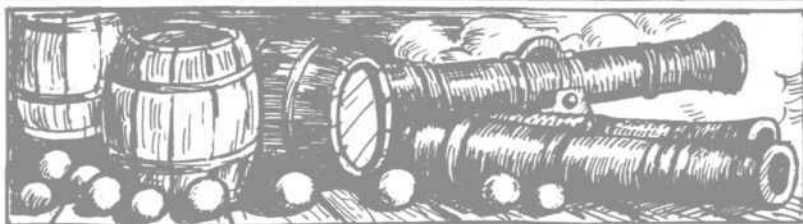
¹ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. Перевод с датского Ю. Н. Щербачева. М., 1899, стр. 176 — 177.

Турции, будут "выигрывать время" обещаниями. Тем или иным способом царь обезопасит себя временно со стороны турок и, пользуясь этим, захватит шведские владения в Померании и подготовит большое наступление на Швецию. В Швеции он завладеет медными и железными рудниками, захватит много пленных и переселит их в Россию. Таковы были слухи. А вот и положительные факты. Сенат получил от царя приказ озаботиться призывом к концу сентября 30000 рекрутов вместо ранее предположенных 18000 и обеспечить Ливонию, Эстляндию и Ингерманландию провиантом на зиму для 64000 чел. войска. Туда явится ушедшая от Прута через Польшу русская армия, которая и пойдет завоевывать Померанию и громить Швецию. А осуществив все это, русские будут смеяться над одураченными турками (they will laugh at them after-wards). И тут же известие, сообщаемое слухам реальный смысл: триста плоскодонных транспортных судов (three hundred flat transport vessels) будут готовы к весне 1712 г., чтобы предпринять высадку в Швецию¹.

Петр не скрывал, что он смотрит на потерю Азова по Прутскому договору как на временное явление. Царь говорил одному из служивших у него английских капитанов, что "при первой возможности он овладеет Крымским полуостровом". Французский представитель Лави по этому по-

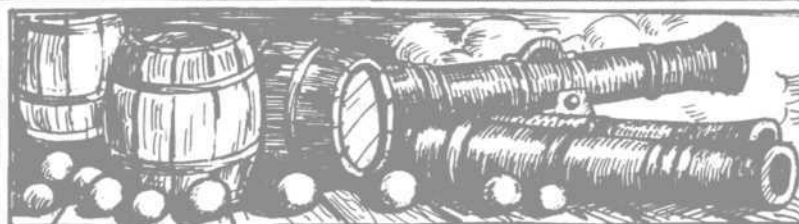
¹ M. Weisbrod to m. Nicholas Rowe, esq. Moscow, 6/17 September 1711. Сборник Русского Исторического общества, т. L, стр. 502 — 504.

воду доносил о "давнишнем проекте царя ввести свою торговлю через Дарданелльский пролив в Средиземное море"¹. И средства России, и планы Петра так возросли и расширились, что, конечно, Азов со своими болотами и мелководьем отошел на третий план. Овладеть им впоследствии мимоходом придется, но не в нем теперь уже было дело. Крым и цареградские проливы — вот что уже носилось в представлениях царя о дальнейшем экономическом и политическом продвижении России в области южных морей.

Еще только шли в 1712 г. первые мирные переговоры между Англией, Габсбургской монархией, Голландией, с одной стороны, с Францией и Испанией — с другой стороны, еще Утрехтский договор только с трудом вырабатывался и формулировался, а между союзниками России (Голландия, Польша, Дания, Пруссия) началось "шатание". Людовика XIV уже можно было не бояться, его союзника — Карла XII — тоже, у Англии развязывались руки на Северном и на Балтийском морях. Поэтому союзники Петра теперь меньше в нем нуждались, но зато начинали сильнее и сильнее его бояться. Подозрительным оком наблюдали русские дипломаты с близкого расстояния — из Гааги — за всем, что происходит в Утрехте. Ни к кому из союзников у князя Бориса Ивановича Куракина нет доверия, а меньше всего — к поля-

¹ Mr. de La Vie. A St. Petersboug, le 6(17) Mai 1717. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 212 — 213.

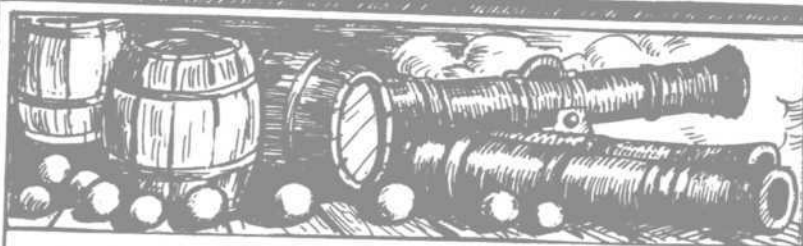
кам и пруссакам. "Воистину нам великое они подозрение дают своими поступками, что все ныне дела свои скрытно от нас делают. О польских делах, так слабых, не могу много писать. И Голландия, хотя противна сему была, но уже, как видим, есть весьма удовлетворена наших союзных, а особенно дацкого великое шатание в деле было. И правда, под немалым сумнением о дацком были; но по се число еще удержался". Наиболее же предательски, как всегда, вела себя, конечно, Пруссия: "О прусском дворе коротко напишу: паче всех противным был нашему интересу"¹.

Боясь и войск Петра, прусский король в это время все сильнее и сильнее стал опасаться русского Балтийского флота, причем усматривал свою гарантию от этой угрозы в сближении с Англией. "Здесь о прусском дворе паче всех опасность имеют, что он весьма есть соединен с Англиею, и ежели мир как вскоре здесь учинится, то по всему видится, что будет нам предосудителен во всех наших интересах"².

Вообще, слабость наших "алиатов" (союзников) и их "натуральное непостоянство" беспокоили не только князя Куракина, но и самого царя. О "верности" Англии союзу и речи не было. Русская дипломатия узнала в июне 1712г., что "Англия, конечно, дала указ своему послу в

¹ Князь Б. И. Куракин — барону П. П. Шафирову. Гага, 9(20) мая 1712 г. Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II. СПб., 1891, стр. 371 — 372.

² Князь Б. И. Куракин — кн. В. Л. Долгорукову. Гага, 24 мая (4 июня) 1712 г. Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 376.

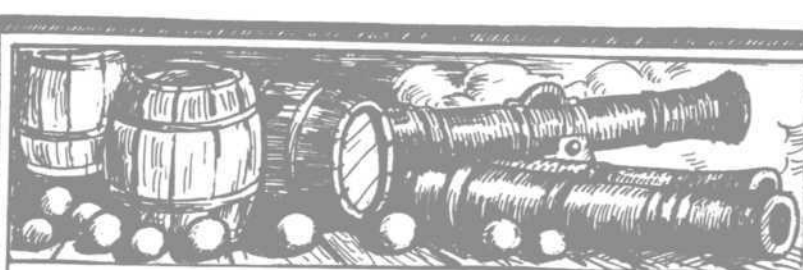

Цареграде трудиться вновь разрушить наш (русско-турецкий. — Е. Т.) мир"¹.

Появление угрожающей морской силы России в Балтийских водах все серьезнее и серьезнее беспокоило не только Францию, прямую союзницу Швеции, но и Англию, хотя, казалось бы, Англия, ведшая жестокую, бесконечную войну с Францией, должна была бы радоваться всему, что огорчало Версальский двор.

Но в том-то и дело, что англичане несколько терялись от слишком большой морской активности России, у которой еще так недавно не было на Балтике ни одной порядочной баржи. И прутский поход несколько не утешил руководителя британской политики статс-секретаря Сент-Джона. Любопытное письмо писал он из королевского дворца в Лондоне Чарльзу Витворту 30 октября 1711 г., т. е. через каких-нибудь три месяца после прутского похода и когда уже явно обнаружилось, что "северные союзники" — Россия и Дания — с новой энергией будут теснить шведов на море. Сент-Джон, с одной стороны, боится, что союзники потерпят поражение от шведов, так как это усилит позицию Франции, а с другой, — тот же Сент-Джон лишь немного меньше боится полной победы России и Дании над Швецией: "Эти предприятия (русских и датчан против шведов. — Е. Т.) будут одинаковым образом, хоть и в меньшей степени,

¹ Князь Б. И. Куракин — кн. В. Л. Долгорукову. Гага, 21 июня (2 июля) 1712 г. Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 385.

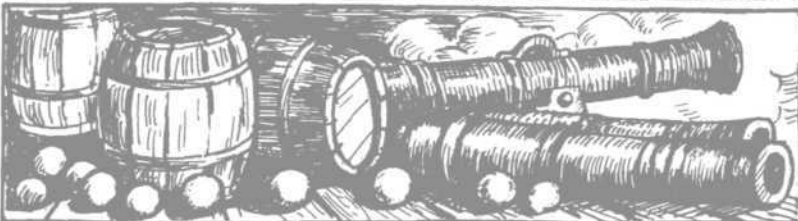
иметь зловредное действие, если им удастся очень сильно подавить Швецию (to reduce Sweden very low), так как это уничтожило бы равновесие сил на севере"¹.

Если учесть это заявление Сент-Джона в доверительнейшем служебном письме к подчиненному ему послу, то не приходится удивляться видимой путанице, мнимой непоследовательности, противоречивости британской политики в годы второй половины Великой Северной войны. Не забудем, что ведь были в то время такие моменты, когда англичане просто не знали, как бы поскорее выпутаться из затянувшегося состязания с Людовиком XIV. "При том положении, в котором мы теперь находимся, — говорится в том же письме, — я думаю, что самое лучшее тянуть дело (to temporise) с этими государями (датским и русским. — Е. Т.), раз уж нам невозможно навязать им свою волю (to give them the law) или возратить себе тот вес, который мы прежде имели, пока мы не будем настолько счастливы, чтобы выпутаться (to draw ourselves) из ведущейся нами войны"².

Это — исчерпывающее объяснение всех мнимых странностей английских дипломатических сношений с Петром. Сегодняшним вра-

¹ M. secretary S-t John to the right honourable m. Ch. Whitworth. Whitehall, 30-th October 1711. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 76.

² L. Weisbrod to the right m. secretary S-t John. Moscow, 1/12-th November 1711. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 78.

гом англичане считали Людовика XIV, а завтрашним — Петра. И кроме этих беспокойств по поводу усиления русского флота, англичан тревожили еще постоянно возникавшие, потухавшие и вновь появлявшиеся слухи, что у царя ведутся какие-то переговоры с Версальским двором и что можно будто бы ждать при французском посредничестве прекращения на выгодных для России условиях русско-шведской войны и затем вступления Петра в коалицию против Англии.

Поневоле богобоязненные британцы охотно начинали возлагать свои упования на всевышнего создателя, который, может быть, догадается наслать на русских чуму: "В таком народе (в боеспособных солдатах. — Е. Т.) самодержавное правительство (России. — Е. Т.) никогда не будет иметь недостатка, разве только всемогущий бог найдет на них общую чуму (a general plague)", утешает английский агент в Москве А. Вейсброд своего начальника статс-секретаря Сент-Джона. Так он крепит (в официальной бумаге за номером) в приунывшем министре пошатнувшуюся надежду на вседержителя, на светлое будущее Англии и на чуму в России.

Задача завоевания Южной и Юго-западной Финляндии диктовалась Петру всей политической и стратегической обстановкой. Отношения с союзниками стали таковы, что Петр очень зорко следил за польско-саксонскими войсками, которые весьма подозрительно маневрировали около Курляндии. С Данией тоже многое не клеилось и не приходило в ясность. Речи не могло быть о том, чтобы сильным ударом союзных флотов с юга, от

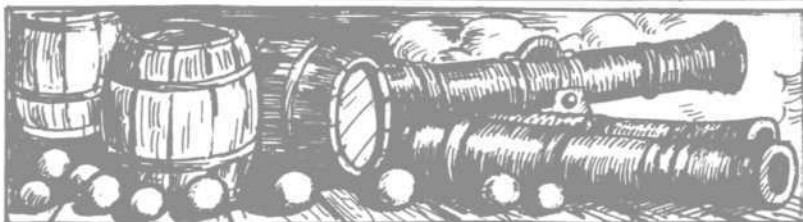

Копенгагена, Борнгольма, Данцига, Ревеля заставить шведов мириться. После завоеваний 1710 г. именно это было главной задачей политики Петра относительно Швеции.

Но если этот удар нельзя нанести от южного берега Балтийского моря, то оставался лишь один исход: базироваться не северном берегу Финского залива, взять Гельсингфорс, взять Або, попытаться овладеть Аландскими островами, превратить Юго-западную Финляндию в плацдарм для нападения на шведские берега или хотя бы создать серьезную угрозу нападения, что могло заставить шведов согласиться на мир. Завоеваний в самой Финляндии, т. е. новых постоянных земельных приобретений там, царь не искал, он решил удовлетвориться полосой земли между Кексгольмом и Выборгом.

Конечно, предстояла встреча со шведами и на суше и на море. В течение всего 1712 г. и в течение весны 1713 г. шла самая кипучая работа по постройке галерных судов и подготовка уже имевшихся линейных кораблей. Блестящая стратегическая мысль Петра, деятельно осуществляемая Апраксиным, Боцисом и другими, заключалась в том, что главная роль в предстоящих военных действиях выпадет на долю не линейных кораблей, а весельных и парусных галер, полугалер, бригантин и т. п., т. е. судов, для которых возможно маневрирование в шхерах. Около двухсот этих гребных судов было готово к походу уже весной 1713 г.

Это не значит, что Петр прекратил постройку и покупку новых и новых линейных кораблей в

1712 и 1713 гг. Царь знал, что без них на просторах Балтики рано и поздно не обойтись, потому что шведский флот пока еще очень силен. Но для такой операции, как завоевание Финляндии, линейный флот не был так непосредственно нужен, как флот галерный.

Галеры двинулись в поход из Петербурга 26 апреля 1713 г., под командованием Апраксина. Авангардом командовал контр-адмирал Петр Михайлов (царь), кордебатанием Апраксин, а арьергардом — шаутбенахт Боцис, венецианский грек на службе России, очень дельный моряк, хотя и не чуждый склонности к интригам и "склоке". До Березовых островов галеры шли под прикрытием корабельного флота, которым командовал вице-адмирал Крюйс. 8 мая галерный флот подошел к Гельсингфорсу, и 11 мая в результате совместных действий галер и десанта город был занят. 17 августа князь Голицын по суше, а Апраксин на гребных судах, морем пошли от Гельсингфорса к Або. Город был сдан без сопротивления 28 августа 1713 г. *

Итак, с этого момента Стокгольм оказался весьма недалеко от крайнего западного пункта в Финляндии, которым овладел Петр. С точки зрения организации постоянной (и все увеличивающейся) угрозы столице Швеции занятие Або явилось важным моментом в истории Северной войны.

* О подробностях замечательного взаимодействия сухопутных и морских сил во время всей этой кампании — см. Н. Озаровский. Боевые операции в финских шхерах в 1710 — 1714 гг. "Морской сборник", 1940, № 1.

Шведы, несмотря на тяжкие неудачи в 1713 г., на появление русских в Або и на потерю всей южной и части Западной Финляндии, вовсе не считали себя побежденными на море. Они не могли, конечно, не видеть, что сделали капитальную ошибку, не выстроив вовремя достаточного флота гребных судов, оставшись поэтому в почти беспомощном положении при действиях русских моряков в шхерах. Но чем объясняли впоследствии шведы свой губительный промах? Именно своим высокомерным отношением к русским морским силам, самоуверенным убеждением, что они, будучи сильнее русских при единоборстве линейных кораблей, даже и не подпустят русских к шхерам, а потопят их в открытом море. Все это оказалось ошибкой и патристической фантазией. Шведы даже и не заметили того, как стало меняться соотношение сил и в линейных флотах, они ничего в точности не знали не только о всех постройках кораблей на русских верфях, но и о непрерывных покупках судов для русского флота за границей. Морская разведка у шведов была в те времена из рук вон плоха. Не весьма блестящей, впрочем, была она и у Петра. Единственной державой, у которой морской шпионаж (вспомоществуемый очень энергично шпионажем дипломатическим) всегда оказывал-

ся на высоте, была Великобритания. А затем нужно сказать, что даже и в те годы, когда шведский флот был еще в действительности гораздо сильнее русского, шведское командование как-то не сумело найти места, где можно было бы нанести русским серьезный удар.

Требовалось испытание, хотя бы в ограниченных размерах, чтобы обе стороны могли получить некоторый новый материал для сравнения относительной оперативности своих флотов и их общей боеспособности. Таким испытанием, правда, еще не давшим полного материала для окончательного, категорического, бесповоротного решения вопроса, по производившим громадное впечатление и в Швеции, и в России, и в Европе, явился бой у Гангута 27 июля 1714 г.

Шведское правительство, зная о приготовлениях русского командования к десантным операциям через Ботнический залив, тотчас после открытия навигации весной 1714 г. выслало к полуострову Гангут эскадру адмирала Ватранга, чтобы преградить путь русским галерам в Або-Аландский район.

Русский план кампании 1714 г. предусматривал переход галерного флота с десантом в Або, занятие Аландского архипелага и, в зависимости от обстановки, вторжение на территорию Швеции. Корабельный флот должен был прикрывать гребные суда до входа их в шхеры и потом идти в Ревель, чтобы воспрепятствовать проходу

неприятельских линейных кораблей в Финский залив, а в случае необходимости — также оказать содействие гребному флоту, если бы последний встретил препятствие со стороны шведского линейного флота.

20 мая 1714 г. 99 полугалер и скамповей с десантом в 15 000 чел. под командованием генерал-адмирала Апраксина направились от Котлина в шхеры. Со стороны моря гребные суда прикрывал корабельный флот (18 кораблей, фрегатов и шняв) под командованием контр-адмирала Петра Михайлова. В районе Березовых островов флоты разделились: гребной флот пошел в шхеры, а корабельный — в Ревель.

11 июня корабельная эскадра прибыла в Ревель, где она соединилась со стоявшими там купленными за границей и построенными в Архангельске кораблями. Всего Петр имел теперь под своим командованием 16 линейных кораблей, 8 фрегатов и шняв. Экипаж этого флота был равен 7000 чел., пушек было 1060.

Гребной флот 29 июня подошел к бухте Тверминне и здесь остановился, так как дальнейший путь был невозможен из-за присутствия неприятельского флота у Гангута.

У Ватранга было 16 линейных кораблей, 8 галер, 2 бригадины, 2 галиота. Ватранг стоял у оконечности полуострова Гангут, и галерный русский флот, идя из Тверминне к западу, чтобы обогнуть Гангутский полуостров и затем идти в Або, непременно должен был натолкнуться на шведскую эскадру, сторожившую здесь русских.

Что было делать? Вызвать из Ревеля весь линейный флот и сразиться с Ватрангом в открытом море? Риск был слишком велик. Лучшие суда противника были налицо, и их артиллерия была очень велика. Решено было лучше уж рискнуть галерами, чем линейным флотом. И тут Петр (прибывший из Ревеля на галерный флот 20 июля) и Апраксин (главнокомандующий) обнаружили большую находчивость. Они пошли на совсем необычное дело: решили в узком месте Гангутского полуострова устроить "переволоку" и перетащить часть галер через эту переволоку к западу, чтобы создать в стане противника замешательство. Соответствующие работы уже делались и приходили к концу, когда Ватранг, узнав об этом, отделил 25 июля фрегат, шесть галер и два шхербота, отдал их под команду шаутбенахта Эреншильда и направил его к западной части Гангутского полуострова, именно туда, где кончалась русская "переволока" и где можно было ждать спуска перетащенных по суше русских галер в море. Уже это раздробление сил оказалось роковой неосторожностью шведского адмирала Ватранга. Но в тот же день Ватранг допустил и другую, еще худшую неосторожность: он отрядил восемь линейных кораблей, фрегат и два бомбардирских судна под командованием адмирала Лиллье к Тверминне, где стояли русские суда. Петр, выследив первым это движение, принял дерзкое решение: пользуясь ослаблением сил Ватранга и наступившим мертвым штилем, когда парусные корабли не могли сдвинуться с места,

он приказал 26 июля отряду из 20 скамповей, под командованием капитан-командора Змаевича, идти на прорыв с обходом шведского флота мористее его расположения. Отряд Змаевича немедленно тронулся в путь. Адмирал Ватранг, заметив движение русских скамповей, приказал сняться с якоря и буксировать свои корабли шлюпками к проходившим скамповеям Змаевича. Одновременно шведы открыли сильный артиллерийский огонь, не причинивший, однако, нашим судам никакого вреда, так как скампавеи шли вне дальности пушечной стрельбы.

Видя успех своего замысла, Петр направил по тому же пути еще 15 скамповей под командованием бригадира Лефорта, которые так же успешно прошли мимо шведского флота. Прорвавшиеся скампавеи по приказанию Петра обошли Гангутский полуостров и заблокировали шведский отряд кораблей шаутбенахта Эреншильда.

Рано утром 27 июля 1714 г. русские обнаружили, что шведский флот отошел от берега и расположился там, где накануне прошли русские галеры. На море стоял мертвый штиль. Петр немедленно воспользовался новой оплошностью шведского адмирала и приказал остальным судам начать прорываться, держа путь между шведским флотом и берегом. В четвертом часу утра Апраксин повел свой флот мимо неприятеля. Шведы встретили жестоким обстрелом русские суда, с отчаянной смелостью прорывавшиеся на запад. Но русские прорвались, потеряв всего одну

галеру. Самое опасное мгновение миновало, и теперь наступила тяжкая расплата шведского флота за ошибки Ватранга, которые были вызваны полной уверенностью в своей силе и русской слабости. Блестящие качества Петра как флотоводца, а также изумительная храбрость русских экипажей дали в результате замечательную победу.

Бой начался в 2 часа дня страшной артиллерийской стрельбой с обеих сторон. Русские пошли на abordаж. Петр находился в центре боевых действий. Через три часа боя, кончившегося рукопашной на палубах шведских судов, шведы сдались. Тяжко раненный, истекающий кровью шаутбенахт Эреншильд был взят в плен. Вся эскадра Эреншильда попала в руки русских. "Из 941 человек шведов, участвовавших в деле, убито 9 офицеров и 352 нижних чинов, а у нас — 124 человека и в том числе 8 офицеров"¹. Шведские фрегаты "Элефант", шесть больших галер и два шхербота попали в руки победителя. Не ушел никто. Узнав об этой катастрофе Эреншильда, адмирал Ватранг со всем своим линейным флотом поспешил уйти к Аландским островам. Плененный шведский флот был отправлен в Петербург, где произошла встреча победителей. Победоносная флотилия Апраксина прошла уже беспрепятственно в шхеры Або.

Такова была морская победа, заставившая говорить о себе всю Европу. Петр любил сравнивать ее с Полтавской битвой. Увлеченный вос-

¹ [Ф. Веселаго), Очерк русской морской истории. СПб., 1875, стр. 263.

торгом царь, конечно, преувеличивал, но все же Гангуту суждено было впервые дать понять упорному врагу, что рано или поздно, но именно русский Балтийский флот довершит то, что начинала Полтава. Наступали времена, когда шведы с каждым годом все более убеждались в том, что Балтийское море вовсе не является уже тем "ручьем, через который русское войско не перепрыгнет", как иронически выразился торжествующий Густав-Адольф в 1617 г., подписывая Столбовский договор и сообщая об его условиях в шведском сейме¹. Гангут в свете дальнейших событий оказался в самом деле первым грозным предзнаменованием.

Настоящий моряк, адмирал Ватранг понимал лучше кого бы то ни было, какой тяжкий не только материальный, но и моральный ущерб претерпели шведы под Гангутом. Вот конец донесения Ватранга королю Карлу XII, который, сидя в Бендерах, лишь спустя долгие месяцы получал деловые бумаги из Стокгольма: "Какую глубокую душевную боль причиняют мне эти несчастные события, наилучше знает всевышний, которому известно, с каким рвением и с какими усилиями я старался выполнить возложенные на меня обязанности и как я усиленно старался отыскать неприятельский флот". Ватранг честно сознается королю, что русские, проявив разумную дерзость и необычайную активность, благополучно прошли мимо шведской эскадры: "К

¹ "Gustav-Adolfs skrifter". Stockholm, 1861, стр. 181.

нашему великому прискорбию и огорчению, пришлось видеть, как неприятель со своими галерами прошел мимо нас в шхеры". Как пишет дальше Ватранг, его особенно огорчает, что он совершенно ничего не знает об участии шаутбейнахта Эреншильда¹. Но по этому поводу капитан 1 ранга Н. В. Новиков в своей работе о Гангуте, совершенно справедливо и приводя неопровержимые доказательства, замечает, что Ватранг на самом деле уже на другой день после боя, т. е. 28 июля хорошо знал о взятии Эреншильда в плен. Слишком горько Ватрангу было говорить об этих тяжких для шведского самолюбия подробностях славной русской победы, когда "военное творчество, воля к победе и мужество "вышних и рядовых" дали образец высокого искусства, против которого грозная сила, находившаяся в руках Ватранга, оказалась парализованной и неспособной к противодействию"².

¹ Н. В. Новиков, Гангут. Военмориздат, 1944, стр. 74.

² Н. В. Новиков, Гангут. Военмориздат, 1944, стр. 75.

Радость Петра была безмерна. Он ликовал и хвалился особенно потому, что тут впервые был взят сам начальник морского отряда. Вот как царь сообщал об этой Гангутской победе князю Борису Куракину, своему послу в Голландии и одновременно в Англии: "Объявляем вам, коим образом всемогущий господь бог Россию прославить изволил, ибо по многим дарованным победам на земле, ныне и на море венчати благословил: ибо сего месяца (июля. — Е. Т.) в 27 день шведского шаутбейнахта Нилсона Эреншелта с одним фрегатом и шестью галерами и двумя шхерботами, по многом и зело жестоком огне у Ангута (sic!), близ урочища Рилакс Фиель, взяли. Правда, как у нас в сию войну, так и у алиртов (союзников. — Е. Т.) с Франциею, много не только генералов, но и фельдмаршалов брано, а флагмана ни единого. И тако сею, мню, николи у нас бывшею викториею вам поздравляем"¹.

После Гангута морская победа против Швеции на долгое время приняла особый характер, который, собственно, и не менялся уже сколько-нибудь существенно до самого Ништадтского мира, т. е. в течение всех последних шести лет Северной войны. Это было перемежавшееся и

¹ Царь Петр Алексеевич — кн. Б. И. Куракину (29-го июля 1714 г. Дубликат). Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 101.

вместе с тем чаще всего комбинированное осуществление двух стремлений: с одной стороны — держа наготове и постоянно усиливая как линейный, так и гребной флоты и переводя лучшие сухопутные войска на Балтийское побережье, постоянно грозить шведам большим десантом, а с другой — беспрестанным крейсированием в Балтийском море упорно мешать торговле шведов с европейским материком.

Кораблестроение продолжалось усиленными темпами. Корабль за кораблем спускались на воду. Гангутская победа особенно ободрила царя. Он придумал оригинальный, как сейчас увидим, способ соблюдать при кораблестроении экономии: он "дарил" новый корабль кому-либо из особенно провинившихся вельмож. Вот, например, зарисовка с натуры, сделанная Джорджем Мэкензи, который присутствовал в самом начале октября 1714 г. при спуске нового линейного корабля "Шлюссельбург":

"Как только корабль сел на воду, его величеству угодно было объявить, что он дарит князю Меншикову, который хорошо понял смысл такого подарка; его светлость, как я слышал, чтобы отблагодарить за оказанную милость, тут же обещал не жалеть издержек на снабжение корабля и экипажем и украшениями и заявил, что постарается сделать его лучшим из 54-пушечных кораблей русского флота"¹.

¹ G. Mackenzie to the right honourable m. secretary Bromley. St. Petersburg, 1-st October 1714. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 279.

Начиная с 1713 г., англичане и французы почти одинаково старались убедить Петра поскорее согласиться на мир со шведами.

11 апреля (н. ст.) 1713 г. Англия и Франция подписали в Утрехте мир, положивший конец тяжелой для обеих держав долголетней войне за испанское наследство, и с той поры обе державы почти одинаково страшились полного разгрома Швеции Петром в случае продолжения борьбы на Севере. Однако царь категорически отказывался даже от перемирия на время ведения переговоров и громогласно заявлял, что речи не может быть ни при каких условиях об отказе России от отвоеванных у шведов южных берегов Балтики. Конечно, после Гангутской победы и после удачных походов вдоль берега Финляндии уверенность Петра в конечном успехе еще более возросла.

И ни угрозы короля Карла XII, вернувшегося, наконец, в ноябре 1714 г. в Швецию из Турции, откуда он не мог после Полтавы выбрать в течение пяти лет и пяти месяцев, ни убедительное красноречие английских посланников и Версальского двора ровно ничего не могли поделать. Почему Петр так верил в конечную победу? Он этого ничуть не скрывал: потому что у него теперь был флот. Вот что доносил 26 ноября (7 декабря) 1714 г. Джордж Мэкензи лорду Таунсенду о разговоре с царем: "Что касается того, что может случиться, если шведский король возобновит войну в этой стороне, то слова царя всегда сводились к тому, что он сам стоит за мир, но если ему нельзя будет заключить хороший мир, то

он постоянно будет пускать в ход все усилия, чтобы сделать войну утомительной для его противника. Царь разговаривал при этом с видимым равнодушием и не преминул высказать (высокое) мнение, которое он имеет о своем флоте, и что этот флот может ему помочь получить хорошие условия мира" ¹.

Угроза самому существованию Швеции, слухи о могущественном русском флоте, готовом высадить у Стокгольма крупные силы, — все это очень занимало умы в Англии в эти первые времена только что восцарившейся в стране ганноверской династии. Первый король этой династии Георг I был в то же время ганноверским курфюрстом. Ганновер был под ударом и с русской и со шведской сторон, причем с русской стороны больше, чем со шведской. Ганноверские интересы в тот момент рассматривались в британском парламенте вовсе не как исключительно династические дела нового короля. Напротив, и деловой мир лондонского Сити, и вигистская аристократия, и вигистская часть сельского дворянства (джентри) видели в ганноверских владениях нового короля некоторый придаток политической силы в Англии. Пока шла бесконечная война между Швецией и Россией, в Англии не были уверены ни в том, что Швеция не будет завоевана (или, по крайней мере, что русский флот и армия не овладеют Стокгольмом), ни что Ганновер уцелеет.

¹ G. Mackenzie to the right honourable Lord viscount Townshend. St. Petersburg, the 26-th November O. S. 1714. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 315 — 316.

Чем ближе дело шло к открытию навигации, тем более необходимым казалось лорду Таунсенду послать военный флот в Финский и Ботнический заливы и этим, во-первых, оградить шведские берега от русского десанта, во-вторых, оказать давление на царя в смысле ускорения заключения мира со Швецией и, в-третьих, наконец, поддержать просьбу британских купцов о восстановлении торговли через Архангельск (против чего боролся царь, желавший направить торговлю через Балтийское море в Петербург). Но ничего из этих проектов не вышло. Едва только к концу марта 1715 г. Петр получил верные известия о посылаемой в балтийские воды английской эскадре, как он велел держать наготове все галеры и полугалеры, какие были приготовлены в Петербурге для отправки при первом же открытии навигации в Або. Джордж Мэкензи и теперь, в начале апреля, столь же категорически, как и в январе, предвещает своего начальника, что угрозой от русских ровно ничего не добьешься. Он даже рискует слегка поиронизировать над своим увлекающимся начальником, который полагает, что можно будет потребовать у Петра заключения-перемирия со шведами: "Если галеры царя уж окажутся в Ботническом заливе, то мы можем потребовать перемирия, но царь уверен, что мы не можем заставить его согласиться на перемирие, так как он (царь. — Е. Т.) знает, что он в состоянии производить по всему побережью (Швеции. — Е. Т.) вторжения, в то время как мы ни в малейшей степени не будем в состоянии

спасти Швецию нашими крупными кораблями". Вообще же знающие люди не советуют английским военным судам заходить восточнее Ревеля. Наконец, и относительно окончательного подтверждения указа царя о сохранении торговли в Архангельске, изданного было по просьбе англичан, тоже ничего ясного и окончательного достигнуто не было. Царь не подтвердил указа, а напротив, старался повлиять на русских купцов, чтобы вызвать с их стороны просьбу отменить этот указ (и тем самым окончательно передать почти всю заграничную торговлю Архангельска Петербургу)¹.

Русский флот, таким образом, окончательно становился грозным стражем политической и экономической самостоятельности русской политики.

Беспокоились и французы, хотя их интересы не затрагивались так близко и резко, как английские, всеми теми изменениями, какие вносили в североевропейские дела появление русского флота на Балтийском море и завоевание Ингрии, Эстонии, Ливонии и Финляндии. Во всяком случае, французы иногда даже делали вид, что колеблются в своей до сих пор последовательной "прошведской" и антирусской политике.

Петр очень и очень принял к сведению попытку английского кабинета помочь Карлу XII и крайне выразительно показал это Джорджу Мэкен-

¹ G. Mackenzie to the right honourable Lord viscount Townshend. St. Petersburg, the 4-th April 1715. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 370 — 372.

зи при его прощальной аудиенции, когда с нарочитой резкостью долго отказывался принять отзывные грамоты посла на том основании, что они подписаны были еще королевой Анной, после того скончавшейся. Царь публично, в присутствии других иностранных представителей и русских сановников, очень возвысив голос, крикнул, что если Мэкензи решается ему дать "кредитивные" грамоты от покойной королевы Анны, то он, царь, даст Джорджу Мэкензи "кредитивные" грамоты к своей матери, царице Наталии Кирилловне, которая тоже покойница. Весь этот скандал длился долго, и царь, "очень жестикулируя" (with differing gestures), много раз повторял, что непременно снабдит Мэкензи приветственным письмом для передачи покойной царице, своей матушке.

Все это уже не только оскорбляло Мэкензи. По-видимому, прямой логический смысл царских слов начал, наконец, его несколько и беспокоить. "Поручение" к покойнице можно попытаться выполнить, очевидно, только самому превратившись предварительно в покойника. В течение всей этой неприятнейшей аудиенции, как доносил Мэкензи, — "его величество снова и снова, как припев в песне, повторял эти слова, что он хочет, чтобы я передал его приветствие его матери (подчеркнуто в подлиннике) (he would desire me make his compliments to his mother)"¹.

¹ G. Mackenzie to the right honourable Lord viscount Townshend. St. Petersburg, the 11-th April 1715. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 372 — 379.

Все же Мэкензи благополучно унес ноги с этой аудиенции и невредимым отправился не к Наталии Кирилловне, а лорду Таунсенду в Лондон. Конечно, он понимал, что царский гнев вызван был не канцелярско-дипломатическими формальностями, а враждебными английскими интригами, которые, как догадывался Мэкензи, отчасти приписывались царем самому британскому послу в Москве. А стали Петру известны эти происки Джорджа Мэкензи из полученных царем писем из Лондона. Но это Мэкензи в точности узнал несколько позже.

В период между Гангутом (1714 г.) и смертью Карла XII (в 1718 г.) бывали моменты, когда высадка в Швеции казалась вполне исполнимой. Русский флот распоряжался на Балтийском море как дома, особенно в те времена, когда изменчивая политика Англии снова по тем или иным причинам поворачивалась острием против Швеции. Так случилось, например, в 1716 г. Фантазер и совершенно бездарный дипломат, король Карл XII, явившийся в конце 1714 г. в Швецию, умудрился в 1716 г. раздражить против себя англичан нелепым своим сближением с безнадежным претендентом на английский престол (из изгнанного революцией 1688 г. дома Стюартов) и рядом других бестактных и вреднейших для Швеции поступков. Георг I и его правительство стали делать вид, что они сочувствуют плану Петра о высадке в Швеции.

В 1716 г. Петр твердо решил высадить свои войска в Швеции и там продиктовать ей условия

мира. Высадку решено было вместе с датчанами произвести на южный берег Швеции — в Скании. Одновременно, для отвлечения неприятельских сил от главного театра военных действий, Петр приказал Апраксину с галерным флотом высадиться в Швеции со стороны Ботнического залива.

Для выполнения намеченного плана Петр передвинул войска в Померанию, а морем в Росток пошла русская галерная эскадра, которая двинулась сюда из Либавы. Либавская эскадра сначала явилась в Данцинг. Если в Данциге и происходили нередко неполадки между немцами и поляками, то в одном данцигское купечество было согласно: в неприязни к русским и в стремлении всякими правдами и неправдами вести контрабандную торговлю со Швецией. Появление русского флота мгновенно привело Данцинг к полному повиновению. Из Ростка Петр лично повел свою эскадру в Копенгаген: датчане, как уже было указано, должны были участвовать в предполагаемой высадке. Ревельская эскадра 19 июля 1716 г. тоже явилась в Копенгаген. Сюда же, по спешному повелению Петра, подтянулись и корабли, построенные в Архангельске, а также купленные в Англии. Корабельная русская эскадра, находившаяся в Копенгагене, состояла из 22 вымпелов, в числе которых было 14 линейных кораблей. К русским кораблям присоединилась датская эскадра. Подоспели в Копенгаген одновременно и голландцы и англичане. Английский адмирал Норрис имел задание вместе с гол-

ландцами оградить в ближайшие месяцы большую флотилию английских и голландских торговых судов от настойчивых нападений шведских каперов, да и королевских шведских фрегатов (ведь Англия все-таки формально числилась в Швеции неприятельской державой).

Четыре флота стояли рядом на копенгагенском рейде. Датский адмирал не желал подчиняться англичанину Норрису, а голландцы не желали подчиняться ни тому, ни другому, решено было избрать верховным командиром всех четырех флотов русского царя, как единственного монарха, находившегося на месте.

Петр всегда с тех пор с гордостью вспоминал, как ему между Копенгагеном и Борнгольмом в 1716 г. привелось командовать в качестве первого флагмана четырьмя первоклассными флотами: русским, английским, датским и голландским. В честь этого события даже была "выбита медаль, на одной стороне которой находилось изображение бюста государя, а на другой Нептун (бог моря. — Е. Т.) на колеснице, с русским штандартом и тремя союзными флагами. На этой же стороне медали была подпись: "Владычествует четырьмя. При Борнгольме".

Итак, сын "тишайшего" Алексея Михайловича, еще не столь давно лишь понаслышке знавшего, что на свете есть море, ныне "командовал четырьмя флотами", а своим собственным флотом держал в страхе врагов и оказывал

¹ [Ф. Веселаго), Очерк русской морской истории, стр. 189 — 190.

могущественное давление на все прибрежные страны Балтики. Россия наглядно для всех становилась в ряд великих европейских морских держав.

5 августа 1716 г. соединенный русско-английско-датско-голландский флот вышел из Копенгагена к Борнгольму под верховной командой Петра. Во флоте числилось свыше семидесяти линейных кораблей и фрегатов и несколько сот транспортов. Целью похода было защитить торговые суда от возможного нападения шведских кораблей.

Русская эскадра по качеству судов, силе артиллерии и общей боеспособности не уступала английской и бесспорно превосходила датскую и голландскую. Первый флагман — верховный командир всей этой великой соединенной армады "Петр Михайлов", мастеровой амстердамской верфи, — шел впереди на своем превосходном корабле "Ингерманландия". Россия тут как бы символизировала все значение, какое она в такой невероятно короткий срок приобрела на Балтийском море.

8 августа соединенный флот прибыл к Борнгольму. Ввиду того, что, как донесла разведка, шведский флот находился в Карлскроне, было решено от Борнгольма в русские порты отправить торговые суда под охраной лишь 11 английских и голландских кораблей. 14 августа Петр спустил свой штандарт и с отрядом из четырех кораблей отправился в Копенгаген, где его присутствие было крайне необходимо, так как гото-

вилаась операция высадки десанта на шведские берега.

Высадка в Швеции в 1716 г. все же не состоялась. Хотя у союзников, в общем, было приготовлено десантных войск 52 000 чел., но разведка убедила Петра в существовании очень сильных укреплений по всему берегу, где предположено было высадиться. Карл XII с не очень большой, но хорошо подготовленной и вооруженной армией ждал нашествия и готовил отчаянную оборону. Между союзниками к тому же существовали большие разногласия. Датский король, подстрекаемый против Петра ганноверским посланником Бернсдорфом, стал опасаться за безопасность своей столицы, где находились русский флот и русские войска, и заботился только о скорейшем их удалении. При таких обстоятельствах Петр решил отказаться от десанта.

Со всех сторон английское правительство получало в 1716 г. достоверные сведения о быстром росте экономического и политического значения России на Балтийском море. Резюме этой недоступной нам переписки английских торговых и политических агентов, хранящейся в английских архивах, дает нашедший эти донесения и впервые о них сообщивший Чэнс в своей специальной монографии о Георге I в следующих словах: "В Англии ревность (jealousy) к могуществу Петра быстро возрастала, так как русское владычество на Балтике угрожало стать для британской торговли хуже, чем было шведское. С каждым днем становилось все более очевидным, что главной целью военных предприятий Петра было споспешествовать экономическому развитию его новой (sic!) империи. В 1716 т. Стэнгоп направил из Дании в Лондон длинный доклад о мерах, предпринимаемых в России для расширения русской торговли. В рапорте говорилось о ввозе в (Россию. — Е. Т.) сотен французских и голландских мастеров и рабочих, о приготовлении руководств по всякого рода научным предметам, об организации регулярных караванов в Персию, Астрахань, Монголию и Китайскую Татарию, о соединении каналами Балтийского моря с Волгой и Белым

морем. Стэнгоп писал далее, что русские, овладев Балтийским морем, заведут по-старому торговлю через Любек и другие германские порты "к ущербу для британской торговли". А эта русская торговля "воскресит соперничество старой Ганзы (с Англией. — Е. Т.)". Что же было делать? Начинать войну против России? Стэнгоп считал, что этого делать пока не следует, ибо русские владеют кораблестроительными материалами (naval stores) и без них Англии не обойтись. Зато статс-секретарь по иностранным делам виконт Чарлз Таунсэнд был настроен менее миролюбиво. Если царь в самом деле намерен сделаться хозяином всего Балтийского моря, то нужно пустить в ход самые сильные меры, чтобы предотвратить это. Таунсэнд видел в действиях Петра выполнение давно задуманного плана захвата Балтийского побережья, и хорошее доказательство тому — "мекленбургский брак" (Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбург-Шверинским. — Е. Т.)¹.

Весной 1716 г. Петр I выдал замуж свою племянницу царевну Екатерину Ивановну за герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского. Этот брак получил в глазах британского кабинета громадное политическое значение потому, что русские войска стояли в Данциге, стояли в Мекленбурге и не собирались оттуда уходить. Были, казалось, все основания опасаться, что

¹ James Tr. Chance, George I and the Northern War. London, 1909, p. 185 - 186.

русские со временем утвердятся окончательно в Мекленбурге, как они фактически утвердились в Курляндии, посадив в Митаве в качестве герцогини Курляндской родную сестру этой мекленбургской Екатерины Ивановны — Анну Ивановну — и тоже заняв Курляндию своими войсками, а Ригу сделав одной из стоянок русских военных эскадр. Сопоставляя все эти факты, английский кабинет усматривал, что все южное побережье Балтики от Петербурга до границ Дании оказывается во власти русского Балтийского флота и русских войск. Решено было начать поворачивать руль британской политики, пренебречь авантюристическими планами шведского короля Карла XII, носившегося некоторое время с нелепой идеей низвержения ганноверской династии в Англии и водворения там изгнанного дома Стюартов. И англичане остановились на мысли: отныне всячески препятствовать русской экспансии на Балтике. Но совсем сумасшедшая антианглийская политика Карла XII отсрочила все-таки действия, о которых уже думали и говорили (пока еще только между собой) министры Георга I. Упрямство Карла было равно его фантазерству и полной неумелости в области дипломатии, неизменно сводившей к нулю его былые военные успехи. Полтавский позор ничуть его не исправил. Его безумные фантазии о династических переменах в Англии, о шведской высадке в Англии, его решительное намерение напасть не только на датскую Норвегию, но со временем и на Копенгаген, — все это заставило

англичан долго мириться и с пребыванием русских в Мекленбурге и Данциге, и со многими другими неприятностями: Нужно было спасать Данию от шведской угрозы.

Трудности, связанные с непрекращающейся войной, и с активными английскими интригами, и с ответственностью, которую возлагало на Россию присутствие ее сильного флота на Балтийском море, обступали Петра со всех сторон. А вместе с тем он не мог не видеть, что лесоторговцы плутуют, "ландрихтеры" воруют, корабельных мастеров мало, флотоводцев порядочных не очень много. Крюйс, провинившийся в 1714 г., осужденный и прощенный, опять допускает оплошности.

"С великим неудовольствием слышу, что ревельская эскадра так у вас неисправна, и осеннее удобное время пропущено: ежели впредь так поступать станете, можете живот свой потерять", — писал Петр вице-адмиралу Крюйсу 7 февраля 1716 г. из Риги¹. Такого рода любезности так и сыпались от Петра по адресу и адмиралов, и купцов, и мастеров. К сожалению, капитальное издание "Писем и бумаг" Петра не доведено до последних лет Северной войны и приходится довольствоваться старыми и неполными сборниками, изданными еще в первой трети XIX в., потому что подлинники рассеяны в самых разнообразных местах и далеко не все, конечно,

¹ Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные, ч. III. СПб., 1830, стр. 5.

выявлены. Но и то, что у нас есть, поразительно интересно уже по изумительному разнообразию затрагиваемых Петром и его корреспондентами предметов, так или иначе касающихся флота и кораблестроения. Нужно было за всем следить, все решать самому — и в главном, и в мелочах. Тут и колоссальной важности проблемы: напасть ли в данный момент на шведские берега или не нападать? И напасть лестно, и рисковать боязно. А рядом с такой капитальной проблемой — нужно решать и другие. Командиры — все больше иностранцы, и возни с ними не оберешься. Петр чем дальше, тем все меньше доверял иностранцам и стремился, где только было возможно, заменять их русскими. Очень уж часто слышались жалобы на лень, отлынивание от службы, плутовство, пьянство приглашенных из-за границы моряков. Вот, например, англичанин Эдвардс. Всем бы хорошо, но запивает: "Капитан ...Едвардст, Бахусовых регул зело держится, а командует кораблем великим"¹. Так не убрать ли его с корабля? А капитан Дуглас все не прибыл в Финляндию: "силою принудьте!"² Нанял Петр нового мастера корабельного дела и уже боится, что тот будет без дела шататься: "И когда тот матер пришлется, чтобы он без дела не был, и чтобы ладил не слишком плоскодонные суда строить..." А на карты, где должно означать мели и подводные камни в финских шхерах, не все

¹ Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные, ч. IV. СПб., 1830, стр. 100.

² Там же, ч. III, стр. 98.

нанесено, — надо дополнить, исправить, особенно там-то и там-то. А на рифах ставить вехи, а к будущему году сделать бакен. А "для осенних ночей" огням быть там-то и там-то. Князь Василий Долгорукий извещает 22 января 1718 г.: "По указу вашего величества книги надлежащие до морского искусства здесь переведены и отправил я их к вашему величеству с переводчиком Шидловским"¹. Значит, нужно еще заняться проверкой качества перевода, дабы решить, достоин ли переводчик Шидловский награды или дубинки. На сей последний случай его и посылают к Петру вместе с его переводами. Но погрузиться в критику переводов надолго нельзя, целая тьма дел крупных и мелких требует царского внимания. Нужно "врубить" новую гавань в Ревеле, нужно выяснить, кто именно дочиста обокрал запасы с "Иегудиила", а тут еще забота из далекой Казани, и тоже о флоте. Там идет работа, плоды которой должны сказаться в будущем, при Персидском походе, но о которой Петр заботился уж и сейчас. Было велено выстроить в Казани 15 "тялок" (транспортных судов) и провести их в Каспийское море; для этого был прислан в Казань кораблестроитель Травин, который вдруг 18 апреля 1718 г. скончался, не вполне dokonчив работу: "оный мастер умре и доделать, государь, шести тялок некому". И неизбежный вопрос: "что ваше царское величество укажете?", пото-

¹ Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные, ч. IV. СПб., 1830, стр. 142.

му что сам Никита Кудрявцев не знает, где найти нового кораблестроителя¹. А царю нужны мастера для нужд Балтийского флота, и он сам состоит в личной переписке с этими важными для него людьми: "Корабельному мастеру Склеяеву. По получении сего, пол в верхней модель-каморе переплоти, и укрепя выкладь и черною краскою вымаж с маслом... Также из старых мачт, на которых сучья нет, сделай несколько правил, длиною фут по 60, а толщиною в полтора дюйма квадратно"². Петр — в Брюсселе, он поглощен труднейшими дипломатическими комбинациями. Он едет в Париж для переговоров с регентом Франции Филиппом Орлеанским, от исхода которых зависит, — пойдут ли шведы на мир немедленно или будут продолжать тянуть, упираться, торговаться. Но царь не забывает и о мастеровых: "Роспись о мастеровых я получил на которую отвечаю: мастер который пилы делает, умеет ли прочие вещи делать? А особливо буравы, о том отпиши. Шлюпочный мастер ежели гораздо доброй и на воинские корабли делает, то тщись склонить за 200 фунтов в год... К тому ж чтоб он выучил наших двух человек. Кузнеца ежели нельзя дешевле, принимай за ту же цену, но чтоб не стар был, дабы хоть мало мог навывкнуть языка нашего... И понеже сих мастеров много, того ради поищи дешевле, а именно: чтоб по меньше ста

¹ Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные, ч. IV. СПб., 1830, стр. 154.

² Там же, ч. III, стр. 286.

фунтов (стерлингов. — Е. Т.) на год"¹. Так писал Петр 5 апреля 1717 г. поручику Александру Апраксину, посланному в Англию. А спустя 12 дней, 17 апреля, царь, уже находясь во Франции, в Кале, пишет князю Меншикову о том, куда послать нанятых еще в Гамбурге мастеров, и приказывает точно, какие паруса делать, а каких не делать: не надо делать таких парусов, какие "зело искусных матрозов требуют"².

Вот где были особые трудности! Все есть: и лучшие в Европе мачтовые леса, и смола, и пенька, и парусный холст лучше английского, и уральское железо, и талантливый народ — все-стронне способный, храбрый, выносливый, как никто другой. Но времени мало, недостаточно техников, мастеров, а льготных сроков на выучку историческая судьба не дает.

Чем больше центр тяжести Северной войны перемещался на море, тем ревностнее производились за границей агентами Петра поиски новых и новых корабельных мастеров и морских офицеров. Отсутствие подготовленного командного состава жестоко чувствовалось. Еще не зная, кто именно прибудет из нанятых в Англии людей, Петр уже высчитывал, что им придется вручать не только отдельные корабли, но кое-кому и участь целых эскадр. "Нужду имеем мы в офицерах морских, которых потщитесь к весне на первых кораблях прислать... Только смотрите,

¹ Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные, ч. ГУ, СПб., 1830, стр. 114 - 115.

² Там же, стр. 115 — 116.

чтоб были дельные люди и не стары летами. Также, сверх сего числа, наймите из старых капитанов, которые бывали в боях на флагманских кораблях, двух или трех человек, которым мы дадим чин капитана-командера. Только в сем гораздо смотрите, чтоб были совершенно добрые и искусные, ибо на каждом положена будет эскадра, чтоб не потерять людей и кораблей", — так писал Петр своему послу Б. И. Куракину 1 ноября 1713 г.¹ Но близилось время, когда можно было избавиться от этого наплыва иноземцев и заменить их во флоте русскими людьми.

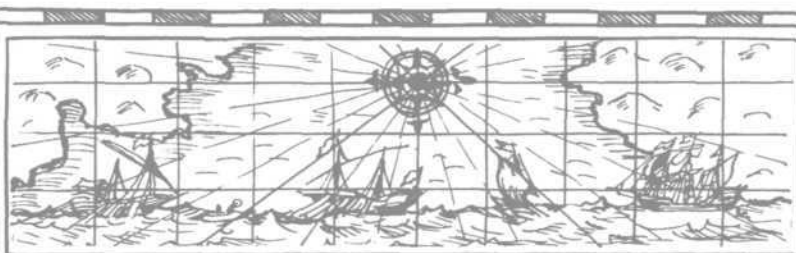
Вопрос о флоте был и остался вплоть до конца Великой Северной войны важнейшим фактором в достижении победы, вопросом русского государственного будущего. И Петру удалось в конце концов справиться со страшной трудностью. Гений Петра, его нечеловеческая энергия и не знавшая пределов работоспособность пришли на помощь зародившемуся в условиях жесточайшей борьбы русскому флоту.

Иностранцы с любопытством, часто очень беспокойным и недоброжелательным, но все более и более интенсивным, наблюдали и за поразительными результатами, которых достиг русский народ в деле создания могущественного военно-морского флота. И они со все усиливавшимся беспокойством и досадой убеждались с каждым годом, во-первых, в том, что

¹ Царь Петр Алексеевич — кн. Б. И. Куракину (1 ноября 1713 г. Дубликат). Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, стр. 75.

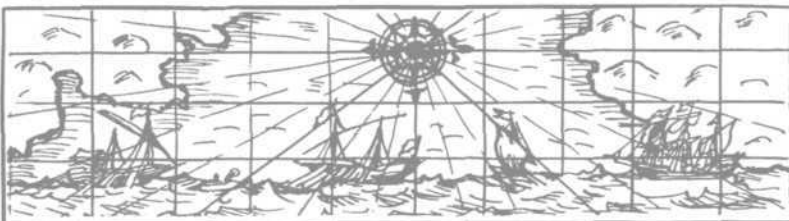
русские овладели искусством строить линейные корабли и фрегаты (не говоря уже о шнявах) ничуть не хуже иностранцев и могут уже смело без них обходиться и, во-вторых, что русские проявляют большую творческую мысль в умении изобретать и строить быстро, оперативно суда именно того типа, какой требуется. Особенно поразительно в этом отношении было создание плоскодонного, специально приспособленного к условиям шведского и финского побережья "шхерного" флота.

Все, что Петр хотел получить от Швеции, он с помощью своей армии и флота получил. Но ему нужен был мирный трактат, который окончательно утверждал бы за Россией ее приобретения. А мир не давался в руки. Шведы надеялись на Англию, надеялись на Францию. Петр решил попытаться нанести Швеции удар, которого она не ждала: оторвать от нее Францию. Он отправился в Париж.

Следует напомнить, каково было отношение французов к растущему могуществу русского флота. Французское правительство стремилось установить постоянные дипломатические и экономические связи с Россией, не переставая в то же время поддерживать шведов в их борьбе против русских.

Документально подтверждается, что французы с каждым годом все более и более убеждались в прочном и очень серьезном перемещении торговых и политических интересов России на север, к берегам Балтийского моря. Регент Франции Филипп Орлеанский с начала своего правления учел это. "Монсеньер герцог Орлеанский хотел бы послать к царю человека, осведомленного в вопросах торговли на Балтийском море и который был бы достаточно умен, чтобы выполнять получаемые приказы как в отношении

торговли, так и в других видах. Следовало бы, чтобы был человек верный, на которого можно было бы вполне положиться и который знал бы голландский язык, чтобы он мог лично вести переговоры с царем, говорящим на этом языке", — так писал приближенный регента д'Юксель в ведомство иностранных дел в Париже в начале февраля 1716 г. 1.

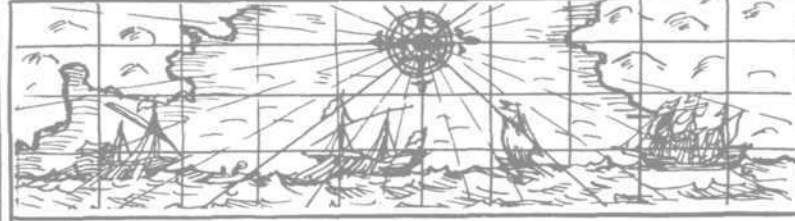
Быстрое, непрерывное усиление русского флота на Балтийском море чрезвычайно привлекает внимание французского правительства. Французский представитель при Петре I Лави всюду собирает справки, сличает документы своей информации и спешит доносить в Париж об узнанном. "Английский командир сказал нам, что он посетил двенадцать военных кораблей, которые здесь на верфях, он нас уверял, что в Англии нет лучших судов. Вот уже несколько лет, как царь нанял различных английских строителей, очень искусных, за большие деньги..." 2.

С интересом узнали во французском посольстве о том, какую сравнительную оценку дает русский царь флотам иностранных держав.

Царь разговаривался (в ноябре 1717 г.) с тремя английскими корабельными мастерами, работавшими у него. "Должно заметить, — писал своему правительству Лави, — что так как господствующей страстью этого монарха является

¹ Monseigneur d'Uxelles a M. Le Blanc. Paris, 9 Fevrier 1716. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 495.

² Le sieur de La Vie. A St. Petersburg, le 22 Aout 1717. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 239.

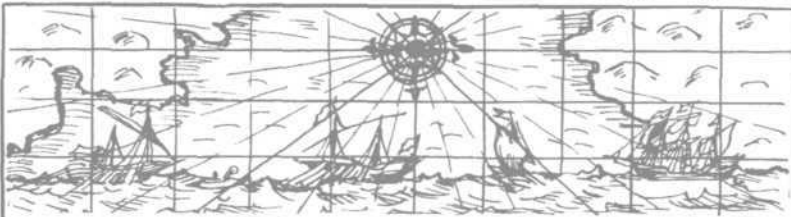

удовлетворение своего могущества на море, то он благоволит к этим господам, для него удовольствие проводить с ними целые часы у них в доме и доверительное ими говорить о всякого рода делах, когда он может урвать минуту от своих дел. Когда речь зашла о морских силах европейских держав, он сказал, что морские силы Франции находятся в очень печальном состоянии, что французский король имеет множество судов, которые погибают в портах, что теперь король не в состоянии снарядить и послать в море эскадру из 12 линейных судов".

Относительно Голландии царь сказал, что она очень обеднела из-за войны (против Франции), что она не в состоянии снарядить четыре военных корабля для конвоирования своих торговых судов в Архангельск и не могла даже присоединить свои суда к английской эскадре, посланной охранять английскую и голландскую торговлю в Балтийском море. Датский флот, по мнению царя, имеет несколько годных военных судов, но так как новых датчане не строят, то вскоре их морские силы окажутся в жалком состоянии. Об английском флоте царь не сказал ни одного слова: говорить об этом предмете с английскими собеседниками не захотел¹.

"Царь уже не так доступен, как был прежде. Все дворы, по-видимому, стараются снискать его дружеское расположение", — писал Лави в

¹ Le S. de La Vie a Monseigneur. A St. Petersburg, le 29 Novembre 1717. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 263 - 264.

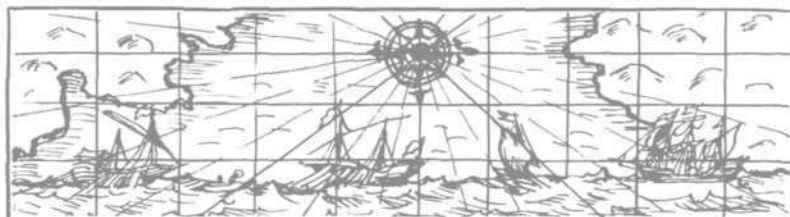

1718 г. 1. Зато для шкиперов, капитанов, корабельных строителей у Петра всегда находилось время.

Французам приходилось уже считаться не только с возникновением русского флота на Севере, но и с возможностью его появления на Юге. В июле 1717 г. французский посол в Петербурге доносил в Париж: "Царь намеревался послать в Средиземное море несколько судов, нагруженных русскими продуктами, чтобы испытать, какие выгоды могла бы принести эта торговля его подданным. Один английский офицер (русской службы. — Е. Т.), участник экспедиции, передавал мне, что государь посылает туда два военных судна, каждое в 50 пушек, и что после того, как они выгрузят свои товары в Венеции, они должны поступить на службу в помощь республике (Венецианской. — Е. Т.) против Оттоманской Порты. Мне нетрудно поверить этой новости, так как я убежден, что царь, который всегда внимательно относился к расширению торговли среди своих подданных, будет очень рад воспользоваться этим случаем, чтобы они могли ознакомиться с портами Средиземного моря и с боевыми приемами венецианцев"².

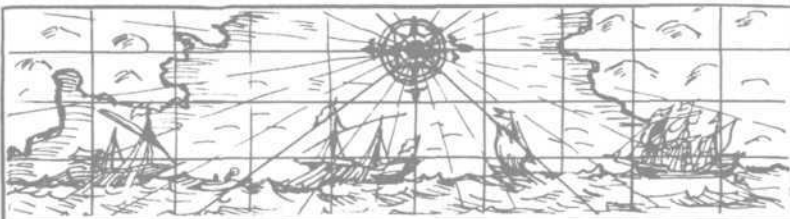
¹ Le sieur de La Vie à Monseigneur. St. Pétersbourg, 6 Mai 1718. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 339.

² Le sieur de La Vie. A St. Pétersbourg, le 19 Juillet 1717. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 232 — 233.

Французский посол понимал, до какой степени серьезным является этот вопрос и для французской дипломатии и для французской экономики. Одно дело были доходившие до Франции слухи о двух азовских походах Петра, а совсем другое дело — слухи нынешние, 1717 года. Тогда, более чем двадцать лет назад, "странная затея" молодого беспокойного царя — создавать из ничего какой-то флот в более чем тысячеверстном расстоянии от моря — особенно беспокоить не могла, и даже конечное завоевание Азова, не имевшее дальнейших последствий в Крыму и на Черном море, было быстро забыто еще задолго до несчастного Прутского договора.

Но теперь положение создалось иное. Русский царь оказался гениальнейшим из всех тогдашних монархов. За двадцать с лишком лет он провел ряд смелых реформ, создал сильную армию и флот, добился блистательной полтавской победы, превратившей Швецию во второстепенную державу, а прославленного шведского "Александра Македонского" — в скитающего по турецким степям бесприютного беглеца. Маршал Франции граф де Тессе, встречавший и приветствовавший Петра в Кале во время поездки его в Париж в 1717 г. и имевший с Петром беседу, доносил герцогу Филиппу Орлеанскому 1 мая того же 1717 г. о словах, сказанных ему царем: "Положение Европы изменилось, Франция потеряла своих союзников в

Германии, Швеция почти уничтожена и не может оказать вам никакой помощи. Я предлагаю Франции не только свой союз, но и мое могущество"¹.

Вот каким тоном уже говорила Россия с наследниками "короля-солнца" (le roi-soleil) — Людовика XIV. Становилось ясным, что появилось новое, пока еще только восходящее светило, которое уже начинает оказывать своей грандиозной массой влияние на все европейские "притяжения" и "отталкивания".

Вице-адмирал Крюйс в разговоре с Лави не скрыл, что, так как султан не отдаст России без боя Азов и Крым, царь постарается овладеть ими силой. "Государь пришел к этому намерению уже давно в целях сделаться на Черном море таким же могущественным, каким он уже является на Балтийском море. Он постарается заставить турок дать ему свободный проход через Босфор и Дарданелльский пролив, чтобы вести свою торговлю в Средиземном море. Если бы он мог успеть в этом намерении, то наш народ (французский. — Е. Т.) мог бы, через порты Тулона, Марселя и другие, производить в России через Азов выгоднейшую торговлю". Посол Лави проследил (в доказательство основательности своих слов), что из этой "отдаленной местности России" русские провенансы идут в Архангельск, где их скупают англичане и голландцы. Из Архан-

¹ Mr. de Tessé. Le 29 Mai avant midi 1717. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 198.

гельска таким путем часть этих товаров попадает в Ливорно, а оттуда в Марсель, где они продаются "с выгодой"¹. Ясно было, насколько эта выгода увеличится, когда французы будут получать южнорусские товары не через Архангельск и Ливорно и не из рук англичан и голландцев, а непосредственно в Азове, перевоза их оттуда в Марсель. Как много говорит историку этот документ! Ведь вся история франко-русских политических отношений в течение XVIII столетия, поскольку дело шло о Черном море, складывается из чередования двух главных течений: либо всеми способами поддерживать и защищать Турцию в ее борьбе против России, пока у турок есть какие-нибудь шансы на победу, либо, как только вооруженная борьба склонялась в сторону русской победы, — добиваться сближения с Россией, чтобы иметь надежду на коммерческое использование новых русских владений, отвоеванных у Турции. Эта смена установок имела место несколько раз. Пожалуй, заметнее всего она сказалась уже в конце XVIII в. после Кучук-Кайнарджийского мира, когда в министерство Верженна французские торговые и политические круги очень заинтересовались возможностью использовать Херсон для сбыта французских товаров на юге России и в Крыму и когда прежняя непримиримо воинственная политика Шуазеля сменилась "миролюбивыми" тенден-

¹ Le sieur de La Vie. A St. Pétersbourg?, le 19 Juillet 1717. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. 233 — 234.

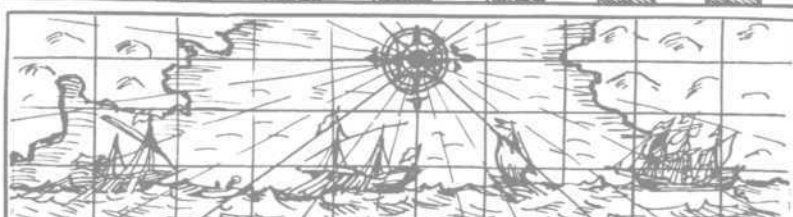

циями. Конечно, и воинственная и миролюбивая политика Франции на Леванте диктовалась лишь чисто тактическими соображениями, касавшимися французской торговли в странах, омываемых Черным морем, и в Архипелаге.

В петровскую эпоху мы видим то же самое: на турок надежда плоха, царь очень силен, Россия не сегодня-завтра опять завоюет Азов и, пожалуй, также и Крым; значит надо пытаться частично договориться с Петром, но именно лишь частично, не идя на опасный союз с державой, желающей в конце концов прорваться в Средиземное море.

Путешествие царя во Францию в 1717 г. сильно обеспокоило англичан. Они боялись, что Петр, убедившись в том, что от Англии он не получит помощи в проектируемой им высадке в Швеции, круто повернет руль русской политики в сторону союза с Францией, а это окажется очень опасным для Англии. Ведь царь, владея над Россией и распоряжаясь как хозяин в Польше и почти на всем южном побережье Балтийского моря, держит в своих руках страны, из которых Англия и Голландия получают материалы, нужные для кораблестроения¹. Из переговоров, которые вели англичане с русскими пред-

¹ "... he is at present in possession of the countries from whence we have our naval stores". John Norris and Ch. Whitworth to the right honourable earl of Sunderland. Amsterdam, the 10-th August n. st. 1717. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 407.

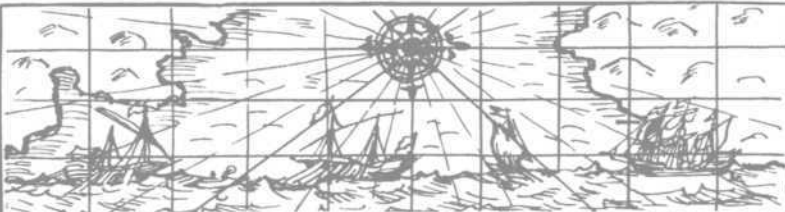

ставителями во время путешествия во Францию, ничего не выходило: Петр твердо требовал от англичан помощи флотом в нападении на шведские берега. Джон Норрис и Витворт со смущением передавали лорду Сандерленду слова Шафирова: "Он (Шафиров. — Е. Т.) говорит, что мы (англичане. — Е. Т.) даем им много прекрасных слов (many fair words), но не предлагаем ничего реального или существенного"¹.

Но не только англичане боялись теперь, когда русский флот вырос в серьезную силу, боялись слишком большого преобладания России на Балтийском море. Очень и очень беспокоились также старые союзники Петра — голландцы. Они боялись не Карла XII, союзника Франции, давно уже прекратившей поползновения на безопасность Голландии, а страшились линейных кораблей, стоявших в Петербурге и в Ревеле, заходивших в Ригу и Данциг, боялись многочисленных галер и большой русской армии, готовой сесть на эти галеры.

Правительство Голландии мечтало о скорейшем мире. "Штаты (Голландия. — Е. Т.) с каждым днем все более и более ревниво (jealous) относятся к увеличению могущества и к планам царя, и они обеспокоены продолжением северных смут, влияние которых они на себе очень

¹ John Norris and Ch. Whitworth to the earl of Sunderland. Amsterdam, 31-th August n. s. 1717. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 428.

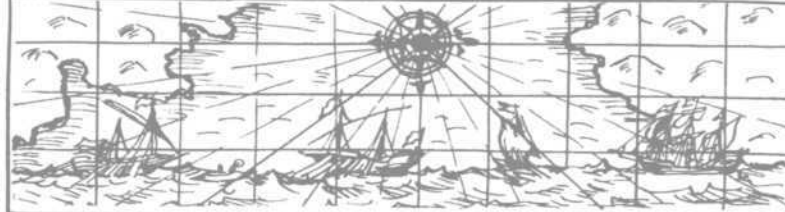

тяжело чувствуют", — доносили из Гааги английские представители Витворт и Кадоган лорду Сандерленду 13 (24) сентября 1717 г.¹

Поездка Петра во Францию, предпринятая с целью оторвать Францию от союза со Швецией и побудить ее к заключению мира с Россией, не привела к желанному результату, хотя с внешней стороны дело заключения договора между двумя державами и было доведено до благополучного конца. 13 августа 1717 г., уже не в Париже, а в Амстердаме, русские уполномоченные граф Головкин, барон Шафиров и князь Куракин, французский уполномоченный маркиз де Шатонеф и прусский уполномоченный барон фон-Кнингаузен подписали трактат, который, в сущности, никаких реальных обязательств ни на Францию, ни на Россию, ни на Пруссию не накладывал. Эти державы взаимно обязались "способствовать своими усилиями поддержанию общественного спокойствия, восстановленного Утрехтским и Баденским трактатами, а также теми трактатами, которые будут заключены при умиротворении Севера"². Так неопределенно формулировалась главная (вторая) статья договора в своей наиболее важной части.

¹ M. Cardogan and Ch. Whitworth to the right honourable earl of Sunderland. Hague, the 13-th (24-th) September 1717. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 440.

² *Négotiations entre la France et le Czar de la Grande Russie* Pierre I. 1715 — 1717. *Traite d'Amsterdam*. Сборник Русского Исторического общества, т. XXXIV, стр. XXXVI - XXXVII.

Петру не удалось, таким образом, ни оторвать Францию от союза со Швецией, ни отклонить ее от намечавшегося сближения с Англией.

Да и не могло быть иначе. Регент Филипп Орлеанский смотрел на дело так, что Швеция уже выбыла из числа первоклассных держав и никакой помощи Франции оказать не может. Значит, Франции надо выбирать, на кого опереться: на Англию, флот которой являлся серьезной угрозой для всех французских берегов, или на Россию, флот которой силен только на Балтийском море. Притом сближение с Англией сулило сохранить и Швецию в качестве самостоятельной державы, поскольку Англия явно не желала допустить полного покорения Швеции сухопутными и морскими силами царя.

После заключения этого нарочито бессодержательного договора Петру с каждым годом становилось все яснее, что и Франция, и Англия, и более скрытно Пруссия делают все возможное, чтобы без прямого объявления войны повредить русским интересам на Балтийском море.

Петр уже давно, по крайней мере с 1716 г., понимал, что по мере того, как будет увеличиваться русский Балтийский флот, будет расти тайная и тем более опасная вражда Англии, числящейся все еще в "союзниках". Одной из явственных причин, по которым он так торопился побудить сначала Карла XII, а потом (после смерти Карла XII в ноябре 1718 г.) аристократическую партию, правившую Швецией от имени Ульрики-Элеоноры, заключить мир, являлось именно постоянное беспокойство относительно намерений и происков англичан.

Тяготы бесперспективной разорительной войны заставили наконец стоковое правительство начать мирные переговоры. Это еще не было признанием русской победы и окончательным отказом шведов от южного берега Балтийского моря. Нет, прошло три с лишним года от начала переговоров на Аландских островах в мае 1718 г. до их завершения в Ништадте в августе 1721 г., пока Швеция примирилась, наконец, с тем, что ее великодержавие кончилось.

В мае 1718 г. на Аланде открылись переговоры о мире. Петр послал Остермана и Брюса, Карл XII — наиболее доверенное лицо — барона Герца и графа Гиллембурга. Эти переговоры не привели к результату, так как уступить навсегда России все южное побережье Балтийского моря шведский король не желал. Голландия, Дания и Англия не только не поддерживали мирные переговоры, но всячески желали им срыва. В Дании опасались, что Петр, заключив мир с Карлом XII, обяжется в виде компенсации за Ингрию, Ливонию, Эстонию, Выборг и Ригу помогать шведскому королю в захвате Норвегии. В Голландии боялись того, что русский флот перестанет церемониться с голландскими торговыми судами и что царь, не имея уже нужды в Голландии, начнет ей "диктовать законы" на

море. Позиция Англии в отношении русско-шведских мирных переговоров была явно враждебна русским интересам. Англичане грозили вступить в борьбу на стороне Швеции, чтобы заставить Петра отказаться от значительной части завоеванных территорий, но Петр остался непоколебим. Он полагался на свой флот, и эта уверенность его не подвела.

При помощи флота Петр, демонстративно производя все новые и новые высадки на шведских берегах, старался принудить шведское правительство к заключению выгодного для России мира.

Именно в 1718 — 1721 гг. русский народ в полной мере пожал плоды своих громадных жертв и усилий по созданию могущественного флота. Если Полтава надломила шведское великодержавие, то она вовсе еще не заставила Швецию признать невозможность сохранения бывших прибалтийских владений. Двенадцать лет борьбы последовало за великой сухопутной победой. А с 1718 г. когда обнаружилось, что путешествие Петра во Францию не изменило по сути дела прежней политики французского правительства, направленной к поддержке Швеции, и когда начались периодические, враждебные для России визиты адмирала Норриса с сильным британским флотом в Балтийское море, в Швеции воспрянули духом. Дипломата Герца отправили на эшафот за одну только высказанную мысль, что следует уступить Петру хоть малую часть фактически уже завоеванных им земель.

Вот тут-то русский флот и сыграл серьезнейшую роль. Петр не испугался англичан с их открытой враждой, французов — с их тайным недоброжелательством, датчан и голландцев — с их неискренней поддержкой "союзной" России и секретными переговорами со Швецией. Он смог остаться хладнокровным в эти решающие годы, когда, казалось, были поставлены под вопрос результаты Полтавы, плоды тяжелой многолетней борьбы за конечную победу на море над шведами. У Петра был флот, его любимое создание; все надежды он возложил на флот, и флот эти надежды оправдал.

Русский флот невозбранно гулял на просторах Балтики от Котлина и устья Невы до Ревеля, до Риги, до Данцига, до Штеттина, до Копенгагена, до Гельсингфорса, до Аландских островов, наконец до предместий Стокгольма. Дипломатия Петра делала уступки там, где интересы России не были прямо затронуты и где не Россия жертвовала. Петр потерпел присоединение Бремена и Вердена к ганноверскому курфюршеству, т. е. к владениям короля английского Георга I, он не противился присоединению части шведской Померании к Пруссии и части Шлезвига — к Дании, но из русских приобретений он не пожелал уступать и до конца войны не уступил решительно ничего сколько-нибудь существенного.

Ничто не могло отвлечь Петра от усиленной и ускоренной работы над дальнейшим укреплением флота. 15 июля 1718 г. был спущен на воду 90-пушечный корабль "Лесное" (в память

победы над шведами в 1708 г.) Иностранные представители отмечали, что в постройке нового корабля царь участвовал лично. Кроме "Лесного", в том же году были спущены на воду 70-пушечный корабль "Нептунус", прам "Олифант" и несколько галер.

16 июля 1718 г. русский флот вышел в плавание в таком могучем составе: 25 линейных кораблей, 3 фрегата и 2 бомбардирных судна. Экипаж этого флота составлял свыше 10000 чел., число орудий — 14361. И это были далеко не все морские вооруженные силы, которыми в тот момент располагал Петр на Балтийском море. Множество галер, полугалер и транспортных судов всяких размеров было наготове к перевозке десантов, к подвозу боезапаса и провианта.

Время было напряженное, шли переговоры на Аландских островах. Шведы не хотели мириться со своими поражениями, требовали возвращения Выборга, Лифляндии и Эстонии. Русские уполномоченные держались твердо. И они и их противники знали о могучей русской морской силе, готовой в любой момент нанести удар по столице Швеции — Стокгольму.

¹ Материалы для истории русского флота, ч. II СПб., 1865, стр. 293 — 294.

Многое могло грозить русским интересам во время Аландских переговоров. По Европе ходили слухи о том, то за спиной Петра готовится дипломатическая сделка, смысл которой состоит в том, чтобы известные услуги и уступки в пользу английского короля (он же курфюрст ганноверский) Георга I Англия вместе с Голландией потребовали от Петра возвращения шведам отвоеванных у них провинций. "Это может оказаться вероятным, — доносил французский представитель при Петре I своему правительству, — так как нельзя не признать, что англичане и голландцы ревниво относятся к нарождающемуся величию (*la grandeur naissante*) морских сил царя"¹.

Англию в течение всего 1718 г. заботило не столько "спокойствие империи" (т. е. конгломерата германских государств, объединявшихся чисто словесно под нелепым названием "священной Римской империи германской нации"), сколько присутствие русских войск в герцогстве

¹ Instructions for our trusty and wellbeloved sir John Norris, kn-t, our admiral and commander in chief of our fleet in the Baltic, whom we have appointed to go as our envoy extraordinary and plenipotentiary to our good brother the czar of Moscovy. Given at our court at Hampton — court the fourteenth day of October 1718, in the fifth year of our reign. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 449.

Мекленбургском, в польском городе Данциге и на его территории, которая являлась "границей империи". В инструкции, данной королем Георгом в середине октября 1718 г. отъезжавшему в Петербург английскому представителю адмиралу и командующему английским флотом на Балтийском море сэру Джону Норрису, говорилось, что если царь хочет хороших отношений с Англией, то он "без колебаний посодействует исполнению наших (т. е. британского кабинета. — Е. Т.) желаний и освободит герцогство Мекленбург, город и территорию Данцига от границы империи (германской. — Е. Т.) ото всех опасений, отведя свои войска из этих мест к своим собственным владениям"¹.

Самый факт посылки в Петербург в качестве полномочного посла командующего британскими морскими силами на Балтике уже было явной угрозой, тем более, то Норрис получил приказание не задерживаться у "доброго брата" короля Георга в Петербурге и, передав требования царю, ехать обратно к своему флоту. Заменил же его должен был (уже действительно в качестве постоянного посла в России) Джеймс Джеффрис.

¹ Instructions for our trusty and wellbeloved sir John Norris, kn-t, our admiral and commander in chief of our fleet in the Baltic, whom we have appointed to go as our envoy extraordinary and plenipotentiary to our good brother the czar of Moscovy. Given at our court at Hampton — court the fourteenth day of October 1718, in the fifth year of our reign. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 449.

Норрис, однако, в конце концов и не поехал в Россию, а Джеффрис снял копию с его инструкции и направился в Петербург. Прибыл он туда после трудного и очень долгого зимнего путешествия вечером 1 января 1719 г. К этому моменту Петр особенно крепко утвердился в следующем. Подвинуть дело мира возможно только одним путем: устрашить Швецию совместным нападением флота и армии на ее берега. Но русский флот ждет присоединения к нему английской эскадры — вот это на все лады повторял Шафиров англичанам в течение всего 1718 г., и этим он встретил Джеффриса в январе 1719 г.¹ А у англичанина был приготовлен ответ, решительно не удовлетворяющий Россию: да, конечно, очень важно поскорее установить мир и спокойствие на Севере, но зачем же думать о высадках и нападениях на Швецию, когда ведутся уже переговоры на Аландских островах между Россией и Швецией? Джеффрис с видом полной невинности говорил об аландских переговорах, из которых, как он знал, ничего пока не выходило, хотя уполномоченные обеих сторон сидели на Аланде уже несколько месяцев. Мало того, и Джеффрис и Шафиров хорошо знали о событии большой важности, происшедшем вечером 30 ноября 1718 г. в окопах под норвежской крепостью Фридрихсгалл, которую осаждал шведский король. Случайная пуля пробила навывлет голову

¹ James Jefferies to the right honourable Lord Stanhope. St. Petersburg, January, 9-th o. s. 1718 — 1719. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 459 — 467.

Карла XII. С его смертью рушились надежды (правда, крайне слабые), какие связывались в Европе с аландскими переговорами.

Когда при первом свидании Джеффриса с Шафировым оба собеседника делали вид, что им еще ничего точно неизвестно о смерти Карла XII и даже совсем ничего об этом событии не упоминалось, но все-таки Шафиров заявил Джеффрису, что на Аландских островах ни по одному вопросу не состоялось соглашения между русскими уполномоченными и бароном Герцом. Шафиров прибавил, что "этот барон ничего другого не делает, как только развлекает русских (did nothing but amuse them), всякий раз являясь с новыми и новыми предложениями". Но ведь Джеффрис узнал тотчас, что в Петербурге на самом деле признают смерть Карла фактом достоверным (they seem here to be sure of)¹, а значит, партия, стоявшая за продолжение войны, неминуемо должна была взять верх. Арест барона Герца, процесс и казнь его были первой заботой аристократии, возведшей на шведский престол сестру Карла Ульрику-Элеонору.

Следовательно, перспектива ближайших событий выяснилась окончательно: Россия будет продолжать войну, чтобы принудить Швецию заключить мир на условиях, предложенных Петром. Англия будет всеми мерами мешать русскому флоту и армии и помогать Швеции.

¹ James Jefferies to the right honourable Lord Stanhope. St. Petersburg, January, 9-th o. s. 1718 — 1719. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 462 — 463.

"Я считаю необходимым предупредить ваше превосходительство, что от здешнего двора не на что надеяться. Русские министры только и говорят, что о силе и могуществе их государя, и они в самом деле думают, что его царское величество уже ни в ком не нуждается и может никого не бояться", — писал Джеффрис лорду Стэнгопу 12 (23) января 1719 г. 1.

Для Петра было ясно, что англичане вредили, вредят и будут вредить успеху аландских переговоров, если преемница Карла XII Ульрика-Элеонора и ее окружение в самом деле захотят пойти на серьезные уступки в пользу России. Джеффрис сообщал, что царь даже и не скрывает своего раздражения против Англии по этому поводу. И за что? — скорбно вопрошает посол: — только за то, что Великобритания знает "обширные и опасные намерения царя" и не собирается им потворствовать.

Петр прямо говорил, что не чувствует никакого доверия к Англии, и решил добиваться своей цели собственными силами. Приготовление флота неустанно продолжались всю весну 1719 г., готовился поход против Швеции.

Английская дипломатия пришла в жестокое беспокойство. Становилось очевидным, что Швеция в своем поистине отчаянном положении пойдет на все уступки, чтобы спастись от страш-

¹ James Jefferies to the right honourable Lord Stanhope. St. Petersburg, le 12 Janvier 1719. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 467 — 468 (Письмо на французском языке).

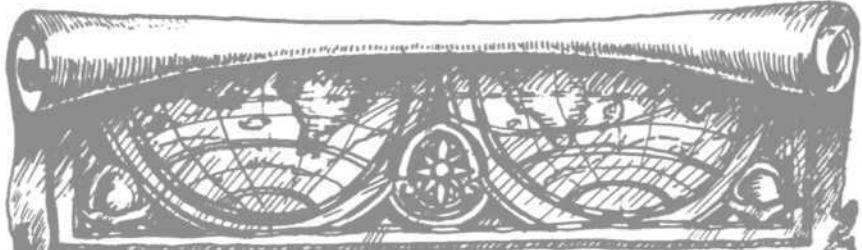
ного русского удара прямо в сердце страны. Этого как раз больше всего боялись англичане.

В изобретательной голове Джемса Джеффриса возникает любопытный план. Раньше, чем мы заставим говорить самого Джеффриса словами его архисекретнейшего донесения, напомним, что план принадлежит не какому-либо неофициальному полудипломату, полулазутчику, авантюристу и конфиденциальному исполнителю темных делишек, вроде позднейших агентов "Интеллидженс-Сервис" Требич-Линкольна или пресловутого Лоуренса, но официальному представителю и чрезвычайному послу его королевского величества Георга I, короля Великобритании и Ирландии и защитника веры христианской. И вот что докладывает этому защитнику веры христианской его верный слуга, отчаявшийся в средствах сорвать аландские переговоры: "Петербург, 16 (27) марта 1719 г. Царь и его министры так расположены к своему Аландскому конгрессу, что уже ничто не может отвратить их от продолжения этого конгресса. Мне сказали, что г. Остерман и г. Мардефельд посылаются на конгресс на этой неделе. Оба они уверены в успехе. Но если бы его величество (английский король. — Е. Т.) признал нужным прервать эти негоциации, то я подумал о проекте, который в случае достоюлжного его осуществления неминуемо прервет переговоры эффективно, по крайней мере, на некоторое время. Нужно не что иное, как только послать один или два фрегата к месту конгресса и силой увезти прочь шведского уполномоченного (and bring the

Swedish plenipotentiary away by force). Так как датчане состоят в открытой войне со Швецией-то, по моему мнению, датчане — именно те люди, которых наиболее удобно пустить в ход для исполнения этого дела". Джеффрис высчитывает, что для удачного результата это маленькое предприятие потребует не больше 600 "решительных людей". Предусмотрительный Джеффрис учитывает, что, похитив шведского уполномоченного, придется увозить его на английском корабле по Балтийскому морю, где господствует русский флот. Но он считает несложным делом справиться с этой опасностью: "Чтобы выполнить дело с большей безопасностью, судно (на котором будет находиться схваченный шведский уполномоченный. — Е. Т.) ...может прикрыться русским морским флагом (the vessel emploued for this service may make use of moscovite colours)". Исправность, предусмотрительность и оперативность Джеффриса не знают предела: он посылает при этом донесении на всякий случай описание русского флага "голубой эскадры", пользуясь которым, можно было изготовить подложный флаг. А "прекрасный план Аланда" тоже уже заблаговременно послан.

Воображение увлекает Джеффриса в еще более заманчивые дали. В самом деле: почему бы не похитить таким же способом еще и русских уполномоченных? Тогда-то уж совсем конец конгрессу! "Если его величество (король английский. — Е. Т.) сочтет нужным прервать эти переговоры и еще более эффективно, то московские уполномоченные также могут быть уве-

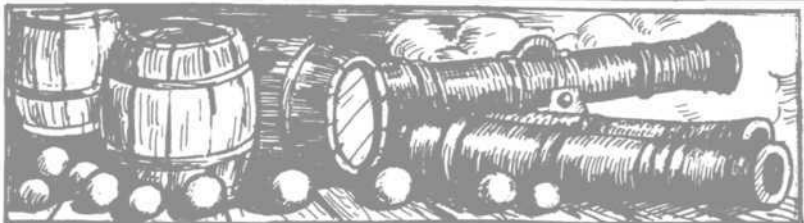

зены прочь и затем высажены на берег либо в Данциге, либо в Кенигсберге или в Риге", а уж в дальнейшем можно будет "изобрести какое-нибудь извинение (some excuse may be invented)". Перед шведами же даже и извиняться не стоит.

Джеффрис понимает, что предлагаемое им чисто разбойничье дело может все-таки возбудить какие-нибудь затруднения и сомнения со стороны лорда Стэнгопа и короля Георга I. И он подчеркивает, что в данном случае есть из-за чего руки марать: "Вы не можете себе представить, какое разочарование вызовет это предприятие (в противниках. — Е. Т.). Если его выполнить достоподобным образом (duely), оно подорвет все меры русских и в то же время даст случай его величеству (королю английскому. — Е. Т.) заключить мир со Швецией, потому что нужно будет выбирать более безопасное место для конгресса и других уполномоченных перед тем, как они соберутся, и это займет большую часть лета"¹. А там можно и шведов во многом успеть переубедить. Словом, нужно пойти решительно на все, вплоть до похищения уполномоченных и увоза их под чужим подложным флагом, лишь бы помешать русским заключить выгодный для них мир со шведами.

На выполнение бандитского плана посла его величества короля великобританского Джеффриса английское правительство пойти не отважилось.

¹ James Jeffries to the right honourable m. G. Tilson, esq. St. Petersburg, March 16-th o.s. 1719. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 506 - 509.

В английской политике в разные времена ее долгой истории не раз наступали такие моменты, когда уже становилось невозможным ограничиться выдвижением против врага сил других государств и было необходимо решиться бросить все ведущееся дипломатическое предприятие и пустить в ход свои собственные вооруженные силы. Летом 1719 г. такой момент еще не наступил.

Швеция еле держалась, Дания, Голштиния, Данциг и Мекленбург были в жестоком беспокоействе, даже в Пруссии Фридрих-Вильгельм I стал склоняться на уговоры и представления бывшего "друга" Петра голштинского дипломата Бассевича, Все они устремляли свои взоры на запад, к Зундам, все они ожидали на Балтийском море английского флота.

И хотя английский флот появился, но в 1719 г. он совершил только демонстрацию, частичную, слабую. Петр, правда, был раздражен и недоволен, но никакой растерянности (которую хотелось бы видеть в русском правительстве уже летом 1719 г. послу Джеффрису) не было. Петр отвечал на козни врагов рядом очень внушительных действий.

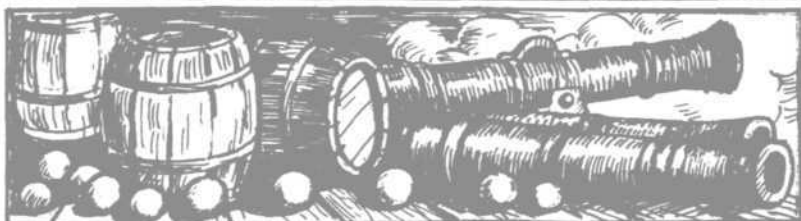
В мае 1719 г., после большой во всех отношениях эффективной морской разведки, со-

вершенной из Ревеля капитан-командором Фангофом, русскому военно-морскому командованию стало известно о выходе из порта Пиллау в море шведских военных кораблей. Для нападения на шведские корабли немедленно вышел из Ревеля в море капитан 2 ранга Наум Сенявин с шестью линейными кораблями и одной шнявой. Утром 24 мая Сенявин настиг шведскую эскадру и начал бой, закончившийся полной победой русского флота. Были захвачены линейный 52-пушечный корабль "Вахмейстер", 35-пушечный фрегат "Карлскронваген", 12-пушечная бригантина "Бернгардус". В плен попали 11 шведских офицеров и 376 нижних чинов, а кроме того, шведы потеряли около 50 чел. убитыми и 13 чел. ранеными. Русские потери в людях были ничтожны, материальные повреждения также невелики.

Такая удача произвела очень сильное впечатление в Швеции. Впечатление это было усилено многочисленными пленениями шведских купеческих судов и приводом их в Петербург. Действия русского флота чрезвычайно беспокоили Швецию и усиливали растерянность в стране.

9 июня 1719 г. вице-адмирал Петр Алексеевич Михайлов, он же царь всероссийский, вышел с состоявшей под его личной командой эскадрой от Котлина в Ревель, а Апраксин пошел с галерами к Гангуту. У Петра было 12 линейных кораблей, 2 прама, 2 бомбардирских судна, несколько шняв и бригантин. Когда котлинская эскадра 19 июня соединилась в Ревеле со

стоявшими там кораблями, то в распоряжении Петра оказался, кроме фрегата и бомбардирских судов, 21 линейный корабль, снабженный обильной артиллерией (1672 орудия) и большим экипажем — 10 711 чел.

Этого было достаточно не только для сравнительно безопасного крейсирования по Финскому и Ботническому заливам, но и для прикрытия десанта. Ведь с 19 линейными кораблями, которыми в этот момент располагали шведы, слишком рискованно было бы предпринять что-либо против русской эскадры.

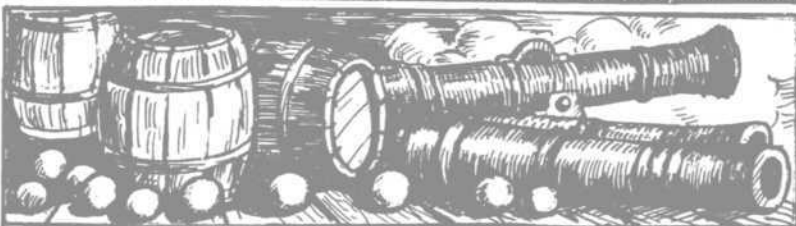
В конце июля 1719 г. английская эскадра вошла в Балтийское море. В Европе знали, что с отправкой этой эскадры у англичан дело обстояло не очень ладно. В парламенте и вне парламента многие читали, что не из-за чего разрывать отношения с Россией, которая вовсе Англии не угрожает, и что в посылке британской эскадры в Балтийское море заинтересован больше всего лично король Георг I в качестве курфюрста ганноверского, потому что Ганновер (как и другие северо-германские государства) боялся усиления русского флота и жил опасением внезапного появления русских кораблей и транспортов с войсками. Словом, полного единства настроений в Англии по этому вопросу не было, а потому адмиралу сэру Джону Норрису дали не очень многочисленную эскадру и снабдили его не очень решительными инструкциями.

Русскому командованию все-таки приходилось считаться с появлением эскадры Нор-

риса у датских берегов. Но боязни, как уже сказано, Петр не обнаружил. Русский корабельный и галерный флоты соединились у Гангута 26 июня и отсюда направились к Або, а затем к Аландским островам. 6 июля к о. Ламеланду прибыл громадный галерный флот в 232 вымпела, в числе которых было 132 большие галеры. Этот флот доставил 26000 чел. десантных войск. Там же появился 8 июля и линейный флот. Немедленно была предпринята разведка у самых берегов Швеции.

11 июля русские галеры под командованием Апраксина показались у Капельшера, приблизительно в 80 км от Стокгольма. Немедленно по всему берегу распространилась тревога. 12 июля Апраксин отправил генерал-майора Ласси с 21 галерой и 12 островскими лодками, на которые было посажено 3500 чел. десантных войск для действия на шведском берегу севернее Стокгольма, а сам Апраксин с остальным флотом двинулся на следующий день от Капельшера к Стокгольму и 15 июля занял остров, находящийся на полпути от Капельшера к Стокгольму. 24 июля галерный флот подошел к Ничепингу, а 30 июля — к Нордчепингу. Десантные войска высаживались на шведские берега в течение всего похода Апраксина. Русские уничтожали металлургические заводы и мастерские. Город Нордчепинг сгорел до основания, но его сожгли не русские, а шведы — при отступлении. Около этого несчастного города было 12 эскадронов шведской конницы, но шведы не приняли боя и

отошли. Русским досталось тут много меди и больше 300 готовых новых пушек.

Паника распространилась по стране. Правда, Петр велел Апраксину "людей не токмо не брать, но не грабить с них и ничем не досаждать, но внушать, что мы воюем для того, что сенат их (шведский. — Е. Т.) не склонен к миру" ¹. Однако жители убегали поголовно, опустевшие города и поселки горели.

Шведское правительство знало, что русские гребные суда находятся недалеко от Стокгольма, и королева Ульрика-Элеонора обратилась к Петру с просьбой о возобновлении фактически прерванных мирных переговоров и о прекращении впредь до мира военных действий.

Абсолютное отсутствие шведского флота в течение всего этого страшного для Швеции месяца, непонятная пассивность сухопутных войск, даже не пытавшихся защищать свою родину, — все это могло быть объяснено либо полнейшей моральной прострацией государства и безнадёжным истощением его сил в результате долговременных безумных военных авантур Карла XII, либо хитроумным стратегическим планом шведского командования, основанным на стремлении заманить русских в глубь страны и там их разгромить.

Англичанам, с большим беспокойством следившим за развитием событий, хотелось бы верить в это второе объяснение: "Царь, по моему

¹ [Ф. Веселаго.], Очерк русской морской истории, стр. 320.

крайнему разумению, во второй раз перешел Рубикон", — писал Джеффрис 22 июля 1719 г. в Лондон, когда до него дошли достоверные сведения о высадке русских войск в Швеции. Под первым Рубиконом Петра Джеффрис понимает Прут 1711 г. "По-видимому, он (Петр. — Е. Т.) поставил себя в необходимость или завоевать страну своего врага или потерять большую часть своей армии. Его величество (Петр. — Е. Т.) уже имеет перед собой два примера фатальных последствий, которыми сопровождались неудачные попытки в далеких странах: один пример — в лице покойного шведского короля, который потерял свою армию в Полтавской битве, и другой пример — в своем собственном лице, когда на реке Пруте только мошенничество великого ви-зиря спасло его от полной гибели"¹.

Но глубокомысленные исторические параллели Джемса Джеффриса и его прорицания оказались необоснованными.

Петр решил ограничиться достигнутыми успехами. Он вернул флот к Аландским островам и затем в Ревель и к Котлину, намереваясь нанести окончательный удар по Швеции в кампанию следующего, 1720, года, а до той поры, во-первых, продолжать дипломатические переговоры, о возобновлении которых просила Ульрика-Элеонора, а во-вторых — готовиться к грядущим действиям флота.

¹ James Jefferies to the right honourable m. secretary Craggs. Reval, July the 22-nd o. s. 1719. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 568 - 569.

Окружение Ульрики-Элеоноры переживало большую тревогу, и шведские руководящие круги терзались сомнениями. Идти ли на уступки требованиям Петра, высказывавшимся его уполномоченными на аландских совещаниях? Или поверить грядущей помощи со стороны британского флота? Кампания 1719 г. не могла внушить шведам особенно радужных надежд: прибытие в Балтийское море Джона Норриса не предупредило русских высадок и опустошения побережья Швеции.

Несомненно, что и английский кабинет знал, что следует предпринять гораздо более существенные меры как в военной, так и в дипломатической области, чтобы предупредить заключение выгодного для России мира.

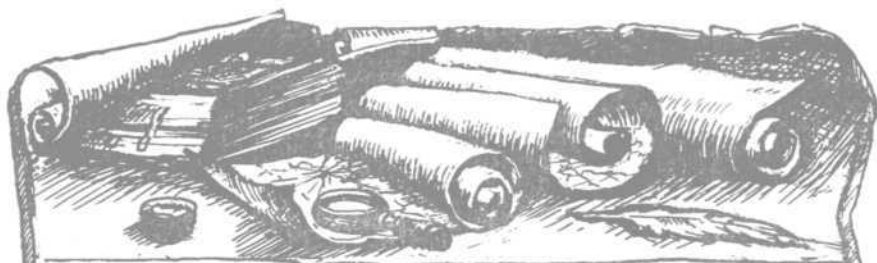
И вот конец 1719 г. принес неожиданное решение вопроса. Англия заключила не только мир, но и союз со Швецией, притом союз, всецело направленный против России. Началось с того, что в ноябре 1719 г. король Георг I в качестве курфюрста ганноверского заключил мир со Швецией, причем получил шведские владения (вернее, прежде числившиеся за Швецией) Бремен и Верден, уплатив при этом шведам миллион талеров. А спустя два с половиной месяца тот же Георг I в качестве короля англий-

ского подписал договор со Швецией о мире и союзе.

Такова была только увертюра к действиям "европейского концерта", как выражаются дипломаты.

Сразу же обнаружилось, до какой степени видимые "союзники" России успели к этому времени стать в связи с усилением русского флота ее врагами. Внезапное решение Англии приободрило всех этих "союзников", и они перестали стесняться. Первым за англичанами пошел прусский король Фридрих-Вильгельм I. Уплатив шведам два миллиона талеров, он получил Штеттин и часть Померании, которые уже давно были, по сути дела, номинальным шведским владением. Но вступить со Швецией в союз. Фридрих-Вильгельм все же побоялся. Почти одновременно и Дания подписала мир со Швецией. При этом шведы также уступили то, что уже фактически потеряли, т. е. Шлезвиг, но зато получили от датчан обещание вернуть им приморскую часть Померании, так называемую Нижнюю Померанию (Верхняя была отдана, как уже сказано, Пруссии).

В Стокгольме воспрянули духом, тем более что Австрия (император "священной Римской империи германской нации") тоже обнаруживала очень враждебные настроения относительно России, требуя от Петра участия в "конгрессе" в Брауншвейге, чтобы заставить его подписать мир со Швецией на абсолютно неприемлемых для Петра условиях. Волновалась и Польша,

осмелившаяся говорить об очищении Курляндии от русских войск и возвращении Курляндии в ленную зависимость от Польши.

"Проклятые обманщики!" — так выразился Петр в письме к Куракину, оценивая то, что происходило в политическом мире Европы весной 1720 г., и подсчитывая все новых и новых поднимавшихся против него врагов.

Но, понадеявшись на внезапный благоприятный оборот дипломатических дел, шведское правительство все-таки просчиталось. Шведы не приняли во внимание ни натуры Петра, ни силы народа, которым Петр управлял.

"Неполезного мира не учиним!" — с этим твердым решением Петр начал весной 1720 г. предпоследнюю кампанию двадцатилетней войны. А миром "полезным" он считал закрепление за Россией навсегда завоеванных прибалтийских берегов, хотя бы для этого пришлось воевать еще новых двадцать лет.

При существовании могучего Балтийского флота Петру не были опасны ни император "священной Римской империи германской нации", у которого никаких сил на Балтике не было, ни Фридрих-Вильгельм I, боявшийся царской мести за свой предательский мир со Швецией и крайне обрадованный тем, что Петр удовлетворился подписанием в Потсдаме (в феврале 1720 г.) договора о нейтралитете. У Фридриха-Вильгельма на Балтийском море тоже не было ничего, хотя бы отдаленно похожего на русские морские силы. Датский двор держал себя

гораздо более независимо и был доволен миром со Швецией, но ведь и речи не могло быть об активной помощи Швеции со стороны датчан, поскольку шведы не скрывали своих намерений завладеть датской Норвегией и рано или поздно выгнать вон датчан с полуострова.

Одним словом, Англия, если бы она ввязалась в войну против России, могла бы рассчитывать на помощь только потрепанного, ослабшего шведского флота.

Между тем к большому раздражению англичан, строительство новых кораблей в России безостановочно продолжалось в 1719 и 1720 гг. на всех балтийских верфях. Всячески желая затормозить рост могущества русского флота, британский посол в Петербурге Джеймс Джеффрис посоветовал своему правительству отозвать из России английских корабельных мастеров. В апреле 1719 г. Джеффрис писал лорду Стэнгопу: "Я позволю себе, ваше сиятельство, обратить ваше внимание на другой разряд лиц, пользующийся большой милостью у царя. Завистники даже дают им особенное насмешливое прозвище. Говорю о корабельных мастерах. Они, насколько могу судить, если долго останутся на службе царской, поставят царя хозяином Балтийского моря. Один из них недавно уверял меня, что, проживи царь еще года три, у него будет флот в сорок линейных кораблей, от семидесяти до девяноста пушек каждый, да двадцать фрегатов, от тридцати до сорока пушек каждый, построенных здесь и как нельзя лучше. Этих людей царь

ласкает особенно милостиво: жалование они получают большое, выплачивается оно аккуратно, они видятся с ним частным образом, их царь сажает за свой стол при самых многочисленных собраниях. ...Предоставляю вам, однако, судить — входит ли в интересы Великобритании быть зрительницею возрастающего могущества России, особенно на море — к тому же могущества, создаваемого руками английских подданных? Если позволите мне высказать свое мнение по этому поводу, скажу, что давно пора отозвать наших мастеров из царской службы. Здесь пять мастеров, кроме простых рабочих; все они британские подданные. Трое из мастеров признаются такими плотниками, что лучших в Англии не найдется, а так как я не сомневаюсь, что все они верные подданные короля и расположены к его правительству, не сомневаюсь, что они возвратятся домой, если им на родине предоставлено будет положение, сколько-нибудь вознаграждающее за то, что они потеряют здесь. Если в то же время издать строгий указ против всех английских подданных, которые не возвратятся, мастерам будет дан хороший повод оправдать свое поведение. Без такого указа им, ввиду всех милостей, которыми они осыпаны, трудно найти повод к отъезду, как бы они его ни искали. Надеюсь, вы извините мне смелость моих предположений; решаюсь на них единственно в уверенности, что они клонятся к выгоде Великобритании, и потому, что не знаю, какие бы еще пути могли быть найдены, чтобы воспрепятство-

вать утверждению царя на Балтийском море"¹. Конечно, Джеффрис очень преувеличивал значение английских кораблестроителей; русские мастера уже вышли на самостоятельную дорогу к этому времени.

В мае 1719 г. Джеффрис вновь настаивает перед своим правительством на необходимости отозвания английских корабельных мастеров из России. "Позволю себе еще раз обратить внимание ваше на сделанные мною предложения касательно английских корабельных мастеров, состоящих на царской службе, — писал он лорду Стэнгопу. — Со времени моего приезда они спустили один корабль в девяносто пушек, другой — в шестьдесят пушек будет готов на днях; затем, десять кораблей стоят на верфях, все они линейные, и большинство их должно быть готово в течение года. Кроме царя (у которого своя верфь, как и у прочих мастеров) и пяти англичан, здесь есть еще один мастер-француз, голландцев же ни одного, так как царь не любит их систему постройки; следовательно, если мы своих мастеров отзовем домой и будем наблюдать за тем, чтобы другие не являлись им на смену, постройка кораблей будет приостановлена; если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя, быть может, уже и поздно. Еще недавно царь открыто в обществе высказал, что его флот и флот Великобритании —

¹ James Jeffries to the honourable Lord Stanhope. St. Petersburg, April the 3rd o. s. 1719. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI. стр. 515 - 516.

два лучших флота в мире. Если он теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голланди, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучшим, чем наш? Короче — корабли строятся здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает все возможные меры к тому, чтобы приучить своих подданных к морю, чтобы создать из них моряков"¹.

Прошли и парламентское постановление, и указ лордов юстиции, призывающий английских корабельных мастеров возвратиться на родину, а результата от этого не получилось. Английские мастера по-прежнему строили корабли, распивали с царем (угощаясь у него или угощая его у себя) английский джин и русскую водку и не помышляли о том, чтобы бросить русскую службу. Вот как оправдывается Джеффрис перед начальством в безуспешности своих стараний:

"Я смиренно прошу их превосходительства (лордов юстиции. — Е. Т.) принять в соображение трудности, которые я встречаю со стороны корабельных строителей. Эти люди привезли с собой сюда все, что имели, и им нечего терять в Великобритании, так как у них там нет ни земли, ни другой недвижимой собственности. Они являсь в эту страну (Россию. — Е. Т.) со своими семьями искать благосостояния и в некоторых отношениях нашли его, так как их заработная плата значи-

¹ James Jeffries to the right honourable Lord Stanhope. St. Petersburg, May the 15th o. s. 1719. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 536 - 537.

тельна: двое из них получают ежегодно по 2000 рублей, а трое других по 800 рублей каждый, кроме случайных подарков или других выгод. Они пользуются таким почетом, на который нельзя было бы рассчитывать ни в какой другой стране, хотя бы они были знатными людьми, так как они окружены самым ласковым вниманием царя и, следовательно, всех высокопоставленных лиц государства. Они участвуют во всех царских развлечениях, а на празднествах сидят за его столом, в то время когда знатнейшие люди принуждены ждать стоя. Коротко говоря, царь ничем не пренебрегает, лишь бы привлечь их к себе и чтобы побудить их остаться на его службе на всю жизнь".

У Джеффриса и его начальников было над чем сокрушаться. Если всего шесть лет назад царь имел только 17 — 18 линейных кораблей, из которых часть была куплена за границей, а часть выстроена в Архангельске, то в 1719г. в Балтийском флоте насчитывалось, по сведениям Джеффриса, уже 27 или 28 линейных кораблей, из которых были построены в течение последних шести лет в Петербурге: "Гангут" (90-пушечный), "Лесное" (90-пушечный), "Александр" (78-пушечный), "Нептун" (70-пушечный), "Ревель" (70-пушечный), "Ингерманландия" (64-пушечный), "Москва" (64-пушечный), "Шлиссельбург" (64-пушечный), "Екатерина" (64-пушечный), "Виктория" (64-пушечный), "Полтава" (50-пушечный), фрегат "Илья" (32-пушечный), пинк "Александр" (20-пушечный). На верфях летом

1719 г. строились еще 10 линейных кораблей и ожидалось, что к весне 1720 г. семь будут готовы к военным действиям. "Едва только спускается на воду один корабль, как уже другой строится на верфи", — горевал Джеффрис. — Корабли строятся превосходно, не хуже, чем в любой европейской стране, материал Россия имеет прекрасный, корабельный лес так дешев, что что русский корабль обходился на 2/3 дешевле, чем корабль, выстроенный Англии для английского флота. Все это удручало английское сердце. А к тому же русские моряки очень быстро обучались своему делу, и были все основания полагать, что со временем они станут так же хороши, как и русские солдаты. Джеффрис снова и снова повторяет просьбу: пообещать англичанам, находящимся на службе в России, хотя бы половину того, что они сейчас получают, если они вернутся в Англию. Иначе хуже будет, ибо то, что английские мастера обучают русских кораблестроительному искусству, "приносит Англии убытки ежегодно в двадцать раз больше, чем все расходы на них со стороны царя"¹.

Ничего, однако, из всех этих происков не вышло. Самая кипучая работа шла летом, осенью, отчасти зимой 1719 г. и, наконец, весной 1720 г. на всех верфях. Продолжалась подготовка к нанесению окончательного удара Швеции. Джеффрису пришлось иметь по поводу попыток

¹ James Jeffries to the right honourable m. secretary Craggs. Reval, July the 16-th o.s. 1719. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 561 — 567.

английского правительства отозвать из России корабельных мастеров очень неприятное объяснение с Шафировым. Шафиров резко и ядовито напал на англичан, говоря, что король и его министры делают все от них зависящее, чтобы досаждают царю и мешать России строить флот. При этом он подчеркивал, что все эти происки ни к чему не приведут, ибо, во-первых, английским мастерам так хорошо в России, что они не захотят бросить работу, а во-вторых, английские власти опоздали со своими мерами: русские уже научились и сами строить корабли. Тут же, пользуясь, так сказать, случаем занимательной беседы, Шафиров сообщил Джеффрису, что русским прекрасно известны интриги, которые ведутся против России в Берлине Витвортом (бывшим британским послом сначала в Москве, потом в Гааге) и в Стокгольме голштинским дипломатом Бассевичем, тайно предлагающим Швеции вступить в оборонительный союз с Голштинией¹.

Против кого будет направлен такой союз, — говорить было не-зачем. Как и Дания, как и Мекленбург, как и Данциг, бывший на известных условиях в польском подданстве, Голштиния уже забыла о времени, когда она боялась Карла XII. Теперь русский флот, владыка Балтийского моря, наводил страх на прибрежные государства.

Словом, карты были выложены на стол. Если не английская, то русская сторона дала положению

¹ James Jeffries to the right honourable m. secretary Craggs. St. Petersburg, May the 29-th o.s. 1719. Сборник Русского Исторического общества, т. LXI, стр. 537 — 539.

дел откровенную оценку: Англия — мнимый союзник и действительный противник России; Дания — тоже мнимый союзник и, может быть, завтра под влиянием англичан перейдет во враждебный стан; такова же позиция и Голштинии; Швеция колеблется, боится десанта, боится блокады и все-таки не решается признать двадцатилетнюю борьбу окончательно проигранной. А следовательно, не такое сейчас время, чтобы отпускать искусных корабельных мастеров с русских верфей и замедлять кораблестроение. Все это, по существу, Шафилов и высказал Джеффрису.

Балтийский флот продолжал безостановочно расти. Англичане определенно начинали бояться его и в секретной корреспонденции уже не скрывали этого.

Петра возмущало не только быстрое превращение Англии из союзной с Россией державы в опасного неприятеля, но и вызывающий тон, который усвоили себе английские дипломаты, а особенно флотоводцы, в сношениях с русскими.

Царь просто приказал не только принимать от англичан деловых бумаг, написанных слишком уж нагло. "Ныне на Аланд к нашим министрам прислали англичане посол (sic!), который в Швеции, и Норрис ко мне письма по обычаю их варварской гордости с угрозами (пишет. — Е. Т.), с которых наши министры просили копии, и когда получили и видя такую мерзость не приняли", — сообщает царь князю Борису Куракину 20 сентября 1719 г. и прибавляет нечто

уже по существу дела: "Того ради накрепко можешь обнадежить, что мы ни на какие их угрозы не посмотрим и бесполезного миру не учиним, но, что бы ни было, будем продолжать войну, возлагая надежду на правосудца бога против таких проклятых обманщиков!".

Петр был раздражен этой умышленной медлительностью шведского правительства, этим явным сговором с англичанами, этим поджиданием прихода большой английской эскадры и ее чаемым внезапным нападением на русский флот.

Он решил пустить в ход самые крайние меры. "Я пошлю сорок тысяч вооруженных уполномоченных, которые подкрепят то, что говорится на Аланде", — так передавали слова Петра весной и летом 1719 г. Решено было напасть непосредственно на берега Швеции и военной экзекуцией побудить стокгольмское правительство ускорить подписание мира. Двенадцать линейных судов и большой галерный флот собраны были к середине лета у Лемланда (недалеко от Аландской группы островов). Царь предупредил королеву Ульрику-Элеонору о предстоящем и заявил, что как только глава эскадры, предназначенной к нападению на шведские берега, адмирал Апраксин получит от Остермана, отправляемого одновременно в Стокгольм, известие, что королева приняла условия мира, — военные действия прекратятся.

10 (21) июля и в ближайшие дни 1719 г. Апраксин произвел высадку русских войск в

¹ Архив князя Куракина, кн. I. СПб., 1890, стр. 11.

разных пунктах побережья. Шведы оказались бессильны и предупредить высадку, и защитить города и деревни. Были отчасти сожжены, отчасти разорены шесть городов, много больших деревень, железоделательных заводов, были подожжены на громадном пространстве густые леса. Полуго- лодная, обнищавшая, утратившая и прежнюю дисциплину, и бывшее чувство уверенности в себе шведская армия была к тому же раздроблена: часть ее должна была отбиваться от датчан на западе, т. е. на другом конце государства. Русские действовали совершенно свободно. В тех редких случаях, когда предвиделся подход сколько-ни- будь значительного шведского отряда, высажен- ные войска свободно садились на свои суда, и флот Апраксина доставлял их в другое место. В Стокгольме царил страшная паника, молили англичан о скорейшей помощи, но адмирал Норрис "спешил" весьма медленно, а когда пришел, то воздержался от сближения с русским флотом и вскоре ушел восвояси.

Прибрежные жители спасались бегством и лишь крайне редко оказывали сопротивление. Террор, наведенной русской высадкой на все восточное побережье Швеции, был так велик, что крестьянство Великоболандского округа явилось к русским, занявшим развалины сожженного Нордчепинга, и подало письменное коллектив- ное прошение, чтобы их приняли в русское подданство. Прямое нападение грозило уже непосредственно Стокгольму.

Королева просила Остермана передать Пет- ру о ее желании возобновить мирные перего- воры. Апраксину велено было приступить к свертыванию экспедиции, и русские войска покинули Швецию согласно обещанию Петра.

И старые и новые шведские, немецкие, английские историки с большим чувством порицают "варварский" характер этой и следую- щих двух экспедиций, говоря о разорении иму- щества жителей, сожжении деревень, городов, лесов и т. д. Но и они не осмеливаются писать об убийстве людей, потому что русским войскам строго воспрещено было убивать. Эти суровые проповедники морали ни единым звуком не поминают о том ужасающем, систематическом истреблении русского населения, безоружных крестьян и горожан, о тех беспощадных разбоях, которым предавались шведские войска с полного благословения Карла XII и фельдмаршала Рен- шильда в 1708 — 1709 гг., во время нашествия на Белоруссию и Украину.

Летом 1720 г. Петр считал полезным произвести вторую демонстрацию. Русский шхерный флот под прикрытием галер высадил в Вестерботнии, у гор. Умеа, войска, которые сожгли город и верну- лись вскоре обратно, в занятую русскими Фин- ляндию. Но и этого оказалось недостаточно. 17 мая 1721 г. русский флот показался у Гефле и начал затем высаживать отряды на берегу от Гефле до сожженной в предшествующем году Умеа. Опять в Балтийском море, как и в 1719 г.,

как и в 1720 г., крейсировал Норрис и опять никакой помощи шведам оказать не решился.

Изверившись в английской помощи, поняв, конечно, что британский кабинет шутит с ним плохую шутку и что подстрекает Швецию к совсем уж бесцельному, ужасающему по своим последствиям, продолжению безнадежно проигранной на суше и на море войны, — шведское правительство пошло на все требования Петра.

Но еще раньше, чем был подписан мир, Петр решил издать давно жданный флотом морской устав.

15

В своем указе от 13 января 1720 г. по поводу издания Морского устава Петр написал: "Всякий потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет. А который и флот имеет, обе руки имеет".

Когда же и было Петру окончательно удостовериться в истинности этого положения, как не в те решающие последние годы Северной войны, когда русский флот все чаще и чаще стал высаживать десанты на шведских берегах и не позволил британскому адмиралу, пришедшему в Балтийское море с эскадрой, подать помощь погибающей Швеции? Когда же и было, как не в этот момент, особенно почувствовать колоссальное значение "второй руки", видя, что даже страшнейший удар, нанесенный под Полтавой "первой рукой", не лишил шведов возможности еще одиннадцать лет упорствовать и продолжать борьбу?

Поистине огромно было влияние русского Балтийского флота на исход Северной войны. Самый факт существования новых и уже значительных морских вооруженных сил круто менял традиционную картину русско-шведского спора. Но ведь этот флот не стоял на месте, он непрерывно вел боевые действия. Флот помог армии завоевать Финляндию, он победил шведов у Гангута и

Эзеля, уничтожил много металлургических заводов на берегах Швеции, и можно было ждать, что он произведет громадную высадку около Стокгольма.

Англичан уже не удивляло, а раздражало и пугало новое поведение Петра, новый язык русской дипломатии при объяснениях с ними.

Когда адмирал Норрис в 1720 г. снова вошел в Балтийское море, Петр послал ему формальный вопрос (хотя Норрис еще находился только у датских берегов): зачем он появился, не затем ли, чтобы вредить русским интересам? И Норрис смиренно ответил, что у него нет никаких инструкций такого рода.

Читая документы, относящиеся к очень раздраженным перекорам между английским правительством и Петром в последние годы перед Ништадтским миром, исследователь простоне может подавить чувство удивления, хотя бы даже он, приступая к этим документам, отлично знал основную фактическую ткань этого периода. Нужно, в самом деле, вчитаться в тяжеловесную, многословную (типичную в этом отношении для начала и середины XVIII века) корреспонденцию, которую вел с английской стороны Стэнгоп и подписывал Георг I, с русской стороны великие Велеселовский, Шафиров и другие, а вдохновлял и подписывал Петр, чтобы постигнуть всю невероятную перемену, которую пережила Россия за немногие годы и благодаря которой, русский царь мог теперь диктовать свою волю Дании, Бранденбургу, Голландии, всем прибрежным державам Балтики и готовился принять капитуляцию Швеции.

Взросшие вес и значимость русского флота определялись наличием не только многочисленных и сильных линейных кораблей, но и огромного количества различных гребных судов, которые готовы были по первому мановению Петра перебросить его грозные полки в Данию, в Швецию, в Кольберг.

Но Петр не бравировал. Напротив, он решил быть очень осторожным с англичанами, которые все-таки могли России навредить, пока мир со Швецией не был подписан.

В рукописном сборнике писем Петра к Апраксину мы находим письмо (от 31 марта 1720 г.), в котором говорится по поводу инструкции адмирала об осмотре иностранных судов, останавливаемых на море русским флотом: "...написано, что все корабли иностранные кроме галанских и французских осматривать, а об аглинских не упомянуто и когда будут их осматривать, то более причин подадут переругнями к ссоре, чего министры их ищут, что весьма остановить надобно. Так кажется, что ныне лучше не брать, кроме Швеции..." Царь знал, что англичане будут придирааться, и он не хотел дать им никаких поводов, а почему — это он объясняет Апраксину дальше: "дабы сие лето посмотреть, куды обратятся дела, понеже чаем быть в Европе великим переменам".

Из Красного Знамени Публ.
— инв. Рукописное отделение

27 июля 1720 г. князь Голицын напал у о. Гренгам на шведскую эскадру. Шведы защищались очень храбро и настойчиво, но были разбиты. Русские захватили четыре фрегата и взяли в плен 407 чел. У шведов было убито 103 чел., у русских убито 82 чел. и ранено 246 чел. Шведская артиллерия на этот раз действовала искусно и вывела из строя много русских галер, но все-таки лишь бегство спасло шведскую эскадру от полного уничтожения. Петра больше всего восхищало, что под Гренгамом русский флот доказал, что он может топить и брать в плен шведские суда, невзирая на присутствие в Балтийском море могущественной английской эскадры Норриса. А ведь Норрис пришел в 1720 году с 18 линейными кораблями, тремя фрегатами и другими судами. Говоря о беспрепятственном разорении шведских берегов русским флотом и о Гренгамской победе, царь с иронией но адресу англичан писал Меншикову: "Правда не малая виктория может причесться, а наипаче, что при очах английских, которые равно шведов обороняли, как их земли, так и флот" ¹.

"При очах английских"... Английским очам предстояло увидеть в 1721 г. еще более печальное зрелище: полное крушение всей их политики на Балтийском море, упорно проводившейся в течение: последних лет Северной войны.

¹ [Ф. Веселаго], Очерк русской морской истории, стр. 340.

В апреле 1721 г. в финляндском городе Ништадте возобновились мирные переговоры между Россией и Швецией. От имени шведского короля Фридриха, вступившего на престол в 1720 г., после отречения Ульрики-Элеоноры, в Ништадте действовали граф Иоганн Лилиенштед и Отто Рейнгольд Стремфельд, а от имени царя — граф Я. Брюс и А. Остерман. Но еще раньше, чем уполномоченные съехались в Ништадт, король шведский просил французского посла в Стокгольме Кампредона съездить в Петербург и позондировать почву: нельзя ли что-то выторговать у царя? Поездка Кампредона не увенчалась успехом. Петр не уступал ни Выборга, ни Кексгольма, а также ничего решительно из своих эстонских и ливонских завоеваний (об Ингрии и Карелии Кампредон, конечно, и речи не заводил).

Когда в Ништадте открылись официальные переговоры, то сразу же сказалось стремление Фридриха и его уполномоченных затянуть эти переговоры. Повторялись неоднократные попытки убедить Остермана и Брюса, что следует заключить мир пока временный, прелиминарный, а уж потом с божией помощью и окончательный. Но Петр знал, что Фридрих надеется не столько на божью, сколько на английскую помощь, и остался непреклонным. Шведы упорствовали, и пришлось пустить в ход реальную угрозу, чтобы

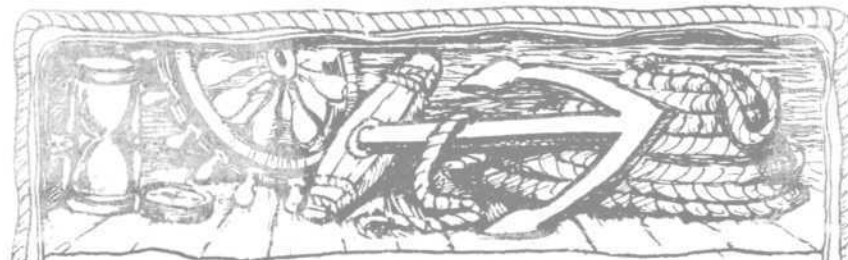

покончить с проволочками. Петр решил произвести новое нападение на стокгольмские шхеры галерным флотом (171 галера и 4 бригантины) под прикрытием линейных кораблей. Однако появление в конце апреля 1721 г. Норриса с эскадрой в составе 29 кораблей и последовавшее вскоре присоединение к Норрису шведского флота (11 кораблей, 3 фрегата и брандер) заставили все же Петра отказаться от прямого нападения на стокгольмские шхеры. Зато в другом месте (между городами Гефле и Питео) высадка войск под начальством генерал-лейтенанта Ласси была в середине мая 1721 г. произведена. Шведы были разбиты, а береговые селения разорены, 13 заводов ("железных", из них один оружейный) сожжены дотла. Сожжено было также более 40 торговых судов, а кроме того, забрана некоторая военная добыча. Снова паника охватила страну.

В Англии очень хорошо знали о громадном русском линейном флоте, который находился весной 1721 г. у Котлина и в Ревеле и состоял из 27 линейных кораблей, 12 фрегатов и шняв, 3 бомбардирских кораблей, имевших в общей сложности 2128 орудий и 16 120 чел. команды.

Дать по своей инициативе бой Норрису Петр не решался, предпочитая выжидать, но и Норрис тоже не решался вступить в сражение с русским флотом, и это окончательно определило судьбу Швеции, ускорив заключение тяжелого для нее мира.

30 августа 1721 г. мирный договор между Россией и Швецией был, наконец, подписан. По договору шведский король уступал "за себя и

своих потомков и наследников швейского престола и королевство Швейское его царскому величеству и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное и непрекословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез его царского величества оружие от короны швейской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгскою лена, который ниже сего в артикуле разграничения означен, и описан с городами и крепостями: Ригию, Дюнаминдом, Перкавою, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом, и всеми прочими к помянутым провинциям подлежащими городами, крепостями, гавенями, местами, дистриктами, берегами, с островами: Эзель, Даго и Меном и всеми другими от курляндской границы по Лифляндским, Эстляндским и Ингерманландским берегам и на стороне оста от Ревеля в фарватере и Выборгу на стороне зюйда и оста лежащими островами со всеми так на сих островах, как в вышепомянутых провинциях, городах и местах обретающимися жителями и поселениями...».

К мирному договору был прибавлен «артикул сепаратный», по которому Россия соглашалась уплатить Швеции в четыре срока в течение ближайших двух лет 2 млн. ефимков. В «артикуле», конечно, не упоминалось, что на эту уступку шведскому самолюбию Пётр пошёл как бы в виде частичной уплаты за потери Швецией Лиф -

ляндии, Эстляндии, Ингерманландии и Выборгского округа, чтобы дело имело вид "добровольной" сделки.

Английский кабинет отдавал себе отчет в понесенном им тяжком дипломатическом поражении. Годами англичане делали все возможное, чтобы отсрочить заключение русско-шведского мира и воспрепятствовать окончательному закреплению России на берегах Балтики. Но теперь, в 1721 г., дальнейшая отсрочка могла лишь вконец погубить Швецию, и министр лорд Таунсэнд принужден был 27 г. июля инструктировать адмирала Норриса: пусть "шведы поскорее подчинятся каким угодно условиям, чем продолжать войну, которая может кончиться не чем иным, как полной гибелью шведского короля и королевства (the king and kingdom of Sweden's entire destruction)".

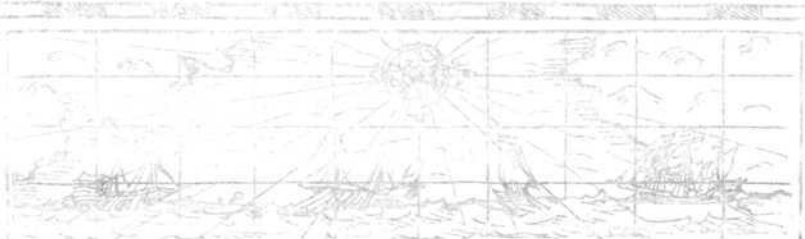
Таким образом, не только Швеция расписалась в Ништадте в своей конечной неудаче. Главный представитель крайне враждебной в те годы к России английской политики, король Георг I тоже "потерпел ужасное поражение" (suffered dire defeat), как принужден с прискорбием признать относительно результатов Ништадтского мира для Великобритании новейший английский историк Чэнс, посвятивший политике Георга I в Северной войне большую специальную монографию¹.

¹ James Fr. Chance, George I and the Northern War. p. 487.

В Петербурге, на Неве, на Котлине, в завоеванных городах Балтийского побережья шли празднества в ознаменование победы. "Генерал-адмирал, все флагманы и министры просили государя, во знак всех понесенных его величеством в сей войне трудов, принять чин адмирала Красного флага, что государь с удовольствием и принял", — читаем в собранном в конце XVIII столетия сборнике преданий и рассказов о Петре 1. В счастливейшие дни своей жизни, когда был подписан победоносный мир со Швецией после двадцатилетней опасной и кровопролитной войны, Петр отметил принятием этого военно-морского чина ту огромную роль в победе России, которую сыграл созданный им флот.

¹ Дух Петра Великого, императора всероссийского, и соперника его Карла XII, короля шведского. СПб., 1798, стр. 197.

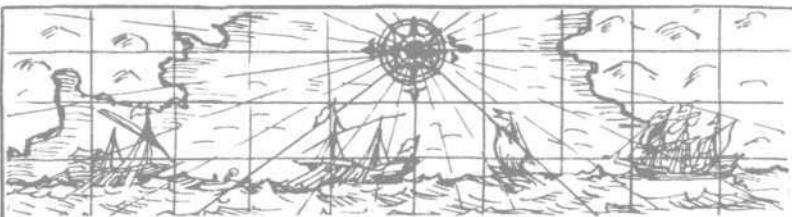

И после заключения Ништадтского мира в России продолжалось кораблестроение. Балтийский флот получал новые и новые пополнения. Корабли ходили в плавания, исправно проводилось обучение экипажей. Иностранцы, приглядывавшиеся к русскому флоту, удивлялись качествам русским кораблей. Флот, как пишет Берггольц, осматривавший его 5 октября 1723 года, "состояли из двадцати с лишком линейных кораблей, которые все за исключением двух или трёх, никак не старше 8 и 9 лет. Офицеры уверяли, что они так превосходно сделаны, как нигде в свете, что такого корабля "Екатерина" (на котором в нынешнем году плавал император), если рассматривать его со стороны устройства и красоты даже нет ни в Англии, ни в других государствах". Ещё в предпоследний год войны вышел знаменитый петровский морской регламент, по правилам которого в течение ряда поколений жил русский флот. На титульном его листе было написано: "Книга устав морской о всём, что касается доброму управлению в бытности флота на море. Напечатан повелением царского величества в Санкт-Петербургской типографии, ле -

та господня 1720, апреля в 13 день". Печатался он ровно четыре месяца.

Тексту регламента предшествует "Предисловие к доброхотному читателю" и указ от января того же 1720 г. Указ очень характерен "Учиня устав воинской сухопутной, — говорится в указе, — ныне с помощью божиею приступаем к морскому, которое такоже прежде сего начинаемо было. А именно, при блаженной и вечнодостойной памяти его величества государя отца нашего, для мореплавания на Каспийском море. Но тогда, чего ради тому не исполнится, и на нас сие бремя, воля вышнего правителя возложить изволила. Оное оставляем непостижимым судьбам его, И понеже сие дело необходимо нужное есть государству (по оной присловице: что всякой потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет. А который и флот имеет, обе руки имеет) того ради сей воинской морской устав учиняли, дабы всякой знал свою должность, и неведением никто не отговаривался. Которое выбрано из пяти морских регламентов, и к тому довольную часть прибавили что потребно. Еже все чрез собственный наш труд учинено и совершено в Санкт-Петербурге, 1720 году, генваря в 13 день".

Великолепный фолиант, напечатанный крупным шрифтом на плотной бумаге, представляет собой свод законоположений, регулирующих жизнь на корабле и на суше, поскольку деятельность служебных лиц на суше относится к морскому делу. Много внимания посвящено правилам, относящимся к поведению служащих

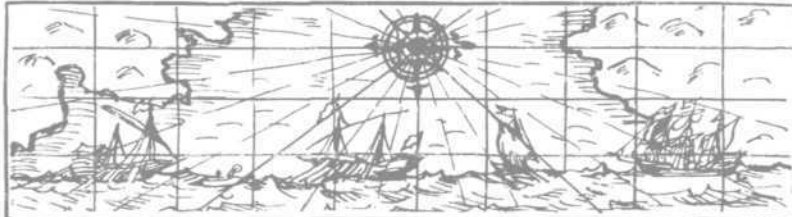

на корабле людей во время боя. Устав грозит суровыми наказаниями ослушникам. Он очень точен и дает в ряде случаев самые детальные инструкции.

На Балтийском море постепенно водворялось спокойствие. Торговые сношения приходили в норму.

Завоевательных целей, направленных против Швеции, у Петра после Ништадтского мира не было. Это доказывается не только тем, что, имея полную возможность отодвинуть далеко к северу границы русских владений в Финляндии, Петр этого и не думал делать, но также тем, что большой и сильный русский флот, которого очень страшился шведский король и его приближенные, старательно избегал каких-либо посягновений на неприкосновенность берегов и территориальных вод Швеции. Финский залив, правда, фактически находился в руках России, но залив Ботнический со своими Аландскими и другими островами, шхерами, водами считался владениями шведской короны, суверенные права которой Петр после 1721 г. старался щепетильно соблюдать.

К началу октября 1723 г. были заложены обширнейшие укрепления, которые предназначались для того, чтобы сделать о. Котлин неприступным. Тогда же последовало и переименование крепости в Кронштадт. Вот что пишет Берхгольц, присутствовавший при церемонии 7 октября 1723 г.: "Новое укрепление, как говорят, будет состоять из многих бастионов, которые назначено протянуть во всю длину ост-

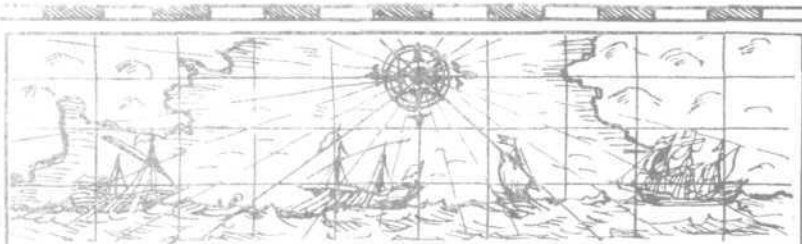
рова, от верхнего конца берега до нижнего, для защиты всего города и гавани со стороны Карелии; им же будет заключаться и большой новый канал, идущий из гавани внутрь острова и служащий для удобнейшего поведения больших кораблей, нуждающихся в починке, к докам, которые устроены с одной его стороны. Когда окончилась первоначальная закладка, сопровождаемая 21-м пушечным выстрелом с форта Кронслота (Кроншлота. — Е. Т.), не только новое укрепление, но и самый город получил название Кронштадта, тогда как прежде этого город назывался только по имени форта Кронслота, или по имени острова, на котором находится (Котлина. — Е. Т.)¹.

Блестящие победы России в Северной войне, наличие первоклассной армии и мощного флота начинало создавать вокруг России ореол непобедимости в глазах не только ее очень немногих друзей, но и многочисленных врагов. Сирил Уич (Wich), английский резидент в Гамбурге, доносил в мае 1721 г. о настроениях прибалтийских государств: "Люди до такой степени убеждены в великом могуществе царя, что боятся его повсюду"².

Французский посол Кампредон, характеризуя положение России в последние 1,5 — 2 года жизни Петра, писал королю Людовику XV о царе: "Он выполнял обязанности барабанщика и плотника и постепенно, переходя из чина в чин,

¹ Дневник Ф. В. Берхгольца, часть III, слр. J61.

² James Fr. Chance, George I and the Northern War, p. 473.

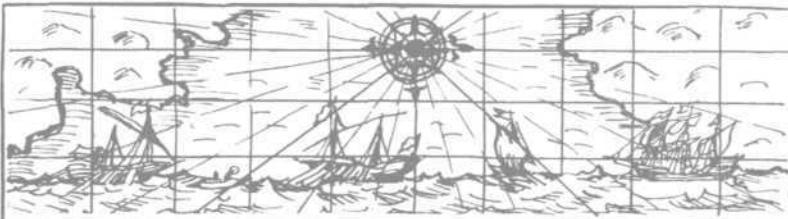
дошел до звания генерала и адмирала, соблюдая во всякой должности с самой крайней точностью повиновение и субординацию по отношению к. высшим начальникам и дисциплине. Таким образом с непостижимым трудом и терпением ему удалось образовать хороших сухопутных и морских офицеров, превосходных солдат, более чем сотысячную регулярную армию, флот из 60 кораблей, из которых 20-линейные, причем ежегодно он увеличивает свой флот ста пятьюдесятью галерами. Уже видели, как с этими судами он пересекал Балтийское море и был способен в очень короткое время перевезти значительную армию во владения своих соседей. Я говорю: в очень короткое время, так как непостижимо, с какой быстротой тут исполняются подобные намерения"¹.

Кампредон, как и другие иностранные наблюдатели именно наличию большого военного флота придает решающее значение в укреплении громадного влияния России на дела Европы вообще и Северной Германии, Дании, Голландии, — в частности. Кампредон отмечал, что в Петре проявился "великолепный гений, подкрепляемый зрелыми размышлениями ясного проникновенного рассудка, чудодейственной памятью и храбростью", и что в то же время "он одарен необычайной осторожностью" (*d'une prudence consommée*). Все эти качества сделали Петра

"Величайшим обладателем земель во всей Европе и самым могущественным государем Севера". Итак, "Россия, едва известная некогда по имени, теперь сделалась предметом внимания большинства стран Европы, которые ищут её дружбы, или боясь её враждебного отношения к их интересам или надеясь на выгоды от союза с ней"¹.

У царя, по сведениям того же прекрасно информированного посла Кампредона, имеется в распоряжении минимально 115-118 тысяч регулярных войск, не считая казаков, киргизов, калмыков и т.д., а также могущественный военный флот. "При первой лишь демонстрации со стороны его (Петра. - Е.Т.) флота, при первом движении его войск ни Швеция, ни Дания, ни Пруссия, ни Польша не посмеют пошевелиться (*branler*)", — пишет посол Кампредон в Париж 9 января 1724 г. и прибавляет, что хорошо бы расширить торговлю с Россией, потому что царь — "Единственный монарх на Севере, который в состоянии заставить уважать свой флаг".

Когда в конце 1723 г. скончался регент Франции Филлип Орлеанский, то граф де Мовиль, временно управляющий ведомством иностранных дел, спешит уведомить посла в Петербурге, что смерть регента несколько не

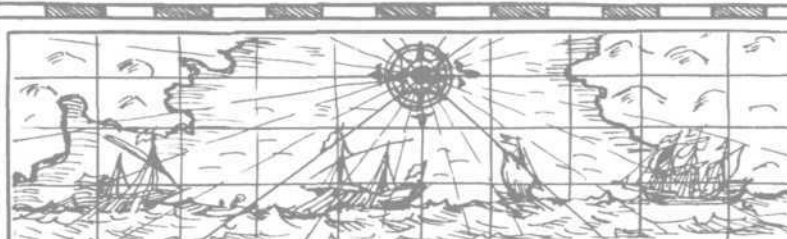

меняет намерения Франции вступить в тесный союз с царем (*former d'etroites liaisons avec le czar*). Из Франции приезжает для торговых переговоров Дешаррье, и переговоры завершаются успехом. Уезжая, Дешаррье увозит с собой посылаемых Петром во Францию двух молодых кораблестроителей для усовершенствования в корабельном деле. Этот Дешаррье изучал некоторые производства в России и пришел к заключению, что, например, "и пушечный, и ружейный порох в России гораздо лучшего качества, чем французский". Мало того, так как во Франции признано было необходимым спешно увеличить королевский военный флот, то, по совету Кампредона, французское правительство хотело купить у России линейный 92-пушечный корабль, но цена (92 000 рублей, или 713 тыс. ливров) показалась слишком высокой¹. Самая мысль, что Франция, старая морская держава, желает покупать линейные корабли у России, могла бы еще, например, в 1715 г. показаться фантастической.

Повелитель большого флота и большой армии Петр I мог могущественно влиять на все прибалтийские государства, даже не прибегая к явным дипломатическим угрозам.

Поглядим, что делалось в Северной Европе, например, в июне и июле 1723 г. Шведский

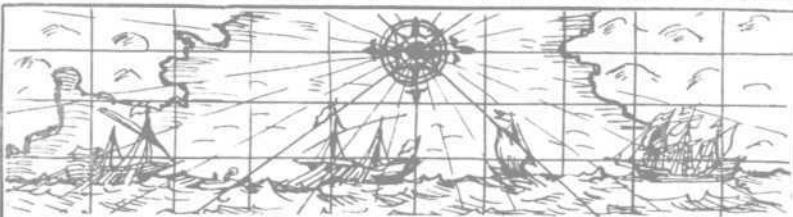
¹ M. de Campredon au comte de Morville. Petersbourg, le 9 Janvier 1724. Сборник Русского Исторического общества, т. LII СПб., 1886, стр. 157 - 158.

король в тревоге ("его положение печально"), датский король трепещет и обращается к Англии с просьбами о защите. В Мекленбурге теряют голову, не знают, как побудить "священную Римскую империю" вступить в случае нужды. Данцигские купцы тоже боятся русской высадки. Из-за чего же происходит переполох? Правда, сильно говорят о желании царя обеспечить за голштинским герцогом шведское престолонаследие. Но, в общем, никто в точности не знает намерений России, и именно поэтому все прибалтийские государства и волнуются. Объяснение чрезвычайно просто: в Петербурге, у Котлина и в Ревеле стоят в полном снаряжении не менее 22 линейных кораблей, 8 фрегатов, немало брандеров и бомбардирских кораблей и 70 галер. А на берегу готовы около 17 000 солдат, "не считая тех, которые обыкновенно уже находятся на судах"¹, — сообщает своему королю французский посол в Петербурге Кампредон в июне 1723 г. И это происходит в такой момент, когда еще не окончена большая, далекая, нелегкая война с Персией и когда Турция, обеспокоенная русскими успехами на Каспийском море, собирается грозить всерьез своим наступлением.

Следя беспокойным взором за движениями Балтийского флота, иностранные дипломаты принуждены были убедиться, что в России создан флот и на далеком Каспийском море, и он не

¹ Lettre de M. de Campredon au roi. St. Pe'tersbourg, le 5 Juillet 1723. Сборник Русского Исторического общества, т. XLIX, стр. 356 — 358.

только возник там внезапно, "из ничего", но даже умудряется брать города.

Вот приходит весть о взятии города Баку — "лучшего порта на всем побережье между Шемахой и Гиляном". Царь в большой радости, показывает послам планы города, рассказывает о бомбардировании его, и французский посол доносит королю о значении этого завоевания, о громадном обилии драгоценной нефти (*le bitume, qu'on appelle oleum petrae*) и о самом диковинном деле: "Что наиболее замечательно в этом завоевании, — это то обстоятельство, что флот, совершивший это предприятие, был выстроен в нынешнем же (1723. — Е. Т.) году"¹.

¹ Lettre de M. de Campredon au roi. St. Pétersbourg, le 20 Septembre 1723. Сборник Русского Исторического общества, т. XLIX, стр. 384 — 385.

В 1723 г. Петр решил доставить в Петербург "дедушку русского флота" — ботик, на котором он в молодости катался по реке Яузе, и приказал устроить ему торжественную встречу. По этому случаю ботик был заранее исправлен и привезен из Москвы в Шлиссельбург. 30 мая Петр лично привел ботик в Петербург. Здесь его торжественно встречали суда невиского флота и все "знатные особы". Вот что доносил французскому королю Кампредон, лично наблюдавший эти торжества.

"Государь, давая вашему величеству отчет о разных учреждениях, созданных царем для поддержки и увеличения своего могущества, я имел честь заметить, что по своим склонностям наибольшее внимание и заботы (*ses soins les plus attentifs*) он отдавал своему флоту. Ничто не доказывает лучше эту истину, чем то, что этот государь только что сделал, чтобы почтить память предмета, послужившего начальным поводом к созданию флота. Восемьдесят лет тому назад дед его царского величества выписал из Англии через Архангельск в Москву маленькое судно или, лучше сказать, модель военного судна размерами очень малой шлюпки, которую он назвал "Св. Николай", довольно грубой постройки, согласно обычаям того времени. Можно предполагать, что намерение царя Михаила Федоровича заключалось в том.

чтобы выстроить несколько судов по этой модели. Но исполнение этого было предназначено ныне царствующему монарху, который в своей юности, прослышав о судне "Св. Николай", сохранявшемся в арсенале, пожелал его видеть. Найдя его почти вовсе изъеденным червями, он велел обить его снаружи медью. Как только он получил свободу действовать по своей воле, он велел выстроить большое судно на Переяславском озере, куда он отправлялся кататься всякий раз, когда имел для этого досуг. Это и было началом проявления охоты государя к флоту. Он уже довел свой флот до большого совершенства и, чтобы почтить память "Св. Николая", велел доставить его из Москвы и поместить в Кроншлоте (sic!), как зачинателя флота. Как только царь узнал о прибытии этого судна в Шлиссельбург, куда попадают водою из Ладожского озера и который отстоит на четыре лье от Петербурга, он отправился туда с десятью галерами. Он приказал флотилии буеров и барж ждать его у Невского монастыря, куда он хотел прибыть 9 числа (июня нов. ст. 1723 г. — Е. Т.), накануне своего дня рождения. Меня предупредили, что я доставлю царю удовольствие, если поздравлю его с этим празднеством, и я отправился в монастырь к его прибытию. Флотилия из ста буеров, яхт была выстроена в боевой порядок на реке. На них были флаги всех должностных лиц флота, а на возвышении над портом установили одиннадцать чугунных пушек. Как только появился царь со своими десятью галерами и несколькими яхтами, передняя яхта при-

ветствовала адмиральский флаг семью выстрелами, другие проделали то же самое, за исключением той, которая вела на буксире "Св. Николая" под императорским штандартом. Эта яхта ответила салютом после того, как все другие ей салютовали, а артиллерия из монастыря салютовала, когда царь велел становиться на якорь. Министры и другие придворные вельможи, следовавшие за государем, пошли в монастырь, пока царь переодевался. Узнав о времени, когда царь сойдет со своей яхты, я имел честь его приветствовать и поздравить его с великой и прекрасной семьей, которую породил маленький "Св. Николай". Я заметил, что этот комплимент очень понравился царю. Он взял меня за руку, показал мне лично особенности конструкции этого судна и рассказал мне некоторые подробности, которые я имел честь изложить выше".

Празднества продолжались и на другой день, когда флотилия стала на реке, напротив сената. Гремели залпы артиллерии из крепости, не прерывались и ружейные салюты 2500 чел. солдат на берегу. Кончились торжества колоссальным пиршеством и во дворе, и на реке, и на улицах "Петербурга-городка"¹.

7 августа ботик был доставлен к Котлину, а 11 августа и там были по этому случаю устроены торжества. Как доносил Кампредон королю, "царь повелел торжественно доставить указанное судно

¹ Lettre de m. de Campredonau roi. St. Péterebouig, le 13 Juin 1723. Сборник Русского Исторического общества, т. XLIX, стр. 345 — 350.

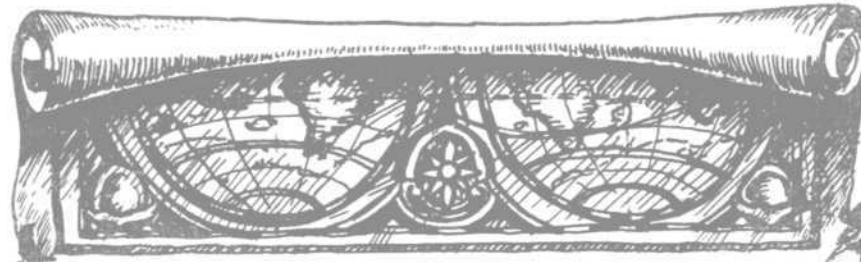
(ботик. - Е. Т.) из Петербурга в Кроншлот в сопровождении 120 яхт, или буеров, на которых находились его министры и служащие как гражданские, так и военные. "Св. Николай" вступил в Кроншлот при громе салютов в три тысячи пушечных выстрелов. Его спустили на воду и обвели вокруг всего флота, причем царь правил рулем, генерал-адмирал Апраксин и адмирал Крюйс гребли, а кн. Меншиков, занимающий пост адмирала синего флага, исполнял должность генерал-адмирала при салютовании. Торжество закончилось большим пиром в палатке, на берегу моря"¹.

К этому описанию торжеств в честь ботика следует добавить еще показание Нартова:

"Когда по возвращении в гавань произведен был залп, то государь, выходя из ботика к встречающей его императрице и ко всем министрам и флотским адмиралам, сказал: "Смотрите, как дедушку (так называл он ботик) внучаты веселят и поздравляют! От него при помощи божеской флот на юге и севере, страх неприятелям, польза и оборона государству!" Во время стола, когда пили здоровье ботика, то Петр Великий говорил: "Здравствуй, дедушка! Потомки твои по рекам и морям плавают и чудеса творят; время покажет, явятся ли они и пред Стамбулом"².

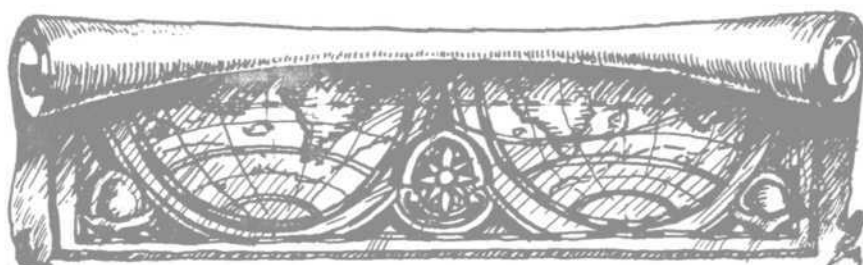
¹ Lettre de m. de Campredon au roi. St. Petersboug, le 3 Septembre 1723. Сборник Русского Исторического общества, т. XLIX, стр. 370.

² Л. Н. Майков, Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891, стр. 77.

В те три с половиной года, которые еще оставалось жить Петру после Ништадтского мира, несмотря на ежедневную административную и дипломатическую работу, очень возросшую в пропорции с увеличившимися размерами государства и грандиозно усилившимся удельным его весом в мировой политике, мысль царя все настойчивее и настойчивее продолжала работать в одном определенном направлении. Не новым, а очень старым было это направление петровской мысли. Это была идея широкого развития экономических связей России и на Западе и на Востоке, потому что без создания и укрепления новой широкой экономической базы Русское государство никак не могло превратиться в великую европейскую державу.

На Западе выход в море был найден. Прямая экономическая связь с Европой была создана, и мысль Петра обращается к Востоку. Персия, обширный восточный торговый караван-сарай, прямой при этом путь к волшебным богатствам Индии, приковывает к себе прежде всего внимание царя. Об Индии он думал, составляя в свое время инструкцию Бекович-Черкасскому, об Индии шла речь и тогда, когда Петр хотел было отправить в 1723 г. вице-адмирала Вильстера к о. Мадагаскару. Об открытии северного пути в Индию лелеялась

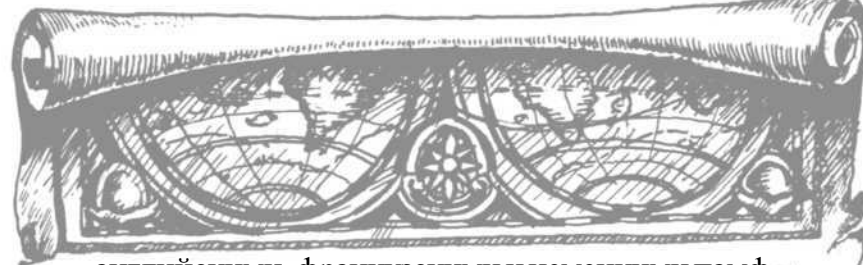
мечта и тогда, когда за тридцать пять дней до смерти Петр подписал повеление об отправлении капитана 1 ранга Витуса Беринга на край Азии.

Снаряжая в 1716 г. разведывательную экспедицию князя Черкасского в Хиву, Петр написал на его имя указ. В указе этом мы находим любопытный пункт (7-й), относящийся к купцу ("купчине"), которого царь повелевает (не называя его и предоставляя выбор начальнику экспедиции) взять с собой. "Также просить у него (хана хивинского. — Е. Т.) судов, и на них отпустить купчину по Амударье реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, и оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем, или ежели услышит в Индии еще лучший путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать"¹. Не довольствуясь этим, Петр приказал отрядить из этой же экспедиции в Индию морского офицера поручика Кожина, который под видом торгового человека ("под образом купчины") должен был "разведать о пряных зельях и о других товарах" и для того "прислать ему Кожину двух человек добрых людей из купечества, и чтобы оные были не стары"².

Конечно, это не были лживо приписываемые впоследствии (вплоть до наших дней) Петру

¹ Полное собрание законов Российской империи, т. V, 1830, стр. 198.

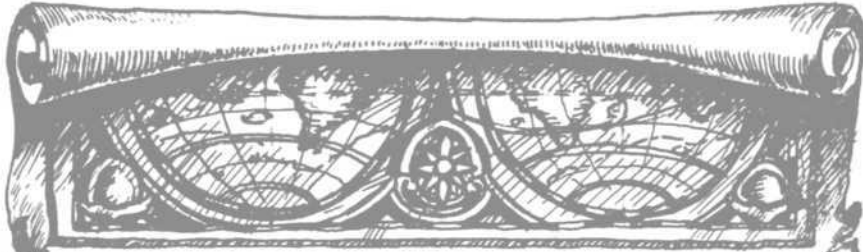
² Там же, стр. 198.

английскими, французскими и немецкими памфлетистами проекты "завоевания Индии". Петр хотел только, чтобы Россия поскорее наверстала упущенное, чтобы ей тоже довелось принять участие в торговле с великим Индостаном, которая уже с XVI века обогащала Португалию и Испанию, с XVII века — Португалию, Голландию и Англию, а со второй половины XVII столетия — еще и Францию. Речь шла о торговле, а не о покорении далекой колоссальной страны с ее пестрым и огромным населением.

Но что касается Персии, то речь шла отнюдь не только о посылке туда разведывательной экспедиции, которая могла бы помочь ориентироваться в дальнейших шагах к устранению прямых сношений с Индией. Персия сама по себе, а не только как возможная транзитная территория, была необычайно важна для русской торговли. Имело значение и то обстоятельство, что Персии грозило турецкое нашествие, а допустить завоевание ее турками Петр ни в коем случае не хотел, потому что это создало бы прямую опасность уже и для всего Астраханского края, последний же и так не был достаточно обеспечен при близком соседстве восточных кавказских племен, вассалов Персии.

Нечего удивляться, что если мечты о русской торговле заношили Петра к Чукотскому носу и, как увидим дальше, даже на Мадагаскар (о нем почти ничего у нас тогда не знали), то гораздо более сильно овладела им в эти годы мысль о Каспийском море и о Персии, которые сами по

себе могли представить большой экономический интерес для России и через которые гораздо короче путь до Индии, чем если идти туда морем из Петербурга.

Идея персидского похода 1722 — 1723 г. была с самого начала вполне ясна сотрудам и соратникам Петра. Достигнув с блестящим успехом своей цели на Балтике, Петр устремил взгляд на Каспийское море. Экономические интересы России были безусловно могучим стимулом и при Азовских походах, и при ведении труднейшей борьбы за побережье Балтийского моря, и при попытках попутно утвердить свое влияние в Мекленбурге. Теперь, после Ништадтского мира, царя с особенной силой охватило стремление установить и укрепить русские торговые связи даже с самыми отдаленными странами земли.

Уже в феврале 1722 г., т. е. через пять с небольшим месяцев после подписания Ништадтского мира, начались приготовления к походу в Персию. Войскам, предварительно сосредоточенным в поволжских городах (в Волочке, Твери, Угличе и Ярославле), приказано было построить 200 островских лодок и 45 ластовых судов. К концу мая все суда были построены и собраны в Нижнем Новгороде. К этому времени в Нижний Новгород прибыли и войска (в том числе два гвардейских полка), предназначенные для Персидского похода. Со 2 июня начали выступать из Нижнего Новгорода в Астрахань суда с войсками (каждая островская лодка приняла до 40 чел.). В первой половине июля все суда и войска прибыли в Астрахань.

Большое восстание на восточных границах Персии крайне затрудняло для шаха сколько-нибудь серьезную организацию обороны. Имея сведения об этом, Петр, собственно, и решился объявить поход. Восстание давало ему разом две выгоды: во-первых, оно парализовало часть сил шаха, а во-вторых, — облегчало царю возможность мотивировать свое предприятие желанием помочь "дружественному" тегеранскому властителю в его борьбе против мятежных подданных.

Еще из Астрахани 6 июня 1722 г. Петр обратился к персам и татарам с воззванием (на персидским и татарском языках). Царь возвещал, что идет помогать "нашему верному приятелю и соседу", "знатнейшему шаху персидскому" против бунтовщиков, которые "и наших российских людей, по силе трактатов и старому обыкновению для торгов туда приехавших, безвинно и немилосердно порубили, и их пожитки и товары на четыре миллиона рублей похитили, и таким образом противу трактатов и всеобщего покоя нашему государству вред причинили"¹.

В этом воззвании царь торжественно обещал населению всяческую охрану от грабежей и насилий со стороны русских войск. Крайне важно отметить, что обещание Петра не осталось пустым звуком, и легкость завоевания всей прибрежной полосы, с Дербентом включительно, отчасти объясняется дисциплинированным поведением

¹ Н. И. Голиков, Деяния Петра Великого, изд. 2-е, т. IX. М., 1838, стр. 132 - 133.

русских войск. Это явилось очень благоприятным фактором и в дальнейшем, т. е. в 1723 г.

15 июля суда с войсками начали выходить из Астрахани. Главным начальником похода был назначен генерал-адмирал Апраксин. 27 июля флотилия вошла в Аграханский залив. Здесь войска были высажены на берег. 5 августа войска двинулись к Дербенту, а уже 23 августа власти Дербента поднесли Петру серебряные ключи от города. Вся область Ширван была покорена, покорился и властитель Тарху шамхал и другие вассалы Персии.

Дальше уже можно было начать готовиться к походу на Баку. Было ясно, что и впредь большого сопротивления встретить не придется. Но губительная жара, болезни косили русские войска, с питанием тоже было плохо, все надежды возлагались на небольшую флотилию, подвозившую провиант.

И тут-то Петра ждал большой удар: буря уничтожила 12 транспортов, привезших из Астрахани в Дербент хлеб, а 17 других судов (тоже груженных провиантом, которым должны были быть обеспечены войска на походе от Дербента к Баку) были уничтожены около о. Чечня во время шторма.

Петр увидел, что поход на Баку из-за отсутствия продовольствия невозможен. Пришлось возвратиться в Астрахань.

Судя по всему, поход русских сухопутных и морских сил произвел неизгладимое впечатление на население прикаспийских владений Персии.

Характерно, что в народных преданиях, записанных впоследствии на местных языках (татарском, армянском) и частично переведенных впоследствии на русский язык, Петр всегда рисуется не как грозный завоеватель, а как милостивый покровитель. Для примера приведу выдержку из одного рукописного (на русском языке) позднейшего переводного сборника, где вперемешку собраны исторические известия об армянском народе и предания, которым, однако, неведомый автор сборника придает значение исторического документа. Цитируемое место снабжено датой (1138 г.), вовсе не соответствующей, по обычному магометанскому исчислению эры, тому году, когда происходил поход Петра. Но в документах как армянских, так и персидских, происходящих из персидских владений, эра высчитывалась не так, как в других магометанских государствах, а на основании особых календарных правил и условностей. Вот эта запись:

"В 1138 году Геджры повелитель России и Казани, Петр I, да упокоит бог душу его, с победоносным войском, переправясь через Терек и Койсу, вступил во владение Дербента. Жители оного вышли навстречу сего могущественного царя с ключами города и были осчастливлены ласковым словом его.

Когда он подъезжал к Кирхлярским воротам, случилось землетрясение, природа, как заметил сам государь, хотела сделать ему торжественный прием, поколебав стены перед его могуществом. Во время пребывания его в Дербенте некоторые

офицеры его войска принесли ему жалобу, что жители не продают им хлеба; добродушный царь, желая лично удостовериться в справедливости их жалобы, взял с собою переводчика и двух солдат и отправился в первую попавшуюся улицу, Мемень Куче, вошел в один двор и застал хозяйку, раскладывающую только что испеченные чуреки. Государь просил ее продать им 4 чурека, предлагая за них цену, которую она сама назначит, но хозяйка отвечала, что без позволения мужа она не может продать им хлеба, потому что годичный запас их оказывается недостаточным для продовольствия собственного их семейства; сказав это, она разломилла один чурек на 4 части и подала по куску каждому из них, решительно отказавшись от платы, которую ей предлагали. Император, довольный добротой этой женщины, наградил мужа ее и повелел каждому бедному семейству выдать по 2 четверти муки и по 20 аршин холста, что и было немедленно исполнено. Развалившиеся места стены Дербента были возобновлены по его же приказанию. Наконец, назначив правителем города Имам Кули Бека Курпи и оставив часть своих войск в Нарыдж-Кале, Петр I возвратился в Россию¹.

В 1723 поход был повторен. Основной целью похода было занятие Баку и, тем самым, прочное обеспечение завоевания прибрежной полосы, начатое взятием Дербента.

¹ Центральный Государственный архив Армянской ССР, ф. 25, л. 2526, лл. 18 - 19.

В Астрахани указом Петра от 4 ноября 1722 г. был основан военный порт и начата постройка большой верфи. Сюда выписывались мастера, свозился лес. Зима не прошла даром: войдя в дружеские сношения с просившими помощи против восстания властями провинции Гилянъ, Петр в ноябре 1722 г. отправил флотилию войска к главному городу гилянской провинции Решту. Начальствовал экспедицией капитан-лейтенант Соймонов, любимец Петра. Двумя батальонами, посаженными на суда, командовал полковник Шипов. Отправляя этот малый отряд а Решт, Петр и произнес свои знаменитые слова в ответ Шилову, который утверждал, что двух батальонов ему мало: "Донской казак Разин с пятьюстами казаков персов не боялся, а у тебя два батальона регулярного войска!" После трудного плавания при зимних штормах Соймонов пришел в Энзелийский залив и стал на якорь недалеко от Решта. Сначала казалось, что до сражения дело не дойдет, потому что ведь сам шах Гуссейн и его власти в Реште просили Петра о помощи и впустили Шилова с его батальонами. Но как раз в это время Гуссейн был низвергнут с престола, а новые власти не только не подумали заключить мир, но и грозили запереть русскую эскадру и сжечь ее.

Соймонов, оставив часть эскадры с артиллерией, чтобы поддержать пехоту Шилова, в марте 1723 г. отправился, по приказу царя, выбирать на реке Куре место создания будущего города, из которого Петр мечтал со временем создать торговый центр Восточного Закавказья. Персы пыта-

лись напасть на отряд Шилова, стоявший в Реште, и истребить его, но их попытки кончались всякий раз полным поражением.

Между тем поспевала и новая каспийская флотилия, строившаяся в Астрахани, Казани и Нижнем Новгороде. К лету 1723 г. у Петра на Каспийском море было уже 73 судна, конечно, наскоро и не очень хорошо выстроенных, но выполнявших с полнейшим успехом то дело, для которого они с такой лихорадочной поспешностью создавались. Они перевезли под Баку десант, производили артиллерийский обстрел Баку и снабжали регулярно боезапасом и провиантом войска, которые и вынудили Баку к сдаче.

4 июля 1723 г. русские корабли пришли на бакинский рейд, а спустя 21/2 недели начали высадку десанта. Затем ввиду отказа впустить русские войска в город суда стали на шпринг и начали бомбардировку одновременно с сухопутной артиллерией. С 21 по 25 июля персы либо отвечали огнем, которой никакого вреда русским судам и войскам не причинил, либо пробовали производить вылазки, неизменно отбивавшиеся.

Генерал-майор Михаил Афанасьевич Матюшкин, которому Петр вверил главное командование экспедицией, послал сказать властям в Баку, что если дело дойдет до штурма, то он сожжет Баку и никто из жителей не спасется.

26 июля 1723 г. городские власти изъявили покорность и сдали Баку. Вслед за тем был подписан мир с Персией. Победа была полная.

Итак, в Персидском походе 1722 — 1723 гг. русский военно-морской флот производил высад-

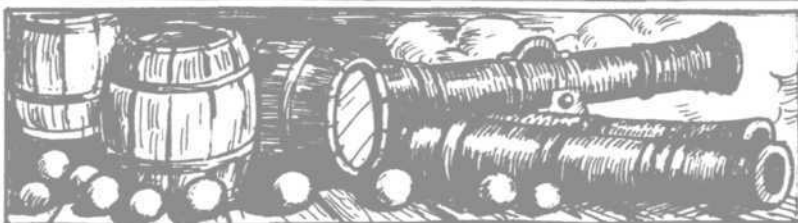

ку десантов, принимал активное боевое участие в захвате Дербента, Решты и Баку, снабжал сухопутные войска подкреплениями, боезапасом и продовольствием, вел разведку.

Таково было последнее боевое участие морских вооруженных сил в русских достижениях за годы царствования Петра.

В персидском предприятии Петра было дерзание, была инициатива, была и готовность к риску, свойственные смелым пионерам с широким горизонтом, пролагающим новые, трудные пути. Даже и сравнивать нельзя трудную дипломатическую обстановку, при которой царь пошел на Дербент и Баку, с дипломатической обстановкой, которой воспользовалась и наступление которой отчасти своими действиями ускорила Екатерина II, когда она решилась повторить попытку Петра.

Еще очень сильная Турция, только недавно одержавшая победу над Петром I при Пруте, затем Франция, очень активно поддерживающая Турцию во всем, что касалось борьбы Порты против России, наконец, Англия первого короля ганноверской династии, враждебная Франции во всем, кроме тех случаев, когда нужно было выступить против России в защиту Турции, — вот с какими могучими силами должен был считаться Петр I в 1722 — 1723 гг. И хотя царю пришлось отказаться в пользу Турции от таких городов и территорий, как Грузия, Армения, Ганджа, Шемаха, Нахичевань, но Дербент, Баку, Ленкорань и прилегающая к ним часть побережья остались за Россией.

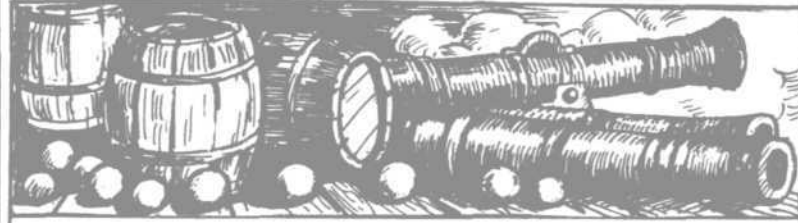

Персидский поход только отсрочил на некоторое время, но нисколько не уничтожил плана Петра, касавшегося разведок северного пути в Америку и сношений с Японией или, короче говоря, — экспедицией к берегам Америки и Японии. Здесь царь продолжал русскую традицию, уже имевшую за собой давность.

Русские отважные "землепроходцы" XVII в., вроде Дежнева, или хотя бы Хабарова и Ивана Нагибы, ходивших до устья Амура, уже добирались до берегов Тихого океана. Снаряжая Беринга, Петр продолжал эту старую русско-сибирскую традицию разведок на крайнем Северо-Востоке, и уже много русскими было сделано еще до Беринга.

Мы здесь ограничимся лишь кратким перечнем русских открытий на Тихом океане в петровский период. В 1697 — 1699 гг. В. Атласов первый побывал на Курильских островах и доставил в Москву в 1701 г. японца Денбея, взятого им на Камчатке с разбитого японского судна. Денбей дал некоторые сведения о Японии¹. В 1702 г. якутский служилый человек Михайло Наседкин сообщил первые сведения об островах, которые

¹ Н. Оглоблин. Две "сказки" Вл. Атласова об открытии Камчатки. Чтение в Об-ве истории и древностей Российских при Московском Университете, 1891, кн. III, стр. 1 — 18.

впоследствии были названы Командорскими¹. В 1711 г. служилый человек Петр Попов и промышленник Егор Толбин ходили к "Анадырскому носу" и узнали, что между Азией и Америкой существует пролив, что в этом проливе есть острова и что русские раньше проходили этот пролив в судах². В 1711 и 1713 гг. Иван Козыревский дважды ходил "в малых судах" на Курильские острова... "и подал де всему, за своею рукою, и тем островам чертеж, даже и до Матманского острова"³. В 1713 г. казаки Семен Анабара, Иван Быков и другие открыли Шантарские острова⁴. В 1716 г. был открыт морской путь из Охотска на Камчатку.

В 1719 г. Петр предписал поручику Ивану Евреинову и геодезисту Федору Лужину выяснить, граничит ли Азия с Америкой. В инструкции Петра от 2 января 1719 г., данной Евреинову и Лужину, было сказано: "Ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азией, что надлежит дело тщательно сделать, не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить"⁵.

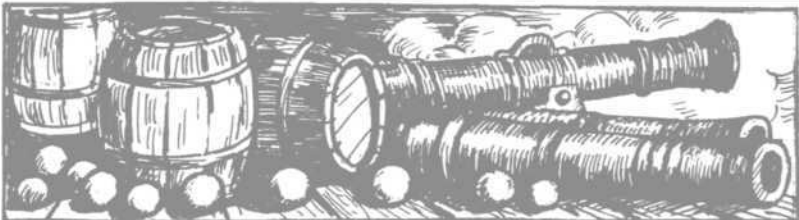
¹ Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II. СПб., 1885, стр. 502.

² Там же, кн. I. СПб., 1882, стр. 457 — 459.

³ Там же, кн. I, стр. 462 — 463, кн. II, СПб., 1882, стр. 46.

⁴ Там же, кн. II, стр. 47 — 49.

⁵ Полное собрание законов Российской империи, т. V, стр. 607.

Евреинов и Лужин отправились морем из Охотска на Камчатку и здесь зазимовали. Весной они вышли на судне в море и, следуя Курильской грядой, дошли до пятого или шестого острова. Во время бури судно лишилось всех якорей, что вынудило Евреинова и Лужина вернуться к берегам Камчатки, а затем — в Охотск.

Евреинов и Лужин возложенную на них задачу не решили, о чем Евреинов и доложил Петру, явившись к нему в весьма хлопотливый момент — в 1722 г., когда Петр был поглощен своими персидскими делами.

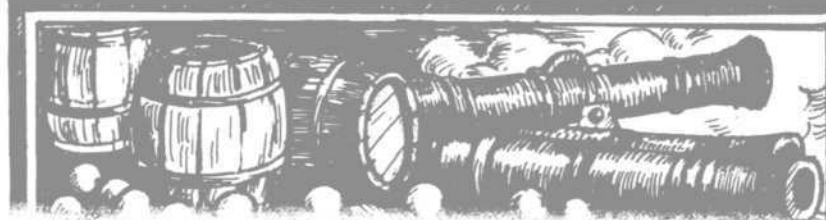
Окончив персидские дела, Петр за три недели до смерти, призывает капитана 1 ранга Витуса Беринга, на которого он решил возложить решение так давно интересовавшей его проблемы. Это был его личный выбор, и удачнее выбор этот нельзя было сделать, что ярко подтвердилось, когда Петр уже давно лежал в могиле.

6 января 1725 г. Петр подписал следующую инструкцию Берингу:

"1. Надлежит в Камчатке, или в другом том месте, сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах, возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать где она сошлась с Америкой и чтобы доехать до какого города европейских владений, или ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него как оный кюст (берег) называют и взять на письме, и са-

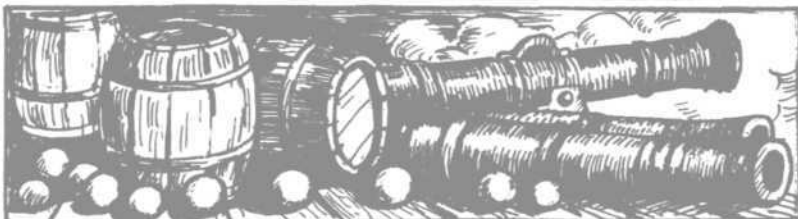
мим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и поставя на карту, приезжать сюды" ¹ *.

24 января 1725 г. экспедиция Беринга двинулась из Петербурга. Но уже 8 февраля 1725 г., доехав только до Вологды, Беринг узнал, что Петр скончался. История знаменитой экспедиции выходит уже из хронологических рамок моей работы ².

Петр после персидского похода ничуть не переставал интересоваться и вопросом о прямых морских торговых сношениях своей империи с Индией. Напротив, ведь именно персидский поход и показал, что преодолеть "сухопутный океан", отделяющий Баку от Индии, очень трудно, а значит, нужно начать поиски по морю. Дело дошло до того, что в конце 1723 г., прослышав о Мадагаскаре и о том, будто властелин мадагаскарский заводит какие-то сношения с некоторыми европейскими державами, царь немедленно приказывает снарядить для похода к "Мадагаскару" два фрегата и укомплектовать их экипаж "лучшими людьми". А сам садится и пишет 9 ноября 1723 г.: "Высокопочтенному королю и владетелю славного острова Мадагаскарского наше поздравление" и просит его благосклонно принять посылаемого "для некоторых дел" вице-адмирала

¹ [Ф. Веселаго], Очерк русской морской истории, стр. 631 — 632.

² Интересующиеся дальнейшими экспедициями Беринга могут прочесть вышедшую в конце 1946 г. книгу нашего известного географа академика Л. С. Берга "Открытие Камчатки и экспедиции Беринга". Об открытиях русских сравни А. В. Ефимов, Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.

Вильстера "с некоторыми офицерами". "Некоторые дела" заключались в том, чтобы этого предполагаемого короля и владельца побудить завести торговлю с Россией. Никакого "короля" на Мадагаскаре не было, а были флибустьеры, морские разбойники, грабившие западное побережье Мадагаскара, от которых население (мадагаскарские племена) спасалось внутрь острова. Там княжили мелкие туземные князьки и царьки. И "сношения" (с Англией, со Швецией и с Францией) пробовали заводить именно пираты (флибустьеры), в частности, посаженный в конце концов в английскую тюрьму авантюрист и пират Морган, а вовсе не "король и владелец", которого и на свете не было. Возглавлявшему экспедицию на Мадагаскар вице-адмиралу Вильстеру Петр дал следующую инструкцию, из которой мы приведем наиболее характерные пункты, указывающие, насколько секретно должно было вестись все дело:

"1) Ехать тебе сюда до Рогервика и тамо на один из фрегатов "Амстердам Галее" или "Декронде-Ливде" и идти с обеими в назначенный вам вояж.

2) Будучи в вояже, от всех церемоний (как в здешнем море, так и в большем) удаляться под видом торговых кораблей, и лучше выпелся не иметь; а ежели где необходимая нужда того востребует, а именно, яко например в Зунде и при прочих тому подобных местах, то проходить под флагом воинским и выпелем капитанским и именем своего капитана, а своего по рангу вашего

флага, во оном будучи вояже, как туда, так и назад возвращающемуся отнюдь не употреблять; а когда в показанное место прибудете, то свой вам флаг иметь позволяется.

3) Прошед Зунд, править свой курс кругом Шкоции (Шотландии. — Е. Т.) и Ирландией, а каналом отнюдь не ходить, дабы не дать никому нашего подозрения.

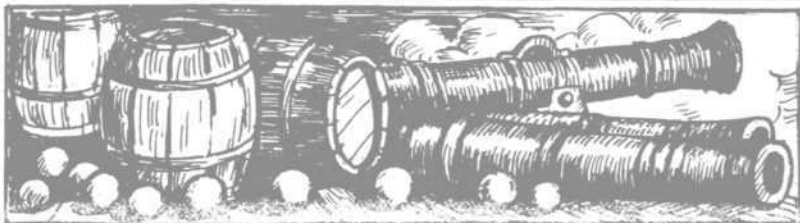
4) Будучи в вояже, никуда в гавани не входить, разве что, паче чаяния, какое несчастье постигнет, от чего боже сохрани, то войти (но и тшиться сколько возможно в таком случае свободных гаваней входить) и, исправя нужнее, паки в вояж вступать немедленно.

5) Когда в назначенное вам место с помощью божиею прибудете, тогда, имея свой флаг, объявить о себе владеющему королю, что вы имеете от нас к нему комиссию посольства, и верующую нашу грамоту при сем приложенную ему подайте.

6) А потом всяким образом тшиться, чтоб оного короля склонить к езде в Россию.

7) Когда пройдете Зунд, тогда вам сию инструкцию объявить капитану Мясному (командиру фрегата "Амстердам Галей". — Е. Т.) и капитан-поручику Киселеву (помощник вице-адмирала Вильстера. — Е. Т.); а как до показанного вам места дойдете, то комиссию свою исполнить и трактат заключить купно с вышеупомянутыми Мясным и Киселевым".

На экспедицию царь ассигновал "три тысячи червонных золотых для всяких приключаящихся нужд, без чего обойтись будет невозможно".

Кроме того, Вильстеру давалось провианта на восемь месяцев, "ибо более того уместить не можно", пива — на два месяца, "а на прочие месяцы мукою и солодом на квас.

Петр надеялся, что мадагаскарский "король" соблазнится предлагаемым ему "воем", и особым пунктом инструкции указывалось Вильстеру, как поступить, если сам "король" поедет в Россию, и как — если поедут "только посланные от него"*. Кончалась инструкция выражением царского доверия Вильстеру, "как честному и высокоповеренному флагману, и чтоб сие все содержано было в вашем добром секрете"². Инструкция была подписана Петром в Петербурге 5 декабря 1723 г.

Экспедиция не удалась. Фрегаты в последние дни декабря вышли из Ревеля, пошли в Рогервик (Балтийский порт), приняли там на борт вице-адмирала Вильстера, но затем, по выходе в море, были повреждены штормом и вернулись 31 декабря 1723 г. в Ревель для исправления. Повреждения оказались настолько серьезными, что уже 10 января 1724 г. Вильстер просит царя дать ему вместо них корабль "Принц Евгений" и фрегат "Крюйсер". Царь согласился дать новые корабли. Неизвестно, выходил ли Вильстер вторично в море. Никаких данных для ответа на этот вопрос нет. Во всяком случае, если и выходил (что очень

¹ И. Зейдель, Снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году. "Морской сборник", 1867, № 9, стр. 79 - 80.

² Там же.

мало вероятно), то ясно, что и этот выход был совершенно неудачен.

Окончательно Петр отказался от намерения посылать экспедицию на Мадагаскар тогда же, в конце зимы 1724 г. Нам посчастливилось найти в неисчерпаемой сокровищнице Центрального Государственного Архива Военно-Морского Флота один документ, не только не изданный, но никогда и не упоминавшийся в исторической литературе. Документ этот бросает свет на причину внезапного отказа царя от предприятия, для которого он только что согласился выделить новые суда. Петр не любил отказываться от раз им решенного дела только из-за временной случайной неудачи в начале предприятия. Но документ, который мы имеем в виду, может объяснить решение царя вполне удовлетворительно.

В документе речь идет об Ульрихе, стоявшем в свое время во главе шведской экспедиции, отправленной на Мадагаскар.

3 февраля 1724 г. в Ревель прибыл из Швеции генерал-адъютант и командор Ульрих, который рассказал, что он "года два тому назад был назначен командором над пятью шведскими кораблями", которые он и повел в экспедицию на Мадагаскар. При этом из довольно путанного донесения, посланного из Ревеля в Петербург Апраксину, явствует, что в этой шведской экспедиции принимали участие некий "человек, именуемый Морганом, который назывался губернатором" (Мадагаскара), и еще другой человек — Ситлер, который именовался капитаном. Ясно, что это были делегаты от фли-

бустьеров, прибывшие в Швецию искать покровительства, которого они не нашли в те годы в Англии. В Ревеле заинтересовались этим делом, зная, что царь носит с мыслью о русской экспедиции на Мадагаскар. Но шведский генерал-адъютант Ульрих проявил большую конспиративность, заявив, что "только приватной персоне" ничего сказать о Мадагаскаре не желает, а ежели бы он мог в Санкт-Петербурге его императорскому величеству нижайше свой поклон принести, то он обо всем императору Петру мог донести и "хотел объявить письменно, в каком намерении она экспедиция была отправлена и какой причины ради она в действие не произведена". Этот шведский генерал-адъютант и командор (так его рекомендует его родственник из Ревеля) — "эстляндской породы", а посему "он его величеству не противник"¹.

По-видимому, рассказ Ульриха об его неудаче и был одной из причин (если не главной), склонивших Петра отказаться от отправки экспедиции на Мадагаскар.

В том же объемистом томе Центрального Государственного Архива Военно-Морского Флота, куда вплетены совсем немногие бумаги, относящиеся к несостоявшейся мадагаскарской экспедиции, мы находим документальные доказательства, свидетельствующие, что Петр в 1723 г. уже начал собирать справки о китоловном промысле у берегов далекой Гренландии².

¹ ПГАВМФ, канцелярия графа Апраксина, д. 230, лл. 319 — 320.

² Там же. д. 224.

От тропиков до стран вечного льда летала не знавшая покоя мысль Петра, от северного предполярья до известных тогда пределов южных широт устремлялся его взор, выискивая, куда направить созданные суда на поиски новых материальных благ для русской торговли. Петр торопился, бросался от одного проекта к другому. Жестоко одолевала его болезнь, которую все труднее становилось игнорировать. Он не сдавался, интенсивная работа продолжалась своим чередом.

Смерти Петр не боялся, во всяком случае ни делом, ни словом ни разу не обнаружил страха перед ней. Когда адмирал Крюйс в 1713 г. посоветовал Петру не идти в опасный поход от Котлина в Ревель ввиду возможного наличия в Финском заливе превосходящего по силе шведского флота и представил ему (в письменном виде) ряд примеров гибели людей на море, то Петр раздраженно ответил Крюйсу (тоже письменно), приводя примеры того, как люди и без всякого участия в морском бою легко погибают. Крюйс ему пишет, что там взорвался и потонул корабль со всеми людьми, а Петр отвечает: "Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили". Крюйс указывает, что шведский корабль "Три короны" порохом подорвало. А Петр на это отвечает:

"Окольников Засекин свиным ухом подавился". Крюйс приводит изречение адмирала Тромпа, который говорил: "Щастие и нещастие в баталии многожды состоит в одной пулке", — Петр отвечает: "Боятца пулки — не итти в солдаты; или кому деньги дороже чести, тот оставь службу¹". Так полемизировал царь, отстаивая любимую свою стихию от преувеличенных и несправедливых, по его мнению, нареканий.

Петр был болен уже давно. И не знаящая покоя деятельность, и треволнения, и неистовые, безудержные излишества, которым он предавался без всякой меры, подточили его здоровье. Мучительные припадки каменной болезни, осложняемые болями другого происхождения, временами имели место еще в 1723 г., а в 1724 г. страдания стали интенсивны и возвращались уже без больших промежутков. При этих условиях и произошло событие, нанесшее окончательный удар. Петр, уже больной, провел несколько дней в холодную осень 1724 г. то на яхте, то на берегу озера Ильмень, тов Старой Ладоге, где осматривал постройку Ладожского канала. Наконец, 5 ноября он вернулся в Петербург, но с яхты не сошел, а велел немедленно, не дав себе отдохнуть от большого и трудного путешествия, идти на Лахту, откуда хотел отправиться в Сестрорецк, чтобы осмотреть оружейные мастерские, которыми всегда живо интересовался.

¹ А. Ф. Бычков, Письма и бумаги Петра Великого, хранящиеся в императорской Публичной библиотеке. СПб., 1872, стр. 68 — 69.

Тут-то близ Лахты в темный, сильно ветреный поздний вечер с царской яхты заметили бот с солдатами и матросами, который сел на мель. Петр тотчас велел идти к боту, чтобы снять его с мели. Но это намерение оказалось неосуществимым, яхта имела очень глубокую осадку и не могла, не рискуя сама сесть на эту же мель, добраться до бота.

Убедившись в этом, Петр пошел на шлюпке, но и шлюпка тоже была остановлена мелью. Тогда царь неожиданно прыгнул со шлюпки и, погружившись по пояс в воду, зашагал к боту. За ним пошли другие. Все находившиеся на боте были спасены. Но пребывание в ледяной воде отозвалось на снедаемом болезнями и без того уже надломленном организме Петра. Некоторое время Петр перемогался. Положение, однако, вскоре стало совершенно безнадежным. 28 января 1725 г. он скончался в бессознательном состоянии, наступившем задолго до смерти.

Великая держава, одна из самых могущественных на море и безусловно самая могущественная на суше, — вот чем было Русское государство в системе других стран к моменту смерти Петра.

Флот, который при Петре начал свое славное существование, временами был опорой России при ее последующей борьбе с явными и тайными врагами, которые самыми разнообразными средствами пытались в различные времена покуситься на ее самостоятельность и на ее интересы. Однако

далеко не всегда за последние почти двести лет вплоть до крушения монархии государственная власть в достаточной мере обнаруживала понимание этого значения флота для поддержки русской политики.

Неисчислимы были тяжкие труды и громадные жертвы, которые принес русский народ при создании могущественного военного флота.

С русской закрепошенной массы в самом деле "драли три шкуры" для создания и укрепления мощи государства помещиков и купцов (Сталин), причем в области внешней политики народ оказался победоносным в борьбе за возвращение стародавних, захваченных шведами приморских земель, гнетуще необходимых для дальнейшего экономического развития страны. И дееспособность государства в этой борьбе в очень значительной степени была обусловлена именно созданием русской морской мощи, которой и в помине не было до Петра.

Поколение русских моряков, русских кораблестроителей, русских флотоводцев, вышедших из недр русского народа, создало эту морскую мощь. С легкой руки иностранцев, писавших о петровском времени (немцев, французов, шведов, англичан), часто преувеличивалась безмерно роль иностранной науки и техники в создании петровского флота. Мы теперь уже можем считать вполне выясненным, что уже в первые годы войны Петр сознательно (и вполне успешно) стремился к возможно скорейшей замене иностранцев, служивших во флоте и на верфях, русскими

ми людьми. А главные командные посты старался отдавать только русским людям.

После Ништадтского мира, в 1722 — 1723 гг., он крайне поощрял выход в отставку иностранцев, служивших во флоте. За очень немногими, единичными исключениями он полного доверия к ним никогда не чувствовал. "Сии плуты", — так честил он их в гневные минуты. Русские флотоводцы — Петр, Апраксин, кн. Голицын, Наум Сенявин и т. д. — одержали первые в русской истории блестящие морские победы, русские моряки владычествовали к концу Северной войны в Ботническом и Финском заливах, нещадно били врага у его берегов, подводя близко к Стокгольму созданный гениальной новаторской мыслью Петра шхерный флот, которого тогда не знали вовсе ни шведы, ни голландцы, ни англичане, ни датчане, ни французы. От юного русского флота трижды уходил, не отваживаясь сразиться с ним, британский адмирал Норрис, русские верфи выпускали суда, по единодушным отзывам-знатоков очевидцев, не уступавшие ни в чем лучшим кораблям старых морских держав вроде Англии.

5 апреля 1722 г. адмиралтейству повелено было открыть школы обучения морскому делу. Но принимать в эти учебные заведения дозволялось лишь русских подданных: Петр торопился поскорее избавиться совсем от иностранного элемента во флоте.

Тарле Е.В.

Т20 Русский флот и внешняя политика Петра I. —
СПб.: Фирма «БРАСК», Морской исторический сборник,
1994. — 192 с.: ил.
ISBN 5-85-089-029-7

Т 1304040500—05—без объявл.

68.66

ТАРЛЕ Евгений Викторович
Русский флот и внешняя политика Петра I

Ответственная за выпуск **М. И. Потапова**
Художественный редактор **В. Г. Крайнюков**
Художник **Т. В. Иванова**
Компьютерная верстка **В. Б. Борисова**

Координаторы проекта **Б. В. Журавлев**,
В. Г. Крайнюков

*Издание подготовлено и выпущено при содействии фирмы «БРАСК»
(Санкт-Петербург, ул.Кантемировская, дом 4) и редакции Морского
исторического сборника.*

*Отзывы на книгу просим направлять по адресу:
191025, Санкт-Петербург, а/я 147*

Сдано в набор 14.09.93. Подписано в печать 27.05.94. Формат 60х88/16 Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Объем 12 п.л. Тираж 20000 экз. Заказ 202.

Оригинал-макет подготовлен фирмой «БРАСК»

Государственная типография № 4 г. Санкт-Петербурга Ко-
митета Российской Федерации по печати. 191126, С.-Петер-
бург, Социалистическая ул., 14.